

Н. В. Измайлов

ВОСПОМИНАНИЯ О ПУШКИНСКОМ ДОМЕ. 1918—1928 гг.

Публикация Н. А. Прозоровой

Судьба известного пушкиниста Николая Васильевича Измайлова (1893—1981) неразрывно связана с историей Пушкинского Дома. Трудные годы политических преобразований после революции, неустроенные в бытовом и психологическом отношении, были пережиты им вместе со старейшими пушкинодомцами Б. Л. Модзалевским, Н. А. Котляревским, Б. И. Копланом, И. А. Кубасовым, П. Е. Рейнботом и другими. Напрямую коснулись его и драматические события «академического дела». Воспоминания Измайлова — это хроника Пушкинского Дома 1918—1928 гг., но хроника не сухая, а наполненная заботами, тревогами, надеждами и интересами людей, стоявших у истоков его основания.

Работа над воспоминаниями проходила в 1968—1970-х гг., и еще при жизни автора они были подготовлены к печати, а затем опубликованы в журнале «Русская литература» в сокращенном варианте.¹ В сокращенную редакцию по понятным причинам тогда не вошли отдельные эпизоды из жизни видных пушкинистов, имеющие как фактическое значение (арест Б. Л. Модзалевского в 1924 г.), так и касающиеся их внутренней жизни (примирение Модзалевского с Лернером после долголетней ссоры), а также различные детали и события, передающие тот особый дух и творческий настрой, который изначально был присущ коллективу пушкинистов.

В опубликованную часть воспоминаний не были включены живые портреты-характеристики М. Д. Беляева, П. Е. Рейнбота, Б. И. Коплана, Е. П. Казанович, представляющие несомненный интерес. Опущен при публикации был и небольшой рассказ о похоронах Модзалевского (в котором Николай Васильевич делился своими личными переживаниями), а в истории с передачей и отправкой Онегинского музея из Франции в Пушкинский Дом не описана причина (невыдача заграничного паспорта), по которой Измайлов не выехал в Париж. Остались неизданными странички об Академии наук середины 1920-х гг., размещавшейся в нескольких зданиях, с ее небольшим штатом, минимальным издательским аппаратом и «решительно устаревшим» жалованием сотрудников.

Кроме того, вызывает сожаление тот факт, что записки о литературном быте пушкинодомцев крайне малочисленны,² и поэтому публикация воспоминаний Измайлова в полном объеме кажется нам необходимой.

Николай Васильевич Измайлов родился 27 ноября (9 декабря) 1893 г. в г. Борисоглебске Тамбовской губернии в дворянской семье. Отец ученого — юрист, адвокат Измайлов Василий Владимирович (1862—1931), мать — Измайлова (урожд. Гавская) Зоя Николаевна (1861—1930).³ В 1907 г. семья в полном составе (в ней были еще старшие сестры — Наталья и Анна) переехала в Петербург. После окончания Тенишевского реального училища Николай Васильевич поступил в 1911 г. на славянское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета, где учился у профессоров И. А. Шляпкина, А. А. Шахматова, П. А. Лаврова, И. И. Толстого. В Пушкинском семинарии С. А. Венгерова он прочитал свою первую исследовательскую работу «Пушкин и кружок любителей». В годы 1-й мировой войны находился в действующей армии, сначала в передовых санитарных отрядах Красного креста и Союза городов (начальник транспорта; 1914—1915), а затем служил прапорщиком в 104-й артиллерийской бригаде (1916—1917). После демобилизации в чине прапорщика артиллерии в конце 1917 г. вернулся в университет и окончил его в декабре 1918 г.

С ноября 1918 г. Измайлов работал в I-м отделении IV секции Единого государственного архивного фонда в качестве архивариса (с 1920 — заведующий отделом), изучал материалы В. П. Боткина в Пушкинском Доме, а с 1919 г. состоял при кафедре русской литературы в университете. В эти же годы ему удалось прослушать и окончить Архивные курсы при Петроградском археологическом институте.

В Пушкинский Дом Николай Васильевич поступил в сентябре 1920 г. и рассматривал это как «одно из важнейших событий» в своей жизни. В течение долгих лет он находился рядом с близкими по духу, хотя и разными по характерам, людьми и ощущал этот коллектив своим «домом», в каком бы помещении «дом» ни находился. Не случайно его память сохранила все мельчайшие подробности пушкинского быта: размещение столов сотрудников, «шкафов и шкафиков», и даже цвета обоев музейных зал.

«Вскоре после моего поступления, — вспоминал Измайлов, — появились вернувшиеся в Петроград старые сотрудники Пушкинского Дома или его друзья — Михаил Дмитриевич Беляев (из Симбирска), Иван Андреевич Кубасов (из Астрахани), Модест Львович Гюфман (из Чернигова); тогда же вступил в него Павел Евгеньевич Рейнбот...».⁴ Собирал их Борис Львович Модзалевский, с ним они списывались и узнавали о возможности возвращения из городов, куда выезжали из столицы, спасаясь от голода, в тяжелые послереволюционные годы. Не без чувства растерянности и тревоги писал Модзалевскому из Полтавы юрист, секретарь Пушкинского лицеистского общества П. Е. Рейнбот с просьбой выслать разрешение на выезд в Петроград для работы в Пушкинском Доме. М. Д. Беляев, работавший в те годы в Симбирске по устройству Симбирского художественного музея и Симбирского губернского книгохранилища, тоже интересовался у Бориса Львовича: «Главный вопрос, вот какой — можно ли жить в Петербурге и в частности могу ли я надеяться работать в Пушк<инском> Доме? И если да, то на каких условиях. Мне бы хотелось работать по музейно-художественной части Дома, т. к. в этой отрасли я более понаоторел».⁵ Вернулся в Петроград и И. А. Кубасов, командированный Академией наук в Астрахань для собирания материалов к Ежегоднику «Наука в России» и задержавшийся там по «обстоятельствам» голодного времени. Пришли в те годы в Пушкинский Дом и лица с «литературными фамилиями» — А. А. Достоевский, С. А. Островский, Н. А. Пыпин и другие.

Сформированный к 1921 г. состав сотрудников Пушкинского Дома с небольшими изменениями работал вплоть до так называемого «академического дела», начавшегося осенью 1929 г. Несмотря на «кочевание» с бесценными материалами из

одного помещения в другое, этот коллектив вел интенсивную собирательскую, исследовательскую, публикаторскую работу (вышло более 50 книг) и выставочную деятельность.

Николай Васильевич Измайлов, поступив в Пушкинский Дом в качестве научного сотрудника, с 1921 г. был ученым хранителем рукописей, а с 1924 г. — заведующим Рукописным отделом. Его научная работа в эти годы касалась исследований творчества А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, А. Н. Островского, декабристов, а также редактирования (после смерти Модзалевского) сборника «Пушкин и его современники». В эти годы вышла работа «Пушкин. Очерк жизни и творчества» (Л.; М., 1924), а участие в издании «Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832» (Л., 1927) принесло большое творческое удовлетворение. Помимо работы в Пушкинском Доме Измайлов с 1925 г. по 1928 г. состоял научным сотрудником I-го разряда в Научно-исследовательском институте сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при Ленинградском университете. Такое совмещение было вызвано, вероятно, необходимостью обеспечивать семью, которая к тому времени у него появилась: в 1923 г. Николай Васильевич женился на Наталье Сергеевне Платоновой, дочери академика С. Ф. Платонова, а в 1924 г. у них родилась дочь Татьяна.

Долгожданным и счастливым событием для пушкинотомцев стало получение Онегинского музея из Парижа весной 1928 г., передача и отправка которого из Франции была сопряжена с большими юридическими и организационными трудностями.⁶

Летом 1926 г. С. Ф. Платонов был в двухмесячной заграничной командировке в Германии и Франции с научными целями (для занятий в библиотеках и архивах) и по вопросам урегулирования дел, связанных с Онегинским собранием.⁷ Однако, находясь во Франции с 18 июня по 28 июля и работая в контакте с Полпредством, «ликвидировать в Париже все вопросы, связанные с Онегинским музеем», Платонову не удалось. В письме к М. Волошину от 9 сентября 1926 г. Платонов сообщал об Онегинском музее: «Вывести (музей. — Н. П.) не удалось, так как, опечатав квартиру Онегина, французское правительство с наследства Онегина желает получить законные пошлины, а по связи с Музеем возбуждает некоторые теоретические вопросы».⁸

Осенью вновь вернулись к обсуждению кандидатуры для поездки за музеем. На заседании Президиума Академии наук 27 ноября 1926 г. было признано необходимым фактическое участие представителя Пушкинского Дома в приемке Онегинского музея, для чего было решено: «командировать на 1 месяц в Париж Н. В. Измайлова, с ассигнованием ему на эту командировку 750 руб. из золотого кредита АН на командировки. Относительно расходов по упаковке и отправке Музея Онегина в Ленинград ожидать дальнейших сообщений».⁹ Кандидатура Измайлова, блестяще владевшего французским языком¹⁰ и к тому же пушкиниста, устраивала Академию, но поездка его так и не состоялась. После долгих хождений за разрешением на выезд, стало ясно, что власти решили заграничный паспорт не выдавать. «Очень удивлен и очень огорчен осложнением в деле поездки за Онегинским музеем... — писал 6 января 1927 г. Модзалевский Платонову. — Что же теперь делать?»¹¹ Похоже, что в феврале месяце 1927 г. обмен телеграммами между С. Ф. Ольденбургом и полпредом СССР во Франции Раковским еще оставлял надежду на выезд Измайлова, но к апрелю необходимость в назначении новых кандидатов стала очевидной: Ленинградский административный отдел так и не выдал нужного разрешения. Полномочия от Академии приняли на себя пребывавшие тогда во Франции академики — М. М. Богословский, а затем А. Н. Крылов. Когда же и Крылов был вызван в Москву в ноябре 1927 г., вся фактическая работа легла на Анну Богдановну

Фёрингер.¹² И физик по специальности, Анна Фёрингер, работавшая в Париже непосредственно для международного издания (*Tables Annuelles de Constantes physiques et chimiques*), организовала отправку музея Онегина. «Позвольте обратиться к Вам от имени Пушкинского Дома, — писал Измайлов Фёрингер, — прежде всего за тем, чтобы выразить глубокую благодарность за все заботы и хлопоты об Онегинском музее, которые Вы взяли на себя ради пользы Пушкинского Дома, и несли и несете уже несколько месяцев. Благодаря энергичным действиям Вашим и Алексея Николаевича Крылова дело, тянувшееся более пяти лет, казавшееся иногда совершенно безнадежным, приходит к концу, и если теперь уже скоро Онегинский музей будет в стенах Пушкинского Дома, то этим в значительной степени мы будем обязаны Вам и Алексею Николаевичу».¹³

Печальным предвестником «академического дела» стал для пушкинистов неожиданный арест Б. Л. Модзалевского, организованный Н. М. Орлеанским, «случайным у нас человеком», по словам Измайлова, и вахтером Филипповым, написавшим на Бориса Львовича в ОГПУ донос. Потрясенный чудовищностью обвинения (в махинациях с государственными средствами и государственным имуществом Пушкинского Дома), Модзалевский был посажен на несколько дней в камеру вместе с уголовниками. В письме от 18 января 1924 г. к М. О. Гершензону он писал: «...со мной случилось страшное несчастье: кто-то (вероятно, из младших моих служащих, т<о> е<сть> служителей) послал на меня донос в Уголовный розыск, с обвинением в ряде преступлений, — и я был арестован (12 января) и продержан в тюрьме с ворами, хулиганами и подобной публикой до 16 числа, когда вернулся домой, разбитый физически, а главное — морально. Сын все время был занят хлопотами по моему делу и утешал мою жену...».¹⁴ Сохранилась сопроводительная записка Льва Борисовича к передаче в камеру: «Б. Л. Модзалевскому. Посылаем: 1. подушку. 2. чай. 3. сахар. 4. масло. 5. хлеб. 6. булки. Не волнуйся, береги себя. Академией предприняты шаги. У нас все благополучно. Сын».¹⁵ В записке зачеркнуты пять наименований продуктов и вещей, видимо, неразрешенных зрителем к передаче. На записке имеется приписка: «12 января 1924 года 12½ ч. дня. Папа арестован 11 января утром по доносу негодяя И. Т. Филиппова, служителя П<ушкинского> Д<ома>».¹⁶ После трехдневных хлопот С. Ф. Ольденбурга Борис Львович вернулся домой «разбитый физически и душевно». На заседании Отделения русского языка и словесности 29 января Модзалевский попросил об освобождении его от исполнения обязанностей директора Пушкинского Дома (не объясняя, впрочем, истинной причины своего отказа, а, ссылаясь на «необходимость приготовить несколько экстренных работ для предстоящего 125-летнего Пушкинского юбилея»), при этом академик С. Ф. Платонов согласился взять на себя руководство Пушкинским Домом до возвращения из заграничной командировки Н. А. Котляревского. Уголовное дело № 4426 по обвинению Модзалевского по ст. 116 УК было прекращено на основании Постановления ВЦИК от 1 и 28 августа 1924 г.¹⁷

«Дело» Модзалевского, по мнению пушкинодомцев, ускорило его смерть 3 апреля 1928 г. Мрачное предчувствие охватило Н. В. Измайлова в день похорон Бориса Львовича. Сообщая о пушкинодомском горе М. Н. Сперанскому в Москву 4 апреля 1928 г., Николай Васильевич писал: «Так это неожиданно и дико, что не можем еще освоиться с этой мыслью, и все это кажется странным и невозможным. Пушкинский Дом осиротел и сейчас наше будущее совершенно темно».¹⁸ 1928 г. был последним годом перед началом «академических пертурбаций».

Первый гром грянул в июле-августе 1929 г., когда подразделения Академии наук подверглись «пересмотру личного состава». Сразу после отъезда директора Пушкинского Дома академика С. Ф. Платонова в Крым в Дом отдыха «Гаспра» в

Ленинград приехала Комиссия по проверке аппарата Академии наук под председательством Ю. П. Фигатнера.

Измайлов вместе с женой Натальей Сергеевной и пятилетней дочерью Татьяной тоже находились в то время на отдыхе — в Анапе. Из газет и писем они узнавали о работе Комиссии. «По-видимому, работа Комиссии должна окончиться в течение двух-трех недель, — сообщила Наталья Сергеевна отцу. — Коле пишут, что особым циркуляром прекращен отпуск тем служащим, которые жили недалеко от Л<енин>гр<ада>, относительно же тех, кто находится далеко, — решено *пока* их не вызывать. Все же мы готовы к тому, что Коле придется уехать отсюда раньше меня».¹⁹ Среди сотрудников академических учреждений начались волнения, стали появляться первые списки уволенных. «Ник<олай> Вас<ильевич> прислал сегодня срочную телеграмму Кубасову, — писала Платонову из Ленинграда его дочь Вера, — с вопросом, надо ли спешно возвращаться; ему отвечали, что пока не надо».²⁰

Во время первой «чистки» академических учреждений, закончившейся к концу августа, особенно пострадала Библиотека Академии наук, для личного же состава Пушкинского Дома она прошла менее болезненно. В письме к С. Ф. Платонову в Крым от 15 августа 1929 г. И. А. Кубасов писал:

«Я не хочу отравлять Вам Ваших минут отдыха (если только Вы отдыхаете), но у меня, простите, есть (являясь) просто потребность не то, чтобы уронить перед Вами слезу, но высказаться за всю семью Пушкинского Дома. Мы пережили тяжелые минуты, тяжелые дни, но, по счастью, все для нас обошлось более или менее благополучно... <...> многих из нас тягали по одиночке на допрос (в числе их — Бор<иса> Ив<ановича>, Рейнбота, Комарову, Переселенкова, Достоевского, С. А. Шахматову-Коплан, Населенко и др.), но и это сошло более или менее благополучно: из сотрудников П<ушкинского> Д<ома> никого не извлекали на всенародное позорище, никого не пытали перед Общим собранием (как сотрудников других учреждений) и никого не уволили. Комиссия мне *приказала* снизить Е. П. Населенко (по молодости) и Н. М. Орлеанского (по старости); через 48 часов, согласно приказа, постановление Комиссии было приведено в исполнение... <...> У всех у нас несколько отлегло от сердца, ибо, памятуя процедуры и результаты чистки учреждений очищенных перед нами, мы ждали худшего; но все же мы еще не успокоились, ибо „работа“ Комиссии еще не закончена. Более всех, как Вам, вероятно, известно, пострадала Библиотека... <...>

Работа, конечно, замедла, ибо каждый день заседания, совещания, и все время — напряженность и нервное ожидание „чего-то“ еще, ибо, повторяю, работа Комиссии еще не закончена. (Она предполагает закончить свои работы к 23—25 числу августа.)

Не смею докучать Вам более. Скажу только в заключение, что на деятельность П<ушкинского> Д<ома>, на его работу Комиссия пока что взглянула благосклонно и внесла только одно пожелание — увязать более его работу с марксизмом.

Разрешите на этом закончить мое письмо-рапорт».²¹

К письму была сделана приписка: «Н. В. Измайлов проявил излишнюю нервность и даже наказал себя, израсходовавшись на посылку срочных телеграмм; но ему ничего не угрожало и не угрожает. Я постарался успокоить его».²² Однако дальнейшее развитие событий показало обратное. После летнего отдыха 29 августа семья Измайловых выехала в Ленинград, не предвидя, разумеется, того, как драматически отразится на ее судьбе начавшиеся «академические пертурбации».

Вторая волна «чистки» началась в октябре 1929 г. и продолжалась по декабрь 1930 г. Главный удар «академического дела» был направлен на учреждения, которыми руководил Платонов — Библиотеку АН, Пушкинский Дом, Археографическую комиссию.²³ Обвинение, в конечном счете предъявленное Сергею Федоровичу, за-

ключалось в том, что Платонов будто бы собрал в академических учреждениях убежденных монархистов для подготовки заговора и восстановления монархии,²⁴ создав для этой цели «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России».

Поводом ко второй волне увольнений, арестов, а впоследствии — приговорам к расстрелам и ссылкам в лагерь явилось заявление в прессе 6 ноября 1929 г. о том, что в Академии наук спрятаны важные политические документы, которые были «найжены» Правительственной комиссией Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР по проверке аппарата Академии в Библиотеке, Пушкинском Доме и Археологической комиссии.²⁵ В связи с этим от должности неперменного секретаря был отстранен С. Ф. Ольденбург, бывший заступником и покровителем пушкинотомцев, а затем в отставку подал Платонов и начались аресты в учреждениях, им возглавляемых.

14 ноября были уволены и арестованы Николай Васильевич Измайлов и заведующий музеем М. Д. Беляев по обвинению в «незаконном хранении архивных документов».

В течение зимы 1929—1930 гг. были арестованы работавшие в академических учреждениях бывшие военные, участники будто бы «военной секции» заговора, к которой был «причислен» и Измайлов, причем ОГПУ отводило ему «руководящую роль в создании практической деятельности организации».²⁶

Работа в Пушкинском Доме в это время замерла. В осторожном письме к М. А. Цявловскому от 19 декабря 1929 г., едва касаясь опасной темы, П. Е. Рейнбот писал: «Я все еще жив, в чем Вы имели бы полное право сомневаться... На письмо Ваше не ответил сразу по уважительной причине — сейчас скажу о ней, а затем — наступили времена и события Вам известные — заниматься было совершенно невозможно, руки опустились».²⁷ И далее, говоря о задержке печатания «Пушкина и его современников», отмечает: «С уходом Н. В. (Измайлова. — Н. П.) все перепуталось...».²⁸ В январе 1930 г. был арестован С. Ф. Платонов, а позднее из пушкинотомцев — Б. И. Коплан, Б. М. Энгельгардт (тогда он работал в БАН), Н. А. Пыпин, А. А. Достоевский, П. И. Зиссерман. 2 февраля 1931 г. на заседании Чрезвычайного общего собрания Академии наук СССР С. Ф. Платонов был исключен из числа действительных членов Академии.²⁹

В феврале, мае, августе 1931 г. последовали одно за другим вынесения приговоров. Н. В. Измайлову, якобы возглавлявшему «военную организацию», грозил расстрел. Тяжелое испытание выпало на долю его родных: в 1930 г. умерла мать Зоя Николаевна, а в 1931 г., не вынеся горя, трагически оборвал жизнь отец, Василий Владимирович.³⁰

8 августа 1931 г. Н. В. Измайлов был осужден по ст. 58 к ссылке в Ухто-Печорский исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет. Там он работал экономистом-статистиком. Летом 1932 г. Наталья Сергеевна навестила мужа, а затем вскоре приехала на Печору к мужу жить вместе с дочерью.³¹ С. Ф. Платонов был выслан в Самару сроком на пять лет и умер в ссылке в 1933 г. В июле 1934 г. Измайлов был освобожден и получил возможность вернуться в Ленинград; судимость была снята гораздо позже — на основании указа Президиума Верховного Совета об амнистии 27 марта 1953 г., а полная реабилитации произошла 20 июля 1967 г. по Постановлению Верховного суда СССР (реабилитирован как и все участники «академического дела» — «за отсутствием события преступления»). По воспоминаниям сотрудницы Пушкинского Дома Л. Н. Назаровой, для которой Николай Васильевич был и наставником и чутким другом, большую поддержку в хлопотах по реабилитации оказал в то время Н. В. Измайлову академик Михаил Павлович Алексеев.

Боль тех лет, вероятно, жила в Измайлове до конца жизни, но в сдержанном (даже осторожном) тоне публикуемых воспоминаний не нашла и не могла найти

своего отражения: о ней можно только догадываться. Непопулярная в семидесятые годы тема академических репрессий не стала объектом рассмотрения Николая Васильевича как в силу объективных, так, возможно, и в силу личностных причин, и потому фактически законченные и подготовленные к печати воспоминания имеют хронологическую границу 1928 г. и обрываются до начала «академического дела». Довоенный архив ученого, в котором могли быть свидетельства (или следы) текущих событий 1929 г., погиб в блокаду. Не характерно было для Николая Васильевича делиться рассказами об обстоятельствах ареста и заключения даже с самыми близкими людьми. Но его размышления о пережитом, записанные спустя сорок лет после начала «академического дела», все же сохранились в небольшой тетради, озаглавленной «Тетрадь XYZ». Она начинается с *Пролога*:

«Перед моими глазами упорно появляется и стоит одна картина. Ее можно назвать фантастической, ведь она — плод моего воображения, и я не знаю, было ли когда-нибудь, и если было, то в каком виде, то, что я себе представляю. Но по существу, по смыслу последующих событий, *так должно было быть*, — быть может, только в других формах. И это доказывается эпилогом всей истории, которую я задумал рассказать, эпилогом, происшедшим почти через сорок лет после этой представляющейся мне картины, или, лучше сказать, сцены».³²

Далее Измайлов подробно описывает эту сцену: в кабинете начальника управления ОГПУ СССР собираются будущие исполнители «академического дела» и некий «московский представитель» знакомит их с секретной директивой, спущенной сверху. Суть ее заключается в необходимости замены старой интеллигенции новыми кадрами, в особенности в области гуманитарных и исторических наук. Но как уничтожить это «вражеское гнездо», эту «цитадель дореволюционной интеллигенции», чего так добивается историк М. Н. Покровский? «Бороться с Платоновым, Тарле и проч. на их собственной, научно-исторической территории — невозможно: слишком неравны силы, слишком слабы новые, окружающие Покровского кадры, — пишет Измайлов, — использовать приближающуюся „чистку“ состава Академии Наук (о „чистке“ скажу особо. — *Н. И.*) — не даст того, что нужно, т. к. „чистка“ не может коснуться крупных ученых, в особенности — академиков и членов-корреспондентов. Да и „чистить“ известных профессоров, авторов многих трудов, мотивируя их увольнение плохой работой, уж очень неудобно, особенно в глазах „заграницы“».³³ И остается один путь — объявить известных историков контрреволюционерами, готовящими заговор против Советской власти, но как это сделать, если нет никаких доказательств подобного заговора? И это знают все: и палачи, и жертвы. «Заговора быть не может уже потому, — пишет Измайлов, — что невозможно себе представить, чтобы такой человек, как академик Сергей Федорович Платонов, почти 70-летний историк с глубоким и тонким пониманием исторического процесса, мог поверить в его возможность, т. е. в возможность организации заговора и возможность самого переворота, и возглавить его. Не может быть и в силу объективных причин — в силу отсутствия почвы для заговора (по крайней мере, для заговора интеллигентского, а не массового типа, с реставрационными целями), в силу отсутствия связей у группы академиков и профессоров в какой бы то ни было среде, способной к политическим движениям — студенческой, военной, не говоря уже о рабочей и крестьянской...».³⁴ И поскольку такая контрреволюционная организация не существует реально, она должна быть создана (так говорит «московский представитель») «здесь», в ОГПУ и воплощена в «факты».

Так небольшая тетрадка «XYZ», сохранила для нас свидетельство того, как именно Н. В. Измайлов понимал стратегические цели и тактические задачи сфабрикованного ОГПУ «академического дела». Дело готовилось, по мнению Измайлова, постепенно, начиная с массовых кратковременных арестов: в июне 1927 г., «прошу-

пываний» и «проверок», а затем сбора «первоначального материала» во время «чистки» осенью 1929 г.

«Несмотря на арест, — писал Измайлов в своей автобиографии, — мои работы в эти годы продолжали печататься. В 1930 г. вышел сборник «Тургенев и круг „Современника“» под моей редакцией, издание „Переписки“ Тургенева с Боткиным под общей редакцией Н. Л. Бродского и моей, статьи в сборниках „Пушкин и его современники“ (вып. 38—39, 1930) и „Памяти П. Н. Сакулина“ (1931); в собрание сочинений Пушкина — приложение к „Красной Ниве“ (1930) и ГИХЛ (1931, 1934 и след.) — вошли приготовленные Б. В. Томашевским и мною тексты стихотворений».³⁵

В 1930-е гг. Пушкинский Дом утратил свое привычное название и стал именоваться Институт новой литературы (ИНЛИ).³⁶ За реформу Пушкинского Дома последовали радикальные перемены в личном составе. Еще в сентябре 1929 г. из Москвы был срочно вызван А. Е. Ферсманом академик П. Н. Сакулин, устроившийся в Ленинграде «по-студенчески», сняв комнату, а в декабре Академия наук постановила «считать ак<адемика> П. Н. Сакулина избранным директором П<ушкинского> Д<ома>».³⁷ В мае-июне Сакулин выслал из Москвы свою библиотеку и научный архив (20 ящиков с книгами), готовясь на новом месте продолжить научную работу, но судьба распорядилась иначе: 7 сентября 1930 г. Павел Никитич скоропостижно скончался.³⁸ Вскоре во главе Пушкинского Дома встал А. В. Луначарский. Состав сотрудников Пушкинского Дома к этому времени поменялся коренным образом. С горечью писал в сентябре 1931 г. М. А. Цявловскому уволенный из Пушкинского Дома П. Е. Рейнбот:

«Завтра исполняется 10 месяцев со дня извержения моего из Пушк<инского> Дома. Сам „Дом“, как Вам известно, перестал существовать. За девять месяцев появилось целое новое поколение, „зачатое“ после того, как Академия постановила: „принять меры к скорейшему назначению мне пенсии“».³⁹ Одновременно с П. Е. Рейнботом был «уволен на пенсию» Иван Андреевич Кубасов, еще недавно единодушно избранный старшим ученым хранителем Пушкинского Дома. Обеспеченный темпом замены старых кадров новыми, но смирившийся с нею (возможно, только на словах), Иван Андреевич радел прежде всего об интересах дела и просил оставить его в институте хотя бы на некоторое время. «...Я считаю именно своим долгом закончить дело ликвидации не разобранных и не зашифрованных коллекций и дублетно-обменного фонда, — писал Кубасов в заявлении Непременному секретарю АН 2 января 1931 г., — каковое в наикратчайший срок и с наименьшей затратой материальных средств могу (да по существу и должен) закончить я лично, ибо никто лучше меня не знает состава фондов библиотеки, историю накопления их...».⁴⁰

Однако принципиально изменить было уже ничего нельзя. Никто из уволенных из института и репрессированных (кроме Измайлова) в дальнейшем уже не вернулся на службу в Пушкинский Дом. Петр Иванович Зиссерман был расстрелян. Вскоре по возвращении из ссылки умер Андрей Андреевич Достоевский. Михаил Дмитриевич Беляев жил в Ростове-Ярославском (Ростов Великий), а затем обосновался в Москве. Борис Иванович Коплан работал в Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра.

По возвращении в Ленинград (1934) Н. В. Измайлов продолжил научную деятельность: участвовал в подготовке Академического издания полного собрания сочинений Пушкина, Пушкинской выставки 1937 г., консультировал на «Ленфильме» картину «Юность поэта», работал над монографиями о поэмах Пушкина «Полтава», «Езерский» и «Медный всадник». В 1939—1941 гг. Николай Васильевич преподавал на филологическом факультете Ленинградского университета.

Началась война, и в сентябре 1941 г. Н. В. Измайлов был эвакуирован в г. Чкалов (Оренбург). Семья его, Наталья Сергеевна с дочерью, а также родная сестра Наталья Васильевна (Ната) остались в Ленинграде.

При переезде из Ленинграда в Чкалов (5—23 сентября 1941 г.) Измайлов вел короткие подневные путевые заметки, сохранившие характерные детали быта первых месяцев войны. Вот некоторые записи из его «Дневника путешествия»:

«7 сентября. 5 час<ов> утра, приезд в Шереметевку (Шлиссельбург) под дождем. Воздушные бои и бомбежка. Переход на пристань, погрузка в баржу. Днем переход в Ладожский канал на 5-й км. Стоянка до вечера.

8 сентября. Плавание по Ладожскому каналу в барже (голодно!). Дождь. <...>

14 сентября. Путь в эшелоне. Оричи — отличный буфет, кипяток и проч. Котельнич — эвакуопункт. Неудачная попытка добыть хлеб. Пересадка на Горький невозможно. Поздно вечером — приход в Киров II (сортировочная). Долгая стоянка на путях вдали от вокзала. Сходить с поезда и оставаться в Кирове нельзя. Первая незамаскированная станция и город. <...>

19 сентября. Путь в п<оезде> № 4. Больше стоим, чем едем. В 9 час<ов> ст<анция> Шаля. С большим опозданием приходим в 6-м часу вечера в *Свердловск*. Дождь. Масса народа. Челябинский поезд давно ушел. Возня со сдачей вещей на хранение. Ночевка сидя на вокзале».⁴¹

Разлука с родными рождала взаимное беспокойство, но первое время особенно волновались о Николае Васильевиче оставшиеся в Ленинграде Наталья Сергеевна и Наталья Васильевна (Ната). Последняя писала брату в письме от 29 октября 1941 г.: «Дорогой мой, милый Николушка, как рады мы были получить твои две открытки с места, хотя и не очень веселые. <...> Сейчас тебе надо ловить всякую работу, хотя бы санитаря в больнице, чтобы был кусок хлеба; здесь бывает, что архитекторы работают санитарями. Мы живем понемножку, я каждую неделю бываю с ночевкой на В<асильевском> О<строве>, и уношу с собой запас тепла и уюта, — ведь это вся моя семья...».⁴² В квартире на Васильевском острове жила и родная сестра Натальи Сергеевны Мария Платонова (Маруся), долгие годы страдавшая ревматизмом суставов. Сентябрь и октябрь 1941 г. прошли для семьи Измайловых относительно благополучно: бомбежки не задели их дома, Наталья Сергеевна работала медицинской сестрой в больнице им. Эрисмана, а Наталья Васильевна в Публичной библиотеке. «Наша крохотная квартира, — писала Наталья Сергеевна мужу, — пока благополучна; наш район вообще оказался тихим: в бомбоубежище не ходим, т<ак> к<ак> оно у нас маленькое; первую неделю, пока оно не было устроено, я давала приют у нас в кухне и передней женщинам с детьми и старухам из верхних этажей. Мы здоровы, хотя все как-то заметно похудели».⁴³ Затем ситуация резко ухудшилась, письма Николая Васильевича не доходили до адресатов: в декабре заболела Татьяна и была помещена в больницу, в ту же больницу попала и Наталья Сергеевна с диагнозом дистрофия. В январе умерли от истощения Наталья Васильевна и родные сестры Натальи Сергеевны — Мария и Нина. Обо всем этом написала мужу в Чкалов Наталья Сергеевна в своем последнем блокадном письме от 21 марта 1942 г.,⁴⁴ сама она умерла 13 мая 1942 г. Истошенная голодом дочь Николая Васильевича Татьяна выехала в Чкалов к отцу в начале июня 1942 г.

В Чкалове Измайлов работал преподавателем русской литературы в Чкаловском государственном педагогическом институте, а также в 1944—1945 гг. состоял по совместительству сотрудником Чкаловского Областного института усовершенствования учителей по кабинету русского языка и литературы. Работа занимала все время Николая Васильевича и была его спасением. За время пребывания в Чкалове он прочел около 50 лекций о русской литературе и поместил в местной прессе около 30 статей на литературные и театральные темы.

30 ноября 1943 г. Николай Васильевич защитил в Москве в Институте мировой литературы им. А. М. Горького кандидатскую диссертацию «О творчестве Пушкина». Оппонентами его были профессора Д. Д. Благой, Н. Л. Бродский и М. А. Цявловский.

В сентябре 1953 г. Н. В. Измайлов (в это время судимость его была уже снята) вернулся в Ленинград. Здесь он продолжил работу, начатую еще в Чкалове — «Крестьянский вопрос в творчестве Пушкина», подготовил для «Библиотеки поэта» стихотворения Жуковского, прокомментировал по заданию ОЛЯ АН СССР вновь найденный автограф стихотворения А. С. Пушкина «Мирская власть», рецензировал работы для Пушкинского Дома и в 1954 г. читал лекции в Ленинградском государственном педагогическом институте.

Женой Измайлова в эти годы стала Наталья Александровна Чебышева, дочь известного историка литературы Александра Александровича Чебышева (1866—1917), с которой Николай Васильевич был знаком еще с 1925 г., когда Чебышева работала в Пушкинском Доме, выполняя работу в Рукописном отделе и библиотеке (1925—1931). Наталья Александровна участвовала в издании «Тургенев и круг „Современника“» (Л., 1930), которое редактировал Измайлов. Потом их пути разошлись. А после войны, в которой каждый из них потерял близких (Николай Васильевич — жену и сестру, а Наталья Александровна — мать), их судьбы соединились. Н. А. Чебышева, по специальности библиотечкарь-переводчик, долгие годы работала в библиотеках Института изучения мозга им. В. М. Бехтерева и Института экспериментальной медицины им. И. П. Павлова АН СССР. Ею составлены библиографии работ И. П. Павлова, Н. Е. Введенского, В. М. Бехтерева, В. А. Вагнера и др. Наталья Александровна, по всей видимости, обладала общительным характером, о чем свидетельствуют многочисленные шуточные послания, стихотворения и поздравления, написанные ею и к ней по разным случаям и сохранившиеся в архиве Измайлова. Особенно уютно и тепло было у Измайловых, вспоминает Л. Н. Назарова, в день именин Николая Васильевича, 19 декабря, когда Наталья Александровна принимала гостей — пушкинистов и тургеневедов.

В марте 1955 г. Н. В. Измайлов возвратился в Пушкинский Дом, где был зачислен в сектор новой русской литературы младшим научным сотрудником, затем с апреля 1956 г. утвержден в должности старшего научного сотрудника, а в 1957 г. стал заведующим Рукописным отделом (сменив Томашевского) и был им до 1970 г. Как заведующий Рукописным отделом вел большую работу по комплектованию архива (благодаря его заботам были переданы в архив материалы Волошина, Булгакова и многих других), был ответственным редактором и членом редколлегий ряда изданий отдела.

С конца 1950-х гг. являлся председателем текстологической комиссии и членом редколлегии по академическому изданию полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева. О работе Измайлова в Тургеневской группе Людмила Николаевна Назарова вспоминает с особой теплотой: «Николай Васильевич был очень терпелив, добр по отношению ко всем нам, в общем-то, конечно, очень мало опытным текстологам. Мы искренне его полюбили, он очень, очень многому научил нас. За годы, когда готовилось первое полное академическое издание, мы прошли у него настоящую школу текстологии и тургеневедения».⁴⁵

Научное признание Н. В. Измайлов получил прежде всего как пушкинист.⁴⁶ Оригинальный вклад в пушкиноведение внесли его работы о «Полтаве», «Медном всаднике», истории литературных взаимоотношений Пушкина и Мицкевича, источниках работы Пушкина над «Историей Пугачева», «Капитанской дочкой» и др. Начиная с 1922 г. Измайлов принимал участие во всех крупных изданиях, связанных с именем Пушкина. В качестве редактора текстов и автора примечаний участвовал

в составлении II—V, VIII, XI, XII, XIV—XVI томов Полного собрания сочинений Пушкина; редактировал многие издания сектора пушкиноведения. В июне 1963 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Текстологические и историко-литературные вопросы изучения Пушкина». Защита диссертации превратилась в своеобразный «юбилей», в подведение итогов работы Н. В. Измайлова более чем за сорок лет. За книгу «Очерки творчества Пушкина» (Л., 1975) Николаю Васильевичу была присуждена Пушкинская премия 1980 г.

Умер Николай Васильевич 2 мая 1981 г., похоронен на Большеохтинском кладбище в Петербурге.

Воспоминания публикуются по машинописному варианту, хранящемуся в РО ИРЛИ, р. 1, оп. 11, № 141. Часто встречающиеся в тексте сокращения слов, имен, отчеств и фамилий раскрыты без обозначения ломаными скобками. Текст разделен на абзацы публикатором; уточнена пунктуация. Правленный текст, зачеркнутый автором (или, возможно, редактором) дается в примечаниях. В комментариях акцент сделан на имена сотрудников Пушкинского Дома: по возможности приведены биографические сведения (в особенности это касается малоизвестных лиц), служебные перемещения, характер научных интересов. Данные о службе в ИРЛИ в большинстве случаев приводятся на основании архивных материалов (личных дел или трудовых списков).

Второй публикуемый документ — последнее письмо Натальи Сергеевны Измайловой (урожд. Платоновой; 1894—1942) из блокадного Ленинграда к Н. В. Измайлову в Чкалов (Оренбург), написанное 21 марта 1942 г. На конверте сохранилась помета Николая Васильевича о получении им письма 27 апреля. 13 мая 1942 г. Наталья Сергеевна не стало.

Выражаем благодарность Т. Н. Измайловой за передачу этого письма в Рукописный отдел Пушкинского Дома. Письмо хранится в личном фонде Н. В. Измайлова (ф. 714); часто встречающиеся сокращения слов, имен и отчеств раскрыты при публикации в ломаных скобках.

---

¹ Измайлов Н. В. Из воспоминаний о Пушкинском Доме (1918—1928) // Русская литература. 1981. № 1. С. 89—106.

² Ср.: Яковлев Н. Из воспоминаний о Пушкинском Доме // Звезда. 1969. № 8. С. 165—174; РО ИРЛИ, р. 1, оп. 2, № 394 (Беляев М. Д. Пушкинский Дом и его первые обитатели); Российская национальная библиотека (далее — РНБ), ф. 326, № 18—20 (Дневники Е. П. Казанович).

³ Биографические и служебные сведения здесь и далее приводятся на основании: РО ИРЛИ, ф. 150, оп. 2, № 191 (личное дело Н. В. Измайлова), а также на основе автобиографий и анкет, хранящихся в его личном фонде 714 (не обработан).

⁴ Измайлов Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг. (наст. публикация).

⁵ РО ИРЛИ, ф. 184 (письмо М. Д. Беляева к Б. Л. Модзалевскому от <5 декабря> 1920 г.; фонд не обработан).

⁶ Об истории взаимоотношений А. Ф. Онегина с Академией наук, об условиях договора, касающегося Онегинского собрания, поездке М. Л. Гофмана в 1922 г. в Париж см.: Файнштейн М. Ш. Из истории собрания А. Ф. Онегина в Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 307—316; Огневич Е. В. М. Л. Гофман: Жизнь и труды // Страницы истории пушкиноведения. СПб., 1994. С. 63—71.

⁷ Петербургский филиал архива Российской Академии наук (далее — ААН), ф. 2, оп. 17, № 139, л. 105.

⁸ РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 972, л. 12—12 об. (письмо С. Ф. Платонова к М. Волошину от 9 сентября 1926 г.).

⁹ ААН, ф. 4, оп. 4, № 967, л. 18 (выписка из протокола заседания Президиума АН от 27 ноября 1926 г.).

¹⁰ По сообщению Т. Н. Измайловой, Николай Васильевич имел французские «корни»: бабушка его по отцовской линии, Мария Феликсовна, была французенкой. Умерла она рано, когда Василию Владимировичу было два года.

¹¹ РНБ, ф. 585, оп. 1, № 3585, л. 16 (письмо Б. Л. Модзалевского к С. Ф. Платонову от 6 января 1927 г.).

¹² См. об этом: РНБ, ф. 585, оп. 1, № 4456, л. 2.

¹³ Цит. по: *Файнштейн М. Ш.* Из истории собрания А. Ф. Онегина в Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 314.

¹⁴ См.: Переписка М. О. Гершензона с Б. Л. Модзалевским / Публ. Е. Ю. Литвин // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год: Научные материалы к биографии Б. Л. Модзалевского. СПб., 2001. С. 352.

¹⁵ РО ИРЛИ, ф. 184 (записка Л. Б. Модзалевского к Б. Л. Модзалевскому от <12 января 1924 г.>).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же (справка о прекращении уголовного дела № 4426 1924 г., выданная 31 декабря 1924 г. уголовным отделом Ленинградского губернского суда).

¹⁸ ААН, ф. 172, оп. 1, № 128, л. 7—7 об. (письмо Н. В. Измайлова к М. Н. Сперанскому от 4 апреля 1928 г.).

¹⁹ РНБ, ф. 585, оп. 1, № 3028, л. 42 (письмо Н. С. Измайловой к С. Ф. Платонову от 5 августа 1929 г.).

²⁰ РНБ, ф. 585, оп. 1, № 4578, л. 40 (письмо В. С. Шамониной (урожд. Платонова) к С. Ф. Платонову от 8 августа 1929 г.).

²¹ РНБ, ф. 585, оп. 1, № 3295, л. 3—4 (письмо И. А. Кубасова к С. Ф. Платонову от 15 августа 1929 г.).

²² Там же, л. 4 об.

²³ «Академическое дело» называлось также «дело историков», «дело Платонова», «дело Платонова — Тарле», «дело четырех академиков».

²⁴ См. об этом подробнее: *Перченко Ф. Ф.* Академия Наук на «великом переломе» // Звенья. Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 163—235.

²⁵ См. об этом подробнее: *Брачев В. С.* «Дело» академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 117—129.

²⁶ Опуская драматические подробности следствия, отметим, что Измайлов стал бесправной жертвой этого чудовищного политического процесса и под воздействием незаконных методов психического воздействия был вынужден оговорить себя. Обратимся к опубликованным материалам «академического дела», в которых имеется следующее: «В своем заявлении в Военную прокуратуру СССР 12 марта 1957 г. Н. В. Измайлов писал, что „провел 21 месяц в Доме предварительного заключения <...>, в том числе 13 месяцев в одиночном заключении (два месяца в темной камере)“ и по отношению к нему применялись „противозаконные меры психологического и даже физического воздействия“. В мае 1931 г. Н. В. Измайлов „подал в следственные органы подробное заявление, в котором отказывался от данных ранее личных показаний“ и указал, что все дело, по которому он был привлечен, „выдуманно от начала до конца“. Однако этому заявлению „не было дано хода“». Цит. по изд.: Академическое дело. 1929—1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993. Вып. 1. С. XL—XLI. См. также об этом: *Перченко Ф. Ф.* Академия Наук на «великом переломе» // Звенья. Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 218.

²⁷ РО ИРЛИ, ф. 387, № 281, л. 6 (письмо П. Е. Рейнбота к М. А. Цявловскому от 19 декабря 1929 г.).

²⁸ Там же, л. 6 об.

²⁹ См. публикацию Г. А. Савиной стенограммы этого заседания, сделанную в рамках статьи: *Перченко Ф. Ф.* Академия Наук на «великом переломе» // Звенья. Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 226—230.

³⁰ См. об этом в примечаниях к публикации: *Ростов А.* Дело четырех академиков // Память. Исторический сборник. Париж. 1981. Вып. 4. С. 495: «Насколько мы знаем, Н. В. Измайлов был сначала приговорен к высшей мере. Получив известие об этом, утопился в Неве его отец, Василий Владимирович. Потом Н. В. Измайлов был выслан на Печору, но не в лагерь, а на поселение». В автобиографии 1955 г. Измайлов коротко сообщает об отце: «Отец — юрист, адвокат, позднее —

служащий Петербургского городского управления; после Октябрьской революции работал в Гос<ударственном> контроле и в Ленинградском ОблФО; умер пенсионером в 1931 г.» (РО ИРЛИ, ф. 150, оп. 2, № 191, л. 4).

³¹ Сообщено Т. Н. Измайловой.

³² РО ИРЛИ, ф. 714 (*Измайлов Н. В.* Тетрадь XYZ; фонд не обработан).

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ РО ИРЛИ, ф. 150, оп. 2, № 191, л. 4 об.

³⁶ О преобразовании Пушкинского Дома в Институт русской литературы см.: *Баскаков В. Н.* Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР в 1930—1945 годах // *Русская литература.* 1980. № 2. С. 109—122.

³⁷ ААН, ф. 4, оп. 4, № 1752, л. 8.

³⁸ О проекте преобразования Пушкинского Дома в Институт русской литературы, задуманном П. Н. Сакулиным, см.: *Баскаков В. Н.* Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР в 1930—1945 годах. С. 110—113. После смерти Сакулина временное директорство приняли Н. К. Козмин и его заместитель Г. Е. Горбачев.

³⁹ РО ИРЛИ, ф. 387, № 281, л. 18 (письмо П. Е. Рейбота к М. А. Цявловскому от 12 сентября <1931 г.>).

⁴⁰ ААН, ф. 4, оп. 4, № 1564, л. 135 об.

⁴¹ РО ИРЛИ, ф. 714 (*Измайлов Н. В.* Дневник путешествия. (Итинерарий)).

⁴² РО ИРЛИ, ф. 714 (письмо Н. В. Измайловой к Н. В. Измайлову от 29 октября 1941 г.).

⁴³ РО ИРЛИ, ф. 714 (письмо Н. С. Измайловой к Н. В. Измайлову от 31 октября 1941 г.).

⁴⁴ РО ИРЛИ, ф. 714 (последнее блокадное письмо Н. С. Измайловой к Н. В. Измайлову от 21 марта 1942 г.; публикуется ниже).

⁴⁵ РО ИРЛИ, ф. 851 (воспоминания Л. Н. Назаровой о Н. В. Измайлове; фонд не обработан).

⁴⁶ См.: *В. В.* [Вацуро В. Э.] О пушкиноведческих работах Измайлова // *Пушкин. Исследования и материалы.* Л., 1983. Т. 11. С. 336—338; Список трудов Н. В. Измайлова по пушкиноведению / Сост. В. В. Зайцева // Там же. С. 338—346.

I

Воспоминания

Я познакомился впервые с Пушкинским Домом осенью 1918 года, когда готовился к сдаче (и сдавал) государственные экзамены в Петроградском университете — в последнюю сессию, проходившую по прежним, еще дореволюционным планам. Моими профессорами — заведующим кафедрой новой русской литературы С. А. Адриановым¹ и руководителем Пушкинского семинария, в котором я работал, будучи студентом, С. А. Венгеровым,² — мне было обещано «оставление при университете (или при кафедре) для подготовки к профессорской деятельности», что года через два обратилось в звание научного сотрудника Исследовательского института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока имени Александра Николаевича Веселовского (ИЛЯЗВ).³ Как это ни странно, темой, первоначально избранной мною для работы, был не какой-либо вопрос творчества Пушкина, а жизнь и деятельность В. П. Боткина,⁴ — эту тему рекомендовал мне С. А. Венгеров для практики, прежде всего, в анализе документальных материалов. А таких материалов — неизданных писем Боткина к братьям,⁵ к Тургеневу,⁶ Белинскому, художнику Горбунову⁷ и проч. —

было много в Пушкинском Доме при Российской Академии наук. И вот за этими-то материалами я и явился в первый раз в это малознакомое мне учреждение.

Нужно сказать, что ни «учреждения», ни «Дома» в прямом смысле в то время еще не существовало. Старое (и давно устаревшее) «Положение о Пушкинском Доме», утвержденное еще в 1906 году,⁸ было отменено — если не формально, то фактически — после Октябрьской революции; новое еще не было выработано — его ввели на следующий год, <5 апреля> 1919 года.⁹ Не было и собственного помещения, не говоря уж об отдельном собственном здании — и большое, все растущее (особенно с 1917 года) имущество Пушкинского Дома было раскидано по разным местам главного здания Академии наук, начиная с площадки парадной лестницы (где теперь, с 1925 г., находится мозаичная картина Ломоносова «Полтавская виктория»)¹⁰.

Я пришел к старшему ученому хранителю (т. е. научному руководителю и заведующему Рукописным отделом) Пушкинского Дома Борису Львовичу Модзалевскому¹¹ в архив Академии наук, которым он заведовал (это была его официальная должность). Помещался же архив в темноватых мансардных комнатах над Большим конференц-залом, на самом верху крутой каменной лестницы позади этого зала, ведшей и в «канцелярию Конференции» и в кабинет неперменного секретаря академика Сергея Федоровича Ольденбурга.¹² Борис Львович принял меня ласково и внимательно, как он всегда принимал приходивших работать над материалами Пушкинского Дома, особенно молодых, поговорил, выяснил мои желания и тотчас достал пачку писем Василия Петровича Боткина к брату, Дмитрию Петровичу,¹³ которые я и принялся изучать, вчитываясь в мелкий и неясный почерк Боткина и переписывая те места, какие мне представлялись интересными.

В тот период, однако, работа моя не стала особенно интенсивной: мешали сначала последние государственные экзамены, потом — работа в архивах I отделения IV секции ЕГАФ (Единого государственного архивного фонда), т. е. по истории русских дореволюционных учебных заведений, куда я поступил на службу по окончании университета.

Но Борис Львович помнил меня, и когда после утверждения нового Положения и штата в 1919 году дирекция Пушкинского Дома — его директор академик Нестор Александрович Котляревский¹⁴ и Б. Л. Модзалевский — стала приглашать новых сотрудников, Борис Львович позвонил мне и предложил поступить сотрудником в Рукописный отдел Дома. Я с радостью согласился, хотя принужден был на первых порах — а это растянулось на два года — совмещать работу в Пушкинском Доме с работой в Главвархиве, где я заведовал в это время отделом фондов женских учебных заведений (институтов) бывшего Ведомства императрицы Марии: с утра я работал в мрачном, огромном помещении этого архива на Казанской улице, д. 7 (ныне ул. Плеханова), во втором часу приходил в Пушкинский Дом и работал там позже, чем другие — часов до 5-ти. Так 1 сентября 1920 года совершилось одно из важ-

нейших событий в моей жизни — мое поступление в Пушкинский Дом при Российской Академии наук.

Пушкинский Дом в это время уже не уютился на чердаке, в архиве Академии. После того, как был закрыт госпиталь, с 1914 года занимавший Большой конференц-зал с его аванзалами, все эти парадные помещения, начиная с главной лестницы, были отданы Пушкинскому Дому, т. е. было восстановлено положение, существовавшее до 1914 года, до начала войны — с той разницей, что тогда коллекции Пушкинского Дома занимали только аванзалы, теперь же они распространились и на Большой конференц-зал. В аванзалах на стенах, покрытых золотыми тяжелыми рамами с портретами президентов Академии наук от Блюментроста¹⁵ до вел. кн. Константина Константиновича (К. Р.)¹⁶ и членов Российской Академии во главе с княгиней Екатериной Романовной Дашковой,¹⁷ ее первого президента, и кончая ее последним президентом — А. С. Шишковым,¹⁸ была развернута экспозиция музейных коллекций Пушкинского Дома, существовавшая до войны 1914 г. Вдоль стен стояли витрины с мемориальными вещами, редкими книгами, снимками с рукописей. В среднем аванзале сидел Борис Львович, а сбоку от него, за другим письменным столом — его жена Варвара Николаевна,¹⁹ также сотрудница Пушкинского Дома. Но самым замечательным и характерным был Большой конференц-зал, всецело отданный Пушкинскому Дому.

Здесь были собраны все его коллекции, все еще неразобранные рукописные, музейные и книжные фонды; здесь сидели почти все сотрудники и работали: все это — «под диплодоком». Теперь, наверное, почти никто не помнит значения этого «термина» — никто, кроме таких моих современников, как Елена Панфиловна Населенко,²⁰ поступившая в музейный отдел Пушкинского Дома годом раньше меня — в 1919 году, и Николай Васильевич Яковлев,²¹ мой товарищ по университету и Венгеровскому семинарию, поступивший немногим позже — в 1921 году (а посещавший Пушкинский Дом и работавший в нем, как мы бы сказали теперь, «на общественных началах» гораздо раньше меня — чуть не с довоенных лет) и носивший звание «эмиссара Пушкинского Дома». Но тогда все знали, что значит эта таинственная форма, и все говорили: «под диплодоком». Но что же это значит?

Дело в том, что всю левую сторону Большого конференц-зала, вдоль окон на набережную Невы, занимал гигантский скелет ископаемого животного, пресмыкающегося (ящера) «диплодока»²² — вернее, не подлинный скелет, а слепок скелета, найденного где-то в Северной Америке. Подлинник хранился в музее одного из американских университетов, а слепок, подаренный американскими геологами нашей Академии, был, кажется, еще до войны 1914 года временно поставлен в Большом конференц-зале, да так там и остался надолго. Скелет стоял на возвышении, поддерживаемый металлическими подпорками. Маленькая головка диплодока на длинной шее упиралась в одну стену зала, костяк туловища занимал его середину, а длинный хвост почти касался позвонками другой стены. Высота же чудовища была такова, что отростки хребта в самой высокой части спины едва не достигали потолка высокого конференц-зала.

Здесь-то, «под сенью диплодока» (как говорил Борис Иванович Коплан²³), размещалось разнообразное имущество Пушкинского Дома: множество шкафов, шкафиков, секретеров, бюро, полки с картонными коробками образовывали запутанную сеть, а между ними стояли в разных местах письменные столы сотрудников. В дальнем углу зала из тех же шкафов и полок был устроен особый «закуток», служивший кабинетом и рабочим местом Нестору Александровичу Котляревскому.²⁴ Здесь он работал — всегда в своем неизменном широком темносинем халате, разбирал коллекции гравюр, литографий, портретов и иллюстраций, систематизируя их и определяя; разбирал особенно близкие его сердцу архивы, через него поступившие в Пушкинский Дом и еще не занесенные в инвентарь до окончания их разборки, потому что при этом Н. А. откладывал и даже уничтожал те материалы, которые считал слишком интимными, не имеющими общественно-литературного или исторического значения или могущими компрометировать других лиц — и прежде всего людей (особенно женщин) ныне, т. е. в те годы — живущих (компрометировать, разумеется, в чисто личной, а не общественной сфере). Здесь же Нестор Александрович принимал многочисленных посетителей по литературным и академическим вопросам, по делам Дома литераторов,²⁵ в котором он был председателем правления и проч.

Правую сторону Большого конференц-зала, вдоль окон во двор (между которыми, в одном из простенков, стояла мраморная статуя академика Александра Николаевича Веселовского, теперь находящаяся у нас, в проходной комнате Рукописного отдела²⁶) занимал огромный, высотой почти в рост человека, а может быть, и выше, штабель плотно увязанных в связки архивных дел в серых обложках с черными двуглавыми орлами: архив III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии (ныне — фонд 109 ЦГАОР в Москве²⁷) и, вероятно, архивы Департамента полиции и Штаба корпуса жандармов. Обстоятельства, при которых эти — строго секретные до революции — архивы попали в Пушкинский Дом, представляют немалый интерес и должны быть сохранены в истории нашего учреждения. И так как из участников этого дела ни один, по-видимому, уже не существует и его обстоятельства почти забыты* — я считаю необходимым и важным их воспроизвести — не по личным воспоминаниям, однако, но по слышанным мною рассказам участников (меня в ту пору не было в Петрограде,²⁸ да если бы я и был здесь — я был еще слишком далек от Пушкинского Дома, чтобы принимать участие в этих событиях).

В разгар Февральской революции 1917 года — 27 или 28 февраля ст. стиля — начался пожар в доме на углу Фонтанки и Пантелеймоновской улицы (ныне ул. Пестеля),** где помещалось когда-

* Исключение — Н. В. Яковлев, посвятивший страницу в своих воспоминаниях обстоятельствам первых дней Февральской революции. См. далее (прим. автора).

** Точнее: в начале Пантелеймоновской улицы, справа, у поворота против церкви — дом № 9. Потом там долго оставались обгорелые развалины. Сейчас это место сильно изменилось. Там помещался архив Департамента полиции и III Отделения. Само III Отделение находилось в д. 16 по Фонтанке (теперь там Областной и городской суд), известном «здании у Цепного моста» (прим. автора).

то III Отделение, а потом — Штаб корпуса жандармов. Причина пожара — конечно, поджог. Это и понятно: много было людей, желавших уничтожения архива Департамента полиции со списками тайных агентов, ведомостями на жалование филерам и прочими опасными для них документами. Но в том же здании хранился старый архив III Отделения и предшествовавших ему учреждений с начала XIX века — неоценимый, единственный в своем роде источник сведений по истории русской общественной мысли и освободительного движения, гибель которого была бы невозможна.

Кто-то из друзей Пушкинского Дома (к сожалению, не знаю или не помню, кто именно), случайно став свидетелем разгрома или поджога Департамента полиции, быстро (к счастью) оценив положение, прибежал — буквально, так как никакого транспорта в те дни не было — в Академию наук и сообщил о том, что видел, Н. А. Котляревскому и Б. Л. Модзалевскому.

Те пошли к С. Ф. Ольденбургу, достали через него лошадей с санями — что в тот момент было очень нелегко — созвали нескольких близких людей, и все вместе отправились на место пожара. В экспедиции кроме Н. А. Котляревского и Б. Л. Модзалевского участвовали — насколько я могу припомнить из слышанных позднее рассказов — Л. К. Ильинский,²⁹ А. С. Поляков,³⁰ В. П. Семеновиков,³¹ А. А. Шилов³² и некоторые другие, которых, я, к сожалению, не могу припомнить. Им помогали некоторые служащие Академии наук, студенты университета и проч.³³ Вся эта «бригада» проникла в то крыло здания, где хранился исторический архив и куда пожар еще не достиг, и стали вытаскивать во двор связки дел III Отделения. Их грузили на подводы и отправляли в Академию, где сложили сначала на лестнице, а потом перенесли в Большой конференц-зал.³⁴

Архив пробыл там около пяти лет, и в 1922 году, когда Пушкинский Дом стал готовиться к переезду в собственное здание, был передан по принадлежности в Центрархив и вывезен в здание Сената. За эти годы Б. Л. Модзалевским, А. А. Шиловым и А. С. Поляковым были разобраны секретные бумаги III Отделения 1820-х—30-х годов и из них извлечены важные документы, давшие материал для нескольких изданий: «Пушкин под тайным надзором» Б. Л. Модзалевского (1-е издание — 1918),³⁵ «О смерти Пушкина» А. С. Полякова (1922)³⁶ и др.*

Такова эта интереснейшая страница из истории Пушкинского Дома: так были им спасены для науки материалы по истории русского освободительного движения.³⁷

В разных местах Большого конференц-зала, между шкафами и шкафиками, размещались, как я сказал, тогдашние сотрудники Рукописного отдела и музея Пушкинского Дома; сотрудники библиотеки, возглавляемые Евлалией Павловной Казанович,³⁸ работали, сколько мне помнится, на площадке главной лестницы, где стояла и сама, тогда еще небольшая, библиотека. Именно тогда, с конца 1919 — в 1920 и 1921 годах образовался тот состав, который рабо-

* Важнейшие документы, непосредственно касающиеся Пушкина, были выделены и оставлены в Пушкинском Доме (прим. автора).

тал, почти не меняясь, до конца 1920-х годов. Здесь сидел своеобразнейший человек, большой ученый-лингвист и литературовед, член-корреспондент АН, *не имевший законченного среднего образования* (в те годы это было возможно!) — Василий Ильич Чернышев:³⁹ лысый, с рыжей бородой «клином», всегда в синих очках, говоривший тонким, «бабьим» голосом, он был крайне молчалив и скромен, при этом очень добродушен и мягок, всегда готовый помочь своими обширными познаниями в русском языке, фольклоре и литературе.

За другим столом — Варвара Дмитриевна Комарова, рожд. Стасова (дочь Дмитрия Васильевича и племянница Владимира Васильевича Стасовых),⁴⁰ жена генерала-от-инфантерии старой армии, уже в отставке, сама же известная писательница и исследовательница, лучший биограф и знаток творчества Жорж Санд, издававшая под псевдонимом Владимир Каренин (Wladimir Karénine) четырехтомную биографию ее на французском языке, удостоенную премии Французской Академии.⁴¹ Собирая для нее материалы, В. Д. еще до революции подолгу жила во Франции, получила доступ к личным архивам своей героини и ее современников и включила в свой труд множество неизвестных писем и документов. Она была несколько чопорной и сухой на вид, носила «*prince-nez*» или держала в руках лорнетку и вызывала у нас, молодых сотрудников (мне ведь было тогда 27 лет) чувство большого почтения с долей дружеской иронии. Со всеми была предупредительна и любезна, охотно делилась обширными сведениями (в знании французской литературы XVIII—XIX веков с нею мог соперничать один Б. В. Томашевский, не бывший сотрудником Пушкинского Дома, но часто бывавший в нем и участвовавший в его изданиях⁴²). Она принесла в дар Пушкинскому Дому громадный архив Стасовых и усердно занималась его разборкой и описанием.⁴³

Вскоре после моего поступления появились вернувшиеся в Петроград старые сотрудники Пушкинского Дома или его друзья — Михаил Дмитриевич Беляев (из Симбирска),⁴⁴ Иван Андреевич Кубасов (из Астрахани),⁴⁵ Модест Людвигович Гофман (из Чернигова),⁴⁶ тогда же вступил в него Павел Евгеньевич Рейнбот,⁴⁷ еще до меня стал работать в Рукописном отделе Борис Иванович Коплан. О каждом из них (и о некоторых других) нужно сказать хотя бы понемногу. Но здесь же хочу напомнить о том, что в продолжение 1920-х годов в Пушкинском Доме работали многие лица с литературными фамилиями — сыновья и родственники крупных писателей и ученых: Андрей Андреевич Достоевский, сын А. М. и племянник Ф. М. Достоевских;⁴⁸ Сергей Александрович Островский, сын драматурга;⁴⁹ Николай Александрович Пыпин,⁵⁰ сын академика А. Н. Пыпина;⁵¹ Софья Алексеевна («Сонечка») Шахматова,⁵² дочь академика А. А. Шахматова,⁵³ в 1923 г. вышедшая замуж за Бориса Ивановича Коплана; недолго была у нас правнучка сестры Пушкина, О. С. Павлицевой (по женской линии), Лидия Леонидовна Кун, позднее ставшая женой Александра Леонидовича Слонимского...⁵⁴ Эти имена придавали Пушкинскому Дому особый характер, делали его своеобразным мемориальным музеем русской литерату-

ры и науки. Перечислять *всех* сотрудников того периода я не имею в виду, но вернусь к некоторым именам, названным выше.

М. Д. Беляев, брат драматурга Юрия Беляева,⁵⁵ высокий и худой, с таким худым лицом, что его друзья называли «человеком с одним профилем» (т. е. без фаса), был типичным «представителем» предреволюционного литературно-театрального, полусветского и полубогемного Петербурга, хорошо описанного А. Н. Толстым в начале «Хождения по мукам». Человек незаурядного ума, очень остроумный, любивший и умевший острить то весело, то очень язвительно, обладавший тонкой и разносторонней, хотя несколько поверхностной, культурой, он начал как искусствовед-дилетант, каких много было до революции среди искусствоведов, но потом стал крупным специалистом музейного дела, применительно к литературным музеям, знатоком русских портретов и видов в живописи, акварелях и гравюрах. Ему — разумеется, под руководством Нестора Александровича, с которым он был особенно близок, и при постоянном участии Бориса Львовича — обязан Пушкинский Дом развитием своего музея и планированием его первоначальной экспозиции. Написал он и ряд серьезных работ по Пушкину, Островскому и др.⁵⁶ А его «*bon-mots*»,^a острые, иной раз сатирические определения, его анекдоты долго жили среди сотрудников. К сожалению, у меня нет памяти на такие вещи.

Совершенно иного рода был Иван Андреевич Кубасов, давний друг и сотрудник Бориса Львовича, близкий ему по научным интересам, за исключением того, что Ивану Андреевичу были чужды генеалогические увлечения Бориса Львовича. И. А. Кубасов был очень добрый, сердечный и благожелательный человек, не лишенный, впрочем, способности к юмору. Так, между ним и Б. И. Копланом шла многие годы дружеская юмористическая «переписка» в стихах, очень забавная, а иной раз и очень серьезная под юмористической оболочкой. Но переписка эта, к сожалению, не сохранилась. Иван Андреевич был большим знатоком книги и книжного дела, другом всех петербургских книжников-букинистов и книгоиздателей (которых было очень много в первые годы после Революции — особенно в годы нэпа). Он по праву занимал должность заведующего библиотекой Пушкинского Дома. Был он своим человеком и во всех издательствах, начиная с ГИЗа и продолжая многочисленными тогда частными предприятиями (он организовал замечательное, с полиграфической точки зрения, издание — «Борису Львовичу Модзалевскому к его пятидесятилетию» (1924), выполненное всеми издательствами, в каких печатались труды Б. Л.).⁵⁷ Эти его связи значительно облегчали Пушкинскому Дому осуществление его ученых изданий. После смерти Б. Л. (3 апреля 1928 г.) Иван Андреевич был выдвинут на его место всеми сотрудниками Пушкинского Дома и стал его старшим научным хранителем.

Вскоре после моего вступления в Пушкинский Дом осенью 1920 года, появился «под дипломатом» Модест Людвигович Гофман, уже работавший в нем раньше и теперь занявший должность (неофици-

^a остроты, шутки (*франц.*).

альную) заведующего Рукописным отделом. Его небольшая, юркая фигура мелькала между шкафами и столами, быстрая речь слышалась там и здесь. В то время он считался наиболее авторитетным пушкинистом-текстологом и выпустил несколько изданий, посвященных текстологическим проблемам. Вышедшая в начале 1922 года книжка «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине»⁵⁸ произвела большое впечатление своим боевым и даже вызывающим тоном, хотя, по существу, в ней не было ничего особенно нового и значительного. Форма и тон были необычны. Книжка вызвала большой шум и через три месяца потребовала нового издания (оценку пушкиноведческих текстологических трудов М. Л. Гофмана я дал в статье о текстологии в нашей книге «Пушкин. Итоги и проблемы изучения»^{*} и не буду здесь повторяться).

В тогдашних ожесточенных спорах вокруг ОПОЯЗа⁵⁹ и вопросов «формализма» Гофман занимал нейтралистскую позицию и собирался написать книгу, о которой много и неопределенно толковал, под заранее уже придуманным названием «Против формального метода — в защиту его», но так ее и не написал (характерно, что это название еще ненаписанной книги было анонсировано на обложках многих его изданий вместе с несколькими еще работами, также оставшимися неосуществленными). Позднее, находясь в Париже, куда его командировала Академия за Онегинским собранием, он взволновал весь литературный мир сенсационным сообщением о якобы нашедшемся «Дневнике Пушкина № 1» в 1100 страниц (!), который находится в Константинополе в руках внучки Пушкина Елены Александровны фон дер Розенмайер (оказавшейся чистой авантюристкой).⁶⁰ Споры об этом дневнике не утихли и до сих пор, но, по-моему глубокому убеждению, его нет и *никогда не было*.

М. Л. Гофман умер в Париже в 1958 году.⁶¹

Вступивший в Пушкинский Дом почти одновременно со мной Павел Евгеньевич Рейнбот⁶² представлял собой очень своеобразную, характерную и симпатичную фигуру. Он был уже очень стар — старше всех нас, не исключая Варвары Дмитриевны и Нестора Александровича — окончил в свое время Лицей,⁶³ был адвокатом и долгие годы — как мы бы теперь сказали, «на общественных началах» — заведовал Пушкинским Лицейским музеем. Он был большим книжником, книголюбом, знатоком и ценителем русской и иностранной книги XVIII—XIX вв., особенно пушкинского времени, обладателем замечательной библиотеки, составленной из отборных, уникальных экземпляров, в том числе всех первопечатных изданий Пушкина. Один из таких экземпляров — вероятно, из своих дублетов — «Полтаву» Пушкина (первое издание 1829 года), в великолепном марокне с золотым тиснением (по части переплетов он соперничал с А. Ф. Онегиным⁶⁴) он в ноябре 1929 г. подарил мне.⁶⁵ К сожалению, этот очень трогательный и ценный для меня подарок пропал, как и вся моя библиотека, зимой 1941—42 года в Ленинграде.

^{*} Пушкин. Итоги и проблемы изучения / Коллективная монография под редакцией Б. П. Городецкого, Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха. М.; Л., 1966. С. 571—574 (прим. автора).

Павел Евгеньевич обладал огромным запасом сведений, был замечательным знатоком Пушкина и его эпохи, интереснейшим собеседником и докладчиком-импровизатором. Едва ли не первый — еще до П. Е. Щеголева — он высказал мысль о том, что пасквильный «диплом», полученный Пушкиным 4 ноября 1836 г., намекает на связь между Натальей Николаевной и Николаем I.⁶⁶ И уже несомненно первый он заподозрил фальсификацию в пресловутых «Записках А. О. Смирновой» — фальсификацию, написанную как своего рода роман ее дочерью О. Н. Смирновой, но которую тогда многие серьезные исследователи еще цитировали как документальный источник. Павел Евгеньевич много лет подбирал материалы, доказывающие подделку «Записок», и много лет, повинувшись настояниям Бориса Львовича, писал (писал ли?) об этом исследование. Но насколько он умел увлекательно и убедительно излагать в разговоре, в устных импровизациях свои наблюдения и доказательств — настолько же трудно ему было писать, хотя бы небольшую статью... Книга осталась ненаписанной, и все следы ее, насколько я знаю, исчезли.⁶⁷

Характерным лицом была Евлалия Павловна Казанович,⁶⁸ до приезда из Астрахани И. А. Кубасова заведовавшая библиотекой Пушкинского Дома. Высокого роста, суровая на вид, уже немолодая девица, типичная старая «бестужевка», державшая в строгости своих молодых сотрудниц, она держалась несколько особняком; когда должность заведующего библиотекой возвратилась к И. А. Кубасову, она перешла в Рукописный отдел. Предметом ее многолетней восторженной привязанности был Нестор Александрович, приходивший к ней, по заведенной традиции, каждую неделю в определенный день (кажется, по воскресеньям) на чашку чая. Сам он относился к ней с большой симпатией, но иногда и с легкой, свойственной ему иронией. У Евлалии Павловны был заведен альбом, в котором она собирала автографы современных поэтов и других замечательных лиц. Открывает альбом собственноручная запись А. А. Блоком его известного стихотворения «Пушкинскому Дому», помеченная 5 февраля 1921 г.⁶⁹ Теперь этот альбом хранится в нашем Рукописном отделе.⁷⁰

Наконец, нельзя не сказать об одном из самых младших тогда (годами) сотрудников — о Борисе Ивановиче Коплане.⁷¹ Безграничная любовь и преданность Пушкинскому Дому была, кажется, основной чертой его характера и составляла смысл его жизни. Очень маленького роста, с большими черными глазами, он всегда был в работе, всегда радел об интересах Дома. Вскоре он стал его секретарем, сохраняя звание ученого хранителя, а так как *ученого* секретаря в Пушкинском Доме по штату не было, писался на бумагах «ученый хранитель-секретарь». Центром его научных интересов была литература XVIII века, и он составил подробное описание всех материалов по этому предмету, хранившихся тогда в Пушкинском Доме.^{72*} Писал он и сам стихи, пробуя воссоздавать в русской просодии трудные античные метры. Небольшую их часть он

* Это описание и теперь находится в Рукописном отделе и служит ценным справочником по материалам XVIII века (*прим. автора*).

издал, с помощью И. А. Кубасова, отдельным сборником.⁷³ В 1923 г. он женился на дочери академика Шахматова, упоминавшейся выше, такой же маленькой ростом и серьезной, как и он сам, и это была прекрасная супружеская пара.⁷⁴

Говорить обо всех сотрудниках Пушкинского Дома, работавших в нем в 20-х годах, нет возможности, да и надобности. Среди них были и такие замечательные люди, как Борис Михайлович Энгельгардт⁷⁵ — многообещающий ученый необыкновенного творческого ума и столь же необыкновенной моральной высоты, чистоты и принципиальности — но он недолго работал с нами (работа архивиста и текстолога его не удовлетворяла). Был и такой своеобразный, несчастный и неудачливый человек, как Степан Александрович Переселенков,⁷⁶ вызывавший в памяти фигуру Акакиа Акакиевича Башмачкина⁷⁷ и возбуждавший жалостливую симпатию, у многих смешанную с легкой иронией. Некоторые из моих тогдашних товарищей здравствуют и сейчас (Е. П. Населенко, В. Б. Враская,⁷⁸ Н. В. Яковлев — других не знаю). Сказанного, я думаю, достаточно, чтобы получить представление о том, чем был в 20-х годах Пушкинский Дом.

Пребывание наше «под диплодоком» после моего вступления в число сотрудников было в тот год (1920-й) непродолжительным. Наступила осень — температура в Большом конференц-зале быстро падала, дошла до 0 и ниже. Чтобы продолжать работу и не растерять болевших от холода сотрудников (ведь и дома у большинства из нас было так же холодно), занятия были перенесены в две небольшие, заставленные книгами комнаты квартиры покойного академика А. А. Шахматова. Сам он скончался 3 августа (н. ст.) 1920 года. Семье его — вдове Наталье Александровне, рожд. Градовской, и трем дочерям⁷⁹ — во внимание к его огромным заслугам — была оставлена временно квартира, помещавшаяся в том же главном здании Академии, в нижнем его этаже по надворной лестнице, под Малым конференц-залом и канцелярией правления (т. е. административно-хозяйственной частью). Здесь же стояли и полки с книгами — вся библиотека Алексея Александровича, впоследствии переданная в БАН. Мы, по мере надобности, ходили в морозный Большой конференц-зал и приносили в шахматовскую квартиру коробки с рукописями и книги. Весной, когда зал оттаял, мы вновь вернулись «под диплодока». Так продолжалось две зимы, два года — до осени 1922 года, когда мы переселились в собственный дом на Тифлисской улице.

Но Пушкинскому Дому, помимо места для хранения материалов и для работы, было нужно и помещение для заседаний, докладов, собраний, а главное — для временной хотя бы экспозиции его коллекций, т. е. для выставок. Хлопоты в этом направлении привели к тому, что летом (кажется) 1920 г. надлежащие организации передали в полное распоряжение Пушкинского Дома особняк на ул. Халтурина, 22 (бывшей Миллионной), до революции принадлежавшей «Его Сиятельству князю Семену Семеновичу Абамелек-Лазареву» — как значилось на печатных бланках «конторы Его Сиятельства», в огромных количествах вместе с конвертами обнаруженных нами в помещении конторы; эти бланки и конверты из

прекрасной плотной бумаги много лет служили нуждам Рукописного отдела и Музея и до сих пор сохранились в материалах того времени. Об «Абамелековском доме» нужно сказать подробнее.

Князь С. С. Абамелек-Лазарев,⁸⁰ крупнейший землевладелец и заводчик, был женат на Марии Павловне Демидовой,⁸¹ наследнице огромных Демидовских владений на Урале. Их состояния, вместе взятые, составили одно из крупнейших состояний в дореволюционной России. Притом оба они, в особенности Мария Павловна, были люди высокой культуры — и это отразилось на их особняке.

Дом двухэтажный, наружный фасад которого на ул. Халтурина сохранился таким, каким он был и тогда — темно-красный с четырьмя серыми мраморными колоннами — был невысок и невелик по фасаду, но в глубину шел до самой набережной Мойки (№ 21—23). Кроме того, ему же принадлежал и «доходный» флигель на Халтурина, 24, очень скромно, чтобы не сказать бедно отделанный, где получили квартиры некоторые из сотрудников: М. Д. Беляев, И. А. Кубасов, Н. В. Яковлев. Парадные комнаты занимали по фасаду верхний этаж главного корпуса и шли анфиладой вдоль правой стороны двора до здания на Мойке, 23: там был построен домашний театр с довольно большой сценой, с залом в строго классическом стиле работы архитектора Фомина.⁸² Дело в том, что княгиня М. П. была не только любительницей балета, но сама изучала хореографическое искусство и выступала в качестве балерины (в одной из комнат окнами на Мойку, примыкавшей к ее личным «апартаментам», все четыре стены были покрыты зеркалами для занятий танцами). Комнаты в главном здании, начиная с прекрасной лестницы, подымавшейся из прихожей (с Миллионной) двумя полукругами к площадке 2-го этажа, были обставлены с большим вкусом и изяществом в стилях XVIII века (когда при Елизавете Петровне был построен и самый дом⁸³) — от позднего барокко до ранней классики типа Louis XVI.⁸⁴ Прелестные легкие бронзовые люстры с цветными стеклянными колпаками и хрустальными подвесками висели в каждой комнате. Столовая была обставлена тяжелыми кожаными стульями английского типа (подлинными Чиппендейлями,⁸⁵ теперь и люстры, и эти стулья, и многое другое из мебели находится в залах и кабинетах Пушкинского Дома). Словом, архитектура здания и его обстановка вполне соответствовали его новому назначению.

В «Абамелековском доме» — вероятно, с весны 1921 года — стали устраиваться научные заседания и выставки. Здесь выступали с докладами сотрудники Пушкинского Дома, начиная с Н. А. Котляревского, Б. Л. Модзалевского и др., и гости, крупнейшие литературоведы того времени — П. Е. Щеголев,⁸⁶ Б. В. Томашевский, академик М. Н. Розанов⁸⁷ и проч.⁸⁸

Вспоминаются несколько этюдов из жизни в «Абамелековском доме». Когда мы в него вселились, управляющим домом был некий Федор Матвеевич Галка, пузатый человечек, хитрый «хохол» и верный слуга «их сиятельств». Он ревностно наблюдал за домом, в глубине души уверенный в том, что когда-нибудь вернутся его владельцы. На нас он смотрел как на временных пришельцев и радовался только тому, что эти пришельцы ничего не портят и не рас-

таскивают. Но видя, что новый порядок все укрепляется, он через год или два отправился за границу к княгине Марии Павловне, получив законное разрешение на выезд.⁸⁹ Назад он, разумеется, не вернулся, и его место занял бывший старший дворник Богатов, человек простой, порядочный и честный. Но некоторые «традиции» своего бывшего шефа Галки он старался соблюдать — и на этой почве произошел такой случай.

Осматривая (в который раз!) наши помещения, Михаил Дмитриевич Беляев пришел к убеждению, что в правом⁹⁰ крыле здания, за проходными комнатами, ведущими к театру на Мойке, есть какое-то пространство, нам неизвестное и недоступное. Призвали Богатова. Тот сначала отнекивался и мямля, но потом принес ключи и повел нас — Бориса Львовича, Михаила Дмитриевича, Бориса Ивановича, меня, еще кого-то — по внутренней лестнице со двора, на которую раньше не было обращено внимание, к небольшой железной двери. Он открыл ее, зажег свет — и мы, к своему крайнему удивлению, оказались в огромной, высокой и совершенно замкнутой комнате без окон и без других отверстий, кроме двери, в которую мы вошли. Комната — целый зал — была сплошь заставлена всевозможной мебелью — шкафами, столами, диванами, креслами... Увидя это, мы обрадовались — для устройства нашего нового помещения многое было бы очень полезно. Но радость была непродолжительна. Прежде всего, нас охватил затхлый воздух, запах гнили и сырости. Затем, всмотревшись, мы обнаружили, что в этом тайнике без вентиляции все вещи, и хорошие, и плохие давно обратились в труху, в гнилушки; обивка кресел распалась от прикосновения; столы держались только до первого толчка. Это было огромное кладбище, тем более удивительное, что ничего особенно ценного в этих спрятанных вещах не оказывалось, и назначение тайника оставалось совершенно непонятным. Почему так тщательно скрывал его Галка — неизвестно. Сам Богатов, видимо, ни разу не заглядывал туда и не знал о его содержимом. В дальнейшем при всем старании наших музейщиков найти что-нибудь годное — они не обнаружили ничего. Не помню теперь, что мы сделали с этим мебельным кладбищем. Кажется, закрыли его и так и оставили.

Другой эпизод, относящийся, вероятно, к лету 1921 года, таков. Часть здания, выходящая на наб. Мойки (№ 21), от личных комнат княгини до театрального зала представляла собою двухэтажный корпус классической архитектуры, построенный (или обновленный), очевидно, одновременно с театром. В нем, во втором этаже, разместился Толстовский музей, детище Всеволода Измайловича Срезневского;⁹¹ музей еще до революции был устроен в квартире одного дома на 2-й линии Васильевского острова.⁹² Потом его, кажется, перенесли в здание БАН, а когда дом Абамелек-Лазаревых был отдан Академии — он получил весь этаж дома на Мойке. В музее было собрано немало портретов, образительных и мемориальных материалов всякого рода, были и рукописи, и письма Толстого и к Толстому (несколько позднее туда поступил через посредство Пушкинского Дома большой сундук, наполненный черновыми рукописями «Анны Карениной»; откуда они поступили и почему хра-

нились некоторое время у нас — не помню; но я сам в Пушкинском Доме рассматривал эти рукописи). Гордостью музея был, однако, небольшой тарантас — тот самый, в котором Толстой «бежал» из Ясной Поляны в ночь на 28 октября 1910 года. Он стоял в одной из комнат с протянутыми оглоблями и поднятым верхом — теперь он, кажется, вновь в Ясной Поляне. Хранителем музея был живший тут же с семьей молодой студент Кантор — брат умершего, как говорили, известного толстовца и помощника В. И. Срезневского — только этим и связанный с Толстовским музеем; впрочем, приятный и скромный человек.⁹³

Так вот, однажды, едва музей был вчерне размещен, к Кантору явился моряк, адъютант командующего Балтийским флотом (не помню, кто был тогда)⁹⁴ и сказал, что весь дом по Мойке, 21 передан в распоряжение штаба флота, верхний этаж отводится под квартиру командующего, нижний — под его канцелярию. Моряк предъявил и соответствующий ордер. Академия пробовала возражать и отстаивать свое помещение — но военно-морские власти были сильнее: пришлось спешно, чуть не в один день, свернуть Толстовский музей и временно сложить его имущество — кажется, в театральном зале. Командующему, однако же, квартира не понравилась, и он от нее отказался, заняв какую-то другую. Через несколько дней толстовцы снова получили свое помещение, и тарантас занял опять свое место в самой большой из его комнат.

Весной 1923 года получил и я квартиру в левом крыле главного здания «Абамелековского дома» — спальню княгини М. П., ее гардеробную и ванную, — квартиру, замечательную своей светлой, изящной отделкой — и гигантскими печами, пожиравшими невероятное количество дров (которые, впрочем, можно было покупать на складе, устроенном тут же рядом, во дворе разрушенного дома на углу Мойки и Мошкова переулка). Здесь я прожил с семьей два года — пока летом 1925 года, ввиду получения Пушкинским Домом нового выставочного помещения на Тучковой набережной, «Абамелековский дом» не был оставлен... Но это уже другой период.

Ранней осенью 1922 года Пушкинский Дом переселился, наконец, из Большого конференц-зала, «из-под диплодока», в собственное здание — дом № 1 по Тифлисской улице (теперь там, кажется, Институт галургии, не входящий в Академию наук). Здание это было уже давно, с первых лет Революции, облюбовано Борисом Львовичем — главным инициатором его получения — по причине близости его к главному зданию АН и к Библиотеке АН и потому также, что никто на него не претендовал — так как оно было неказисто и запущено, простояв пустым несколько лет.⁹⁵ Оно представляло собою обломки старых таможенных складов, сохранившийся между новыми домами. Нижний этаж состоял из амбаров, запертых тяжелыми железными дверями, под аркадами, на которые опирался верхний этаж.* Последний делился вдоль на две неравные части: со стороны двора — довольно узкая галерея, с улицы —

* Теперь аркады заделаны и под ними устроены кабинеты и лаборатории, окнами на улицу; в боковых стенах пробиты окна, которых при нас не было; судя по этим окнам, чердак тоже превращен в рабочие помещения (*прим. автора*).

шесть залов, глубоких и темноватых, каждый с одним окном, расположенных поперек корпуса и соединенных дверьми, образующими анфиладу. Посередине — большая лестница, с сенями внизу и с площадкой, одинаковой с прочими залами, наверху. Внизу под лестницей была небольшая квартирка, в которой некоторое время (еще задолго до нашего въезда) помещался М. Л. Гофман с женой и детьми, а потом жил вахтер Филиппов,⁹⁶ сыгравший позднее весьма гнусную роль в жизни Бориса Львовича.

Пустовавший и запущенный дом, почти развалина, долго и с трудом ремонтировался для Пушкинского Дома. Время было трудное — не хватало ни денег, ни материалов, ни рабочих. Казалось, конца не будет приведению здания в сколько-нибудь приемлемый вид. Но настойчивость Бориса Львовича и Нестора Александровича, почти ежедневно посещавших работы, превозмогла все трудности — и, наконец, дом, снаружи, правда, оставшийся таким же обветшалым и неотделанным (только сбили с фронтона остатки бывшего на нем большого двуглавого орла), внутри был, по возможности, приведен в приличный для использования вид. Имущество наше, грузившееся на конные подводы (об автомашинах тогда не приходилось и думать — в Академии их не было вовсе, ни грузовых, ни легковых, и престарелый, всеми почитаемый Президент Александр Петрович Карпинский⁹⁷ пользовался одноконной коляской или санями), постепенно переезжало в новое здание, где помещения уже давно заранее были распределены между отделами и места шкафов и столов точно намечены. Расположились мы так.

Галерея слева от входа была занята Рукописным отделом. Вдоль внутренней стены стояли полки с картонками (на открытых полках) или просто с уложенными в закрытых шкафах рукописями (картонок не хватало, заказывать их не было возможностей, были только старые, заведенные до 1914 года, или те, которые поступали к нам вместе с содержащимися в них материалами). В нише у входа был поставлен (впрочем, полученный нами, кажется, несколько позже) несгораемый шкаф (сейф), в котором хранились автографы Пушкина. У окон стояли, друг другу в затылок, письменные столы сотрудников отдела; тут же сажали и читателей — в то время многочисленных.

Вправо от входа была небольшая приемная и канцелярия, где сидел Борис Иванович Коплан и стояла машинка (была ли в те годы отдельная машинистка — не помню; штат, вольготно распущавший в 1920—1921 гг., с началом нэпа стал ограничиваться; до Академического юбилея 1925 года в Пушкинском Доме было всего не более 20—25 человек; потом число сотрудников несколько увеличилось). Далее — кабинет Бориса Львовича, небольшой и очень скромный, а за ним — кабинет Нестора Александровича, если не ошибаюсь, совершенно от него отделенный и вход в который был через музейные залы.

В шести залах по фасаду здания разместились библиотека Пушкинского Дома, занимавшая два первых из них, и музей, занявший остальные четыре — три экспозиционных и один, последний зал — для фондов и для работы над материалом. Библиотечные залы сразу же оказались тесноваты: дублетные фонды пришлось сложить

в амбарные помещения первого этажа. Притом в глубине первого из этих залов пришлось выделить среди стеллажей с журналами некоторое пространство, где был поставлен большой стол, за которым собирались на завтрак почти все сотрудники. Тут велись интересные разговоры, сообщались новости, тут блистал остроумными шутками и рассказами Михаил Дмитриевич Беляев, — словом, это был центр общественной жизни Пушкинского Дома. Сюда же нередко приходили и гости, бывшие у нас по своим делам. Никакого организованного буфета, кроме чая, однако, не было.

Первый из музейных залов был посвящен литературе XVIII века. Возглавляла экспозицию коллекция портретов членов Российской Академии. Из них здесь были помещены главные, остальные же (коллекция была очень велика и состояла на три четверти из совершенно забытых и незначительных соратников А. С. Шишкова*⁹⁶) были развешаны вокруг лестничной площадки. Залы по другую сторону этой площадки представляли Пушкина и его эпоху и — немного, насколько позволяло помещение — литературу XIX века после Пушкина. Последний зал, как я уже говорил, был занят запасниками музея.

Очень скоро — даже, в сущности, тотчас после вселения — выяснилось, что новое здание не может удовлетворить всех нужд Пушкинского Дома. Во-первых, оно было мало — библиотеке некуда было расти, музей не мог выставить (уже тогда!) и половины своих коллекций, даже Рукописному отделу было тесно, а в будущем — так же, как и библиотеке, некуда расти; притом не было и не могло быть читальных залов — ни для библиотеки, ни для Рукописного отдела, и читатели сидели вместе с сотрудниками среди фондов. Музейные залы были так глубоки, а окна давали так мало света, что приходилось все время жечь в них электричество, а ведь в 1922 году его было далеко не достаточно. Наконец, помещение дублетов и разного имущества в амбарах первого этажа, на уровне земли, принесло немало бед в наводнении 1924 года (о чем скажу далее). Поэтому очень скоро встал вопрос о других дополнительных помещениях. На первое время задачам выставки, сменных экспозиций и собраний удовлетворял Абамелековский дом; в 1925 году в связи с 200-летием Академии было получено выставочное помещение на Тучковой набережной. И только осенью 1927 г. было занято и стало осваиваться нынешнее здание бывшей С.-Петербургской таможни.

Через несколько дней после нашего переезда и размещения на Тифлисской, осенью 1922 года, Нестор Александрович уехал надолго (на целых полтора года) за границу,⁹⁹ передав управление Пушкинским Домом Борису Львовичу Модзалевскому.

---

* который, по словам Пушкина, «Академию набил попами»; не следует при этом смешивать Российскую Академию с Академией наук; в 1843 году, после смерти Шишкова, Российская Академия (членом которой был Пушкин с конца 1832 года) была упразднена, члены ее уволены в отставку, а некоторые из них, перешедшие в Академию наук, образовали ее II-е Отделение — ОРЯС, отделение русского языка и словесности (*прим. автора*).

Нестор Александрович Котляревский был одним из самых интересных и замечательных людей, каких я встречал в своей жизни. Он обладал блестящим и оригинальным умом, сочетавшимся с тонким и изящным остроумием, широкой эрудицией, европейского типа культурой, соединенной с чисто-русскими, своеобразными чертами характера; был настоящим русским барином и вместе с тем — крайне простым и демократичным в своих отношениях с людьми, во взглядах на труд; не гнушался никакой самой тяжелой, физической даже, работой, любил все делать сам, своими руками, сохраняя при этом изящество и непринужденную тонкость манер; был блестящим оратором, лектором — и интереснейшим собеседником в личной беседе, в тесном кругу.

Оставленные им научно-литературные труды не могут дать о нем как человеку и ученом полного и верного представления. Его книги, увлекательно и интересно написанные, прекрасные по стилю, оригинальные по мысли, производят — особенно теперь, но это чувствовалось уже и тогда, при его жизни — впечатление некоторой поверхностности, словно в них внешний блеск преобладает над глубиной знаний и детальной работой над материалами. И это впечатление от его книг представляется мне очень досадным, тем более что, как это ни странно, он сам стремился вызвать его и проводил как систему. Лишь немногие из близких людей и младших товарищей, бывавших у него или общавшихся с ним на повседневной работе, знали, каким тружеником был этот изящный и на вид поверхностный человек, каких огромных и кропотливых трудов стоили ему его «легкие» книги — скорее книги для чтения, чем научные монографии.

К моему великому сожалению, я не принадлежал к числу очень близких к нему людей, тем более — к числу учеников; этому мешала и моя всегдашняя застенчивость, и большая разница в характере и направлении ума, в характере научных интересов, и то, что я не был непосредственно связан с ним по работе, да и вообще был с ним знаком и постоянно общался лишь очень короткое время (1920—1922 и 1924—1925 гг.). Бывая у него, я видел черновые материалы к его трудам — папки с выписками, библиографическими и иными заметками, ящики с карточками и проч. Но, когда я его спрашивал, отчего он не дает этих материалов — даже и в малой степени — в своих трудах, он отвечал мне, что книга или статья о художественной литературе и ее деятелях должна быть сама литературным произведением, предназначенным для чтения, а не тяжеловесным и сухим «академическим» (в кавычках) трудом, что из книги должен быть убран весь аппарат, весь материал, приведший автора к тому или иному положению, как убираются леса вокруг законченного здания. Труд, положенный на исследования, не должен быть показан, а только его результаты в отделанной и очищенной форме...

Думается, что этой теорией, проводившейся им во всех его работах, он немало своим трудам повредил, повредил в конце концов и своей научной репутации. Но память о нем — умнейшем, оригинальном и обаятельном человеке, — любовь и уважение к нему сохранились после его сравнительно ранней смерти (ему не было 62-х

лет) у всех, кто его знал, кто имел счастье с ним работать и общаться.

Уехав за границу, он обосновался в Болгарии, где жила его бывшая жена, в прошлом — актриса Александринского театра В. В. Пушкарева-Котляревская (во втором браке Пехливанова).¹⁰⁰ Но связей с Пушкинским Домом не терял, в каждом письме подробно расспрашивал, что у нас делается, и мы отвечали ему подробными отчетами о наших делах.

В конце 1923 или в начале 1924 года случилось происшествие, отразившееся очень серьезным образом на последующей жизни Пушкинского Дома.

Однажды утром Борис Львович получил повестку из Угрозыска, вызывавшую его для каких-то объяснений. Не ожидавший ничего подобного, он вместе с нами напрасно ломал себе голову, стараясь догадаться, что бы это могло быть, и, ничего не придумав, пошел в назначенный час на Дворцовую площадь (тогда — пл. Урицкого), в управление Ленинградской милиции. Мы с Михаилом Дмитриевичем проводили его туда, решили подождать, думая, что разговор будет недолгий. Но так и не дождались — и, очень встревоженные, вернулись в Академию, к С. Ф. Ольденбургу. Последний запросил по телефону — и получил краткий и грубый ответ, что, мол, гражданин Модзалевский задержан для расследования по уголовному служебному делу. Задержан — т. е., как оказалось потом, допрошен молодым, малограмотным следователем, смотревшим на него уже заранее, как на преступника, — и посажен в камеру тут же при Угрозыске, вместе со всякого рода уголовниками — ворами, грабителями, бродягами, беспризорниками, каких тогда было немало. Вся эта шпана — большей частью молодежь — с любопытством смотрела на почтенного гражданина с седеющей бородой, в очках, который чувствовал себя среди них совершенно потерянным. Но, сколько помнится, никто его не обидел (кроме следователя) и ему даже посочувствовали. Там он провел три дня, лежа на голых нарах, покрываясь своей меховой шубой от холода в огромном, почти нетопленном, помещении, — и три дня все переговоры С. Ф. Ольденбурга и представления Академии наук оказывались бессильны — так, видимо, мал был авторитет ее перед милицейскими властями. За это время выяснилось, что причиной вызова и ареста был донос, обвинявший Б. Л. в якобы совершенных им преступных махинациях с государственными средствами и государственными имуществом Пушкинского Дома — это-то его, Бориса Львовича, создававшего своими руками Пушкинский Дом с его бесценными коллекциями! Но донос исходил из самого Пушкинского Дома, и «творцы» его стали вскоре известны: исполнителем был наш вахтер Филиппов,¹⁰¹ оплативший Борису Львовичу за то, что тот спас его с семьей чуть не от голодной смерти, а вдохновителем один из сотрудников, некто Орлеанский,¹⁰² случайный у нас человек (оба они остались работать в Пушкинском Доме, но долгое время были как бы под бойкотом других товарищей)... На четвертый день Б. Л. был отпущен и, повидавшись с С. Ф. Ольденбургом, вернулся домой, совершенно разбитый физически и душевно. «Дело» тем и закончилось без дальнейших последствий — но оно тяжело ото-

звалось на всех нас — а на Бориса Львовича оказало такое впечатление, что — мы в этом не сомневались — ускорило его смерть, последовавшую через 4 года, всего на 54-м году жизни.¹⁰³

Происшествие так тяжело подействовало на Б. Л., что тотчас по выходе из «арестантской» он заявил С. Ф. Ольденбургу, что не может более нести ответственности за Пушкинский Дом и просит назначить до предстоявшего весной приезда Н. А. Котляревского временного директора из числа авторитетных академиков, при котором он, Б. Л., чувствовал бы себя спокойнее и увереннее, не опасаясь повторения подобной истории. И тут выяснилось чрезвычайно странное, ненормальное, чтобы не сказать более обстоятельство: среди всех «ученых мужей», членов II Отделения (ОРЯС, Отделение русского языка и словесности) Академии наук не нашлось *ни одного*, кто бы мог или согласился взять на себя администрирование Пушкинским Домом, хотя бы временно, на несколько месяцев. Председательствующий в Отделении академик В. М. Истрин¹⁰⁴ был стар и немощен — он с трудом передвигался на костылях по комнате и не выходил из своей квартиры (между прочим, отмечу, что такое же и даже более тяжелое инвалидное состояние не помешало Г. А. Князеву¹⁰⁵ взять на себя заведование архивом АН и быть его очень деятельным директором в течение 40 лет); академики Н. К. Никольский¹⁰⁶ и Е. Ф. Карский¹⁰⁷ были директорами: первый — русского отделения БАН, второй — Музея этнографии и антропологии; М. Н. Розанов и М. Н. Сперанский¹⁰⁸ жили в Москве и едва ли могли быть полезны нашему Дому. Оставались еще некоторые из академиков, не занятые административными постами, и первый среди них, казалось бы, наиболее нам близкий по научным интересам — Владимир Николаевич Перетц¹⁰⁹ (брат которого, Лев Николаевич,¹¹⁰ одно время работал в Пушкинском Доме). Но именно он, В. Н. Перетц, решительно уклонился от кратковременного хотя бы директорства. И причина этого понятна: В. Н. Перетц — единственный, помимо Н. А. Котляревского и М. Н. Розанова, академик-литературовед в собственном смысле (а не библиограф и археограф, какими были другие) — считал возможным научное исследование русской литературы лишь *до* Кантемира (кончая Петровской эпохой). Далее, по его мнению, научное исследование уступало место субъективистской и импрессионистической критике, и *наука* о литературе XVIII—XIX веков была невозможна. Стоящим за пределами науки он считал и пушкиноведение и поэтому крайне скептически относился к трудам Н. А. Котляревского, Б. Л. Модзалевского и других, а к Пушкинскому Дому в целом — не только скептически, но прямо враждебно, как к бесполезной и легкой забаве, напрасной трате средств и сил. В этом он не отличался от академиков-математиков (как В. А. Стеклов¹¹¹), но те, по крайней мере, имели больше оснований для противопоставления своих точных наук нашей науке о литературе.

Положение оказалось затруднительным и — могу не обинуясь сказать — постыдным для тогдашнего утратившего связи с жизнью и с движением науки ОРЯСа, в составе которого, кроме Н. А. Котляревского и М. Н. Розанова, не было ни одного исследователя новой и мировой литературы. И тут вмешался Нестор Александров-

вич, нашедший неожиданный для нас выход. Он лучше нас знал свое Отделение — знал, что среди его членов нет в Ленинграде ни одного, пригодного для управления Пушкинским Домом. И он обратился к ученому, которого давно и хорошо знал, с которым был если не дружен, то в добрых отношениях и которого считал единственным из гуманитариев способным поддержать Пушкинский Дом в этот трудный момент — к академику С. Ф. Платонову.¹¹² Нестор Александрович написал ему, написал и его тезке — С. Ф. Ольденбургу и нам, чтобы мы его уговорили. Вопрос был быстро решен. С. Ф. Платонов, хотя и занимал должность председателя Археографической комиссии, согласился на просьбу Нестора Александровича и принял временное директорство над Пушкинским Домом.¹¹³ Оно оказалось недолгим — всего несколько месяцев: в апреле или мае 1924 года вернулся из Болгарии Нестор Александрович.¹¹⁴ Но мы уже успели почувствовать твердую руку С. Ф. Платонова и тот авторитет, который он имел в академических верхах, — хотя он, в сущности, не вмешивался в научную жизнь учреждения и предоставлял руководство ею всецело Борису Львовичу.

21 (9) августа 1924 года исполнилось сто лет со дня приезда Пушкина в его вторую ссылку, в село Михайловское. Этот день решено было отметить большим праздником при участии Академии наук — вернее, праздником, возглавленным ею. Не помню почему, но ни Нестор Александрович, ни Борис Львович в Заповедник не поехали; не поехал и Михаил Дмитриевич Беляев — и я оказался единственным представителем Пушкинского Дома на торжестве. Зато нашу ленинградскую делегацию возглавил президент Академии наук Александр Петрович Карпинский — обаятельный старик, внушавший всем, кто его знал или только видел, несмотря на его внешнюю простоту, безграничное уважение. С ним ехала его дочь Евгения Александровна Толмачева¹¹⁵ и управляющий делами Конференции (т. е. научной части Академии) Борис Николаевич Молас.¹¹⁶ Был и Борис Викторович Томашевский и другие ленинградские писатели и журналисты; из Москвы приехали в Заповедник М. А. Цявловский,¹¹⁷ И. А. Новиков,¹¹⁸ Л. П. Гроссман,¹¹⁹ Вячеслав Шишков...¹²⁰ Почти все (вернее — все) ехали в пушкинские места впервые; для меня же это была вторая поездка туда.

Впервые я был в Заповеднике за год до этого — в августе 1923 года. Это было самое начало существования Заповедника. На месте дома в Михайловском — обгорелый фундамент, в Тригорском — то же, парки заросли и одичали, еще ничего не было сделано. Тогдашний (первый) директор Заповедника — он же директор средней школы — Василий Митрофанович Никифоровский¹²¹ только что перенес тяжелый тиф, и я видел его несколько минут, в постели. Но в Святогорском монастыре шла обычная, давно установленная жизнь: был игумен, которому я «нанес визит», были монахи, сновавшие по монастырскому двору в своих черных рясах (часть зданий отошла под школу, и мы с женою¹²² помещались в одном из классов); в древнем соборе шли службы, слабо горели под сводами

лампады и свечи, сумрачно глядели строгие лики древних икон (теперь ничего этого нет — остались лишь белые оштукатуренные стены, лишенные жизни).

Но впечатление, произведенное тогда собором на холме и беломраморным памятником на могиле Пушкина, рощами и парками в Михайловском и Тригорском, Соротью и озерами — всем тем, что так глубоко и вместе с тем точно отразилось и в «Деревне», и в «Евгении Онегине», и в «Вновь я посетил...» — это впечатление было ни с чем не сравнимо и осталось неизгладимым. Оно раскрыло мне Пушкина так, как я его не знал до тех пор — и, быть может, оказало влияние на составленную мною после этого посещения биографию Пушкина (1924), которая, говорят, удалась.¹²³

В иной обстановке проходил наш приезд в 1924 году. За год до этого мы были одни — никаких иных приезжих, везде пусто и тихо. Теперь — большие делегации из Ленинграда и Москвы, прибывшие в отдельном вагоне на станцию Тригорскую (от нее теперь не осталось и следа, как и от всей дороги из Пскова до Идрицы, проложенной в 1916 году параллельно фронту, установившемуся после немецкого наступления 1915 года, для перевозки военных грузов; дорога проходила между Михайловским и Тригорским по насыпи, следы которой остались и сейчас; насыпь и, в особенности, железнодорожный мост через Сороть очень портили «пушкинский пейзаж» и вносили в него резкий диссонанс; станция была расположена под горою, недалеко от окраины села Святые горы или, вернее, Тоболенец).

Собрались и гости из Пскова, и крестьяне из окрестных сел (тогда колхозов там почти не было). Среди всех выделялась невысокая, но внушавшая почтение своей белоснежно-седой головой фигура А. П. Карпинского, которого крестьяне быстро назвали «председателем всех наук». Вечером состоялось торжественное собрание. Никакого клуба, а тем паче дома культуры в Святых горах тогда не существовало. Собрание происходило в каком-то большом сарае или риге, где были устроены подмостки и поставлены скамейки. Все приехавшие гости и представители — псковские, ленинградские, московские — произносили речи и приветствия. Мне пришлось выступать от имени Пушкинского Дома. Блестящую речь, подобную фейерверку, произнес Л. П. Гроссман. Более сдержанно и «академично» говорили Б. В. Томашевский и М. А. Цявловский. Выступал И. А. Новиков с рассказом о Пушкине в Михайловском. Читал В. Я. Шишков рассказ (не имеющий отношения к Пушкину) — кажется, «Утро председателя Губчека» и пр.

На другое утро в том же вагоне, прицепленном к поезду, мы возвращались в Ленинград, и тут в обмене впечатлений между пушкинистами выяснилось — на мой взгляд, едва ли не самое значительное — следствие поездки в Заповедник: Борис Викторович Томашевский, до тех пор разделявший многие положения теории формалистов и главное из них — об имманентности художественного творчества и независимости его от биографических условий и обстоятельств, — под влиянием глубоких, волнующих впечатлений, полученных им в Святых горах, в Михайловском и Тригорском, пересматривал свои историко-литературные концепции и по-новому

смотрел теперь на источники творчества Пушкина, на его эволюцию, на его живую и глубокую связь с окружающей жизнью — начиная с ее пейзажа. И эта перемена в воззрениях благотворно отразилась на его книге «Пушкин. Историко-литературные проблемы», напечатанной в следующем, 1925 году.¹²⁴

Через месяц после нашей поездки, 23 сентября, произошло знаменитое наводнение в Ленинграде, подобное и почти равное наводнению 1824 года, описанному Пушкиным в «Медном всаднике». Случилось оно в погожий, теплый и солнечный осенний день — что как будто противоречило нашим традиционным представлениям.

В пятом часу, когда мы расходились по домам после работы, никто бы не мог предвидеть размеров наводнения: ветер был сильный, Нева волновалась, «обратно шла», белые барашки пробегали по ее волнам, но все, казалось, могло ограничиться обычным подъемом воды. Я пришел домой (мы жили тогда, как я уже говорил, на Мойке, 21); Невы от нас не было видно, на улицах спокойно, только пусто. Вдруг прибежала к нам жившая ниже нас очень почтенная смотрительница помещений Пушкинского Дома — Алида Карловна — с известием: Мойка выступает из берегов. А через несколько минут пришла моя сестра, сотрудница Эрмитажа,¹²⁵ с трудом дошедшая до нас уже в воде по шиколотку. Мы побежали в залы Толстовского музея и взглянули в окна: Мойка действительно вышла из берегов и быстро затопляла тротуары; решетки еще были видны, но на глазах исчезали; Конюшенный мост возвышался своим каменным горбом, окруженный со всех сторон водою, — и на его вершине, оставшейся вне воды, стояла ломовая телега с лошадей и возчиком.

Вскоре на месте узкой Мойки оказалась одна сплошная широкая и бурливая река, сравнившая все пространство от одного ряда домов до другого. Наш двор наполнился водою. Жившие в нижнем, полуподвальном этаже дворники-татары перебрались в более высокие квартиры — к Шахматовым, занявшим к этому времени второй этаж (где в 1922—1923 годах жила семья М. Л. Гофмана), и к другим. Подъем воды, однако, был короток: часам к 8-ми она достигла максимума и стала спадать, ветер утих или переменился, к ночи Мойка вернулась в свои берега, ломовик благополучно уехал, стали появляться люди. Но мы не имели во всем доме телефона и были отрезаны от мира.

Утром я поспешил в Пушкинский Дом. Город носил еще все следы «беды минушей»: против Эрмитажа, у Зимней канавки, лежала поперек набережной огромная баржа, выброшенная волнами; торцовая мостовая на набережной у Зимнего дворца была поднята водою, торцы частью унесены, частью лежали грудями (в тот же вечер я видел вдоль всего Каменноостровского пр. — улицы Красных Зорь — груды торцов, в беспорядке лежавшие на улице и на трамвайных рельсах, прекратив всякое движение по проспекту).

В главном здании Академии наук все квартиры первого этажа надворного корпуса были залиты водою на 1,5 метра; в квартире С. Ф. Ольденбурга погибли все его буддийские коллекции, вывезенные в последнее путешествие из Индии и еще не обработанные. В самом Пушкинском Доме была суета. Амбарные помещения, рас-

положенные на уровне земли, были залиты (так же, как академические квартиры) почти на два метра. Вода ушла — но все, сложенное в этих амбарах — главным образом, книги, а также мебель, запасное оборудование, музейное имущество всякого рода — все было пропитано водою.

С раннего утра туда пришел Нестор Александрович. Двери амбаров были открыты, промокшие книги и прочие вещи мы выносили наружу. К счастью, день был солнечный и теплый, и такие же стояли дни, словно «бабье лето», до конца месяца. Под аркадами и везде, где можно было, протягивали веревки и на них развешивали книги, корешками кверху, предварительно обтерев их. Усиленная работа продолжалась несколько дней. Сам Н. А. подавал пример, в своем синем халате перебирая книгу за книгой, вещь за вещью. И, нужно сказать, почти все удалось спасти, даже без заметной порчи.

К наступлению настоящей осени последствия наводнения были, насколько возможно, устранены. Но в Летнем саду была порывом ветра выломана широкая полоса деревьев — старых громадных лип — и еще долго зияла, как просека, от Марсова поля до Фонтанки. (Замечу, что в городе именно наводнение явилось толчком к замене старинной торцовой мостовой брусчаткой и асфальтом.)

За городом, разумеется, наводнение почувствовалось много сильнее. В Петергофе очень пострадали парки, был залит и опустошен Монплеизир (одна ночная туфля Петра Великого так и пропала, унесенная водою). Когда, уже поздней осенью, мне пришлось поехать туда за переданными нам из дворца альбомами литературного (не очень значительного) содержания, я был поражен разрушениями, причиненными разбушевавшимся морем — поваленные деревья, разрушенные набережные, ил, песок и водоросли на дорожках, какое-то впечатление запустения и внезапного одичания... Только фашистское нашествие смогло превзойти эти разрушения.

В наводнении едва не погиб наш старый сотрудник Василий Ильич Чернышев (кажется, впрочем, он у нас в это время уже не работал). Он жил вдвоем с женой на своей уединенной даче на Лисьем Носу, открытом всем ветрам и морю. Вода окружила дом. Они перебрались на чердак, оттуда на крышу — и только быстрый спад наводнения, позволивший им уже вечером слезть на землю, спас их, быть может, от гибели. Но все имущество было потеряно или испорчено — и его книги, и картотеки, и рукописи.

В том же 1924 году произошло памятное для нас событие — 50-летие со дня рождения Бориса Львовича Модзалевского. Как я выше упоминал, к этому юбилею трудами и энергией Ивана Андреевича Кубасова была выпущена небольшая и очень изящно изданная книжка, содержащая основные даты жизни и деятельности Б. Л. и список его печатных трудов до дня ее издания. Издателями книги были *все* издательства, начиная с Академии наук и ГИЗа, в которых печатал свои труды Борис Львович; фронтисписом к ней был помещен его превосходный портрет, нарисованный (для неизвестной Б. Львовичу цели!) П. И. Нерадовским¹²⁶ — к сожалению, в момент события не все экземпляры издания (всего <?>¹²⁷ пронумерованных, частью именных) смогли быть украшены этим портретом,

который потом дополнительно раздавался их владельцам. Первый экземпляр вместе с оригиналом портрета (который теперь находится в читальном зале Рукописного отдела ПД), был торжественно вручен Борису Львовичу — но, насколько мне помнится, у него на квартире, без всякого официального заседания, речей и адресов: чрезвычайно скромный Б. Л. не мог согласиться ни на какое официальное чествование.

10 февраля 1925 года состоялось (впервые, если память мне не изменяет) собрание на последней квартире Пушкина (на Мойке, 12), посвященное дню его смерти. Квартира тогда еще не принадлежала Пушкинскому Дому. Она недавно поступила в ведение Общества «Старый Петербург — Новый Ленинград»,¹²⁸ которому была передана, после долгих хлопот, благодаря трудам и энергии Михаила Дмитриевича Беляева и его товарищей — А. А. Платонова¹²⁹ и А. Г. Яцевича.¹³⁰ Жильцы были выселены, квартира приведена в некоторый порядок, но об ее реконструкции, о восстановлении в первоначальном виде, о перенесении туда подлинных мемориальных вещей можно было только мечтать, а пока лишь место в кабинете, где, по соображениям, стоял диван, на котором лежал раненый и умер Пушкин, было окружено оградой. И собрание не могло быть тем торжественно-поминальным актом, каким оно стало впоследствии, а просто заседанием, на котором выступали Н. А. Котляревский и П. Е. Щеголев. Более того: самое заседание вышло дискуссионным. Оба докладчика коснулись одной темы: чем стал бы Пушкин, если бы не погиб в 1837 году, а продолжал жить — хотя бы до конца царствования Николая I и до 60-х годов, — и каждый из них пришел к противоположному выводу. Нестор Александрович говорил о том, «как тяжело жилось бы ему и какие ожидали бы его душевные драмы!»:¹³¹ «в 40-х годах, в звании камергера, со звездой Анны I-й степени ... он... должен был быть лечь между молотом все более и более недоверчивой и суровой власти и наковальней созревающего общественного мнения...».¹³² Горестным ударом была бы для него катастрофа в Крыму,¹³³ «суд над всей системой Николая I». Он взволнованно радовался бы реформе 1861 года¹³⁴ — но «скоро разглядел бы на горизонте грозные тучи», а «к этим опасениям о судьбах крестьянского дела» присоединилось бы отрицание его поэзии, дела его жизни, молодыми людьми, «уверенными в том, что все истины в их кулаке зажаты» — и счастьем для Пушкина было то, что «он таких слов из уст своей братии не слышал...». Павел Елисеевич оспаривал его, и довольно резко (он говорил вторым), утверждая, сколько мне помнится, что Пушкин пришел бы к революционно-демократической идеологии в духе Белинского и его последователей. Речь Н. А. была напечатана в брошюре, изданной год спустя — «Памяти Нестора Александровича Котляревского. 1863—1925. Сотрудники Пушкинского Дома Академии Наук» (Л., 1926, стр. 31—34); речь П. Е. Щеголова осталась, насколько я знаю, ненапечатанной. Мнения слушателей разделились — но все признавали трудность и гипотетичность подобных прогнозов.¹³⁵

Речь 10 февраля была, если мне память не изменяет, последним публичным выступлением Нестора Александровича. Прошло всего

три месяца — и 12 мая 1925 года он скончался. Он давно уже страдал болезнью сердца (кажется, астмой), не щадил себя на работе, часто даже физической (как это было после наводнения), но никто не ждал такого скорого конца — и его смерть поразила нас всех тяжелым ударом.¹³⁶ Его похоронили в Александро-Невской лавре, торжественно и многолюдно. Но никакой «гражданской панихиды» у гроба, в Большом конференц-зале, как это принято теперь для академиков, не было — они вошли в обычай гораздо позже. (Даже тело вице-президента, академика В. А. Стеклова, умершего через год, в июне 1926 года, в Крыму, куда его послали для лечения туберкулеза, прямо с Московского вокзала было отвезено — правда, очень торжественно — на Волково кладбище, где и похоронено рядом с его дадей, Н. А. Добролюбовым.¹³⁷)

Директором Пушкинского Дома был очень скоро назначен академик С. Ф. Платонов.¹³⁸ Теперь, после того, как он пробыл уже несколько месяцев на этом посту, замещая отсутствовавшего Нестора Александровича (о чем я говорил выше), — после того, как Нестор Александрович по возвращении горячо его благодарил за заботы о Пушкинском Доме, — это было естественным решением, и никаких других кандидатур не являлось. Второе Отделение совершенно отстранилось, как будто наше учреждение к нему совсем не относится, и с тех пор о нем словно забыло. (Отмечу, что те же академики II Отделения в 1928 году забаллотировали такого бесспорного кандидата в академики и в директора Пушкинского Дома, как П. Н. Сакулин¹³⁹ — и он прошел только через год, при вторичной баллотировке, после сильного нажима на них со стороны С. Ф. Ольденбурга и других членов Конференции.) Приняв пост директора Пушкинского Дома, С. Ф. Платонов принужден был совмещать его с постами председателя Археографической комиссии АН и — кажется, с того же 1925 года — директора БАН. Он мало вмешивался в научную жизнь и труды Пушкинского Дома, предоставляя руководство ими Б. Л. Модзалевскому. Но в 1926 году много содействовал широкому участию Пушкинского Дома в трехтомном сборнике материалов «Памяти декабристов», изданном АН,¹⁴⁰ в 1927 — выхлопотал, в виде совершенного исключения и отступления от традиций АН, гонорар — пусть и небольшой — для участников издания ПД «Письма Пушкина к Е. М. Хитрову»;¹⁴¹ сам написал небольшую, но любопытную книжку «Далькое прошлое Пушкинского уголка. (Святогорский монастырь и городище Воронич в XV—XVII веках)»;¹⁴² наконец, едва ли бы без его деятельного участия Пушкинский Дом получил в 1927 году свое нынешнее помещение — здание таможни на Тучковой наб., о чем буду рассказывать дальше.

Однако же, каким бы сильным и неожиданным ударом ни была для нас смерть Нестора Александровича — горевать и предаваться унынию не было ни времени, ни возможности. Академия, а с нею и Пушкинский Дом, в лето 1925 года усиленно готовилась к празднованию 200-летия ее основания (т. е. декретированного, но не осуществленного при его жизни решения Петра I). Празднование, назначенное на начало сентября, должно было стать всесоюзным и вместе с тем международным торжеством русской и советской

науки, на которое было приглашено множество иностранных гостей — выдающихся ученых, нередко с мировыми именами. К юбилею спешно составлялись и печатались брошюры о каждом из учреждений Академии — такую брошюру о Пушкинском Доме составили и мы.¹⁴³

Здание наше ремонтировалось — были сбиты и сравнены давно поврежденные и полуобвалившиеся карнизы и наличники и вместо них наскоро оштукатурен гладкий, довольно скучный фасад без всякой орнаментовки, с довольно безобразным полукруглым фронтоном, попавшим почему-то не точно на середину фасада (в таком виде верхний этаж здания существует и до сих пор). Академия получила в свое владение «фисташковый» (по его окраске) дом рядом или, вернее, под углом с нашим, на Тучковой набережной. В нем нам предоставлена была анфилада комнат 2-го этажа окнами на набережную с полукруглым или овальным залом на закруглении здания (там помещается теперь Институт физиологии АН — ФИН). Соседние комнаты вдоль набережной получил Толстовский музей, переведенный сюда с Мойки — и исторический тарантас Льва Толстого был водружен посреди зала.

В доставшихся нам комнатах (сами по себе они были очень хороши, просторные, светлые и высокие) был развернут литературный музей XIX (и немного XX) века послепушкинского времени: Лермонтов, Гоголь, 40-е—60-е годы, Тургенев, Гончаров, Достоевский и проч. В прежнем здании остались XVIII век, Пушкин и его эпоха. Тут, при развертывании этой новой экспозиции, обнаружилась вся неработанность методов построения литературного музея. Было много споров, делались разные попытки: материал — и портреты, и книги, иллюстрации и личные вещи писателей — прекрасный своей подлинностью, убедительностью, отбором. Но получалось как-то «академично», слишком сухо; интересно для специалиста-литературоведа, но скучновато для массового зрителя, тем более школьника. Когда (незадолго до юбилейных торжеств) залы были открыты, оказалось, что они пустуют. Объясняли это каникулами — но наступила осень, открылись школы, а посетителей все было мало. Связи с наробразом — а тем более со школами — не устанавливались, учителя не привыкли водить экскурсии в литературный музей, у нас же не было специалистов-экскурсоводов для школьных экскурсий. И удобные, хотя и несколько банальные залы с прекрасной экспозицией пустовали; в них бродили одиночные посетители, а временами не было никого — и дежурные сотрудники часами сидели, чувствуя, что теряют даром время. «Зеленый дом зеленой скуки», — так назвал Борис Иванович Коплан помещение на набережной — и надо сказать, что для такого определения было много оснований. Сравнительно больше было посетителей в Пушкинских залах основного нашего дома — но ведь Пушкин всегда и для всех представляет живой и сочувственный интерес...

Я не буду рассказывать подробно о торжествах 200-летия Академии: назову из них — торжественное заседание в Таврическом дворце (тогда он назывался дворец Урицкого), на котором выступали М. И. Калинин,¹⁴⁴ Г. Зиновьев,¹⁴⁵ А. В. Луначарский,¹⁴⁶ советские ученые и зарубежные гости; прием в залах Академии наук

(перед которым или немного раньше была открыта на главной лестнице мозаичная картина работы Ломоносова — «Полтавская баталия», перенесенная сюда из Академии художеств и установленная не очень удачно — так, что швы на мозаике, разделенной на куски для перевозки, остались заметны); два великолепных банкета в «Красном» (Мраморном) зале Этнографического музея на Инженерной улице (после второго из них, прямо из зала, все академики, иностранцы и свои делегаты и гости отправились специальным поездом в Москву, где продолжались празднества; я туда не ездил), — все это, в сущности, мало коснулось Пушкинского Дома. Не помню, много ли было у нас в эти дни «знатных гостей», но кажется — очень немного, потому что вообще гуманитары не играли заметной роли на торжествах.

На жизни нашего учреждения юбилей отразился в двух отношениях. Во-первых, получив экспозиционные залы в «зеленом доме», мы взамен лишились «Абамелековского дома» — было сочтено, что мы его недостаточно используем, и он был отдан другим учреждениям. Вместе с залами были освобождены и почти все квартиры главного корпуса — кроме, кажется, небольшой квартирке Евлалии Павловны Казанович, помещавшейся внизу, сбоку от главной лестницы. Зато люстрами, столами, шкапами, стульями и прочей стильной мебелью мы обставили оба наши помещения — и на Тифлисской, и на набережной, да и залы главного здания.

Вторым следствием юбилея, непосредственно коснувшимся всех нас, было большое увеличение зарплаты сотрудников. Связано оно было, по-видимому, с тем, что Российская Академия наук стала теперь Академией наук СССР, состоящей уже в ведении не Наркомпроса РСФСР, как раньше, а Совнаркома СССР.¹⁴⁷ Приведу, насколько их помню, некоторые цифры. Старший ученый хранитель получал до 1925 года, если не ошибаюсь, 68 руб., с 1925 года — кажется, с 1 июля — 170 руб.; ученые хранители (в том числе и я) — соответственно 58 и 150 руб.; научные сотрудники I разряда (Козмин¹⁴⁸ и Яковлев) — 54 и 130; научные сотрудники II разряда (т. е. все остальные, большинство, в том числе такие именитые, как В. Д. Комарова) — 50 и 115 руб. Прежние оклады, установленные в 1922 или 1923 году при введении червонного обращения, были тогда достаточны; но к середине 1925 года они решительно устарели, и новые ставки были для всех нас очень чувствительны и очень отразились на нашей жизни — тем более, что, кажется, никто из нас не имел совместительств в виде преподавания, лекций и т. п., а литературные наши гонорары были случайны и ничтожны (надо помнить, что все, что мы печатали в академических изданиях, например, в «Пушкине и его современниках», печаталось бесплатно — самое участие в изданиях Академии наук было честным, вполне заменявшей денежный гонорар; триста рублей, уплаченных всюле коллективу составителей и редакторов «Писем Пушкина к Е. М. Хитрово», были исключением; не знаю, оплачивалось ли Н. К. Козмину редактирование IX тома старого Академического издания сочинений Пушкина, начатого набором в 1912-м году, а выпущенного в 1928 и 1929).

Нынешним сотрудникам учреждений Академии наук, привыкшим к огромным ее масштабам, трудно себе представить, чем была Академия тогда, в середине 20-х годов, когда еще вся она, со своими музеями и лабораториями, размещалась в нескольких зданиях — и преимущественно на стрелке Васильевского острова, вокруг главного здания — и вся находилась в Ленинграде. Пушкинский Дом, как и другие академические институты, не имел ни самостоятельной хозяйственной части, ни своего месткома, ни своей бухгалтерии. Все эти органы были общеакадемическими: местком выбирался на общем собрании делегатов (кажется, так — а не всех сотрудников) от всех учреждений. Зарплату мы получали в Правлении Академии, которое помещалось в комнатах верхнего этажа окнами на набережную, стена в стену с Малым конференц-залом, но со входом по первой от Таможенного переулка лестнице со двора, по которой мы ходили когда-то, этажом ниже, в Шахматовскую квартиру. Сюда же мы сдавали отчеты, получали ассигнованные нам (весьма небольшие) суммы; здесь заседало под председательством вице-президента Правление Академии — т. е. ее административно-хозяйственный орган, куда входил и наш директор С. Ф. Платонов. Здесь можно было всегда переговорить о наших нуждах с управляющим делами правления Дмитрием Николаевичем Халтуриным,¹⁴⁹ с заведующим хозяйством В. А. Баньковским¹⁵⁰ (одним на всю Академию!) и другими. Все было просто и близко и не требовало никакой почти переписки.

Еще проще, пожалуй, было в канцелярии Конференции, ведавшей всей научной работой. Туда входили по второй надворной лестнице, и размещалась она в нижнем этаже, под Большим конференц-залом, занимая всю ширину здания. Из передней входили в небольшую комнату, занятую посередине двумя огромными бюро. За ними с одной стороны сидел управляющий делами Конференции Борис Николаевич Молас, весьма лощеный и обходительный человек (племянник адмирала Моласа,¹⁵¹ погибшего в 1904 г. на «Петропавловске» вместе с адмиралом Макаровым¹⁵²). По другую сторону бюро сидел заведующий издательством — Николай Борисович Андреев,¹⁵³ совмещавший в себе, насколько я помню, весь издательский аппарат. Не было ни издательских, ни технических редакторов, никого: все технические работы выполнялись в типографии на 9-й линии, куда авторы и редакторы изданий имели всегда свободный доступ.* Здесь же, внутри Академии, издания (какие бы то ни было) представлялись директорами учреждений под их ответственность и утверждались неперменным секретарем, подписывавшим к выпуску каждую книгу. И при этом печатали, и печатали немало — относительно, конечно, по тогдашним размерам Академии, во много раз меньшим нынешней (самих академиков к 1928 году было всего 42, а теперь их 211!).

Из этой приемной комнаты, куда непрерывно заходили сотрудники разных учреждений АН — и по научно-организационным, и

* Впрочем, рукописи и корректуры принимались от нас и передавались нам от типографии сотрудниками канцелярии Конференции, для этого специально назначенными. Но это была, в сущности, только передаточная инстанция (*прим. автора*).

по издательским делам — была дверь в большой кабинет, где сидели и неприменный секретарь, академик С. Ф. Ольденбург, и сам президент, Александр Петрович Карпинский. Впрочем, писать «сидели» не совсем точно: сухощавый, необыкновенно живой Сергей Федорович Ольденбург был в непрестанном движении и чаще всего стоя встречал проходящих к нему... Здесь же происходили и заседания Конференции, куда, кажется, входили если не все академики, то все директора учреждений. Общие же собрания, кроме годовых, публичных, собирались в Малом конференц-зале, имевшем, кажется, тот же вид, что и теперь.*

По левую сторону от прихожей размещалась в большой комнате окнами во двор собственно канцелярия Конференции с машинистками и иными сотрудниками, среди которых выделялись Елена Владимировна Сабанина¹⁵⁴ — очень деловая и умная женщина — и высокая блондинка Ольга Владимировна Нордгейм,¹⁵⁵ дочь директора Академической типографии, ставшая в эти годы женою Бориса Николаевича Моласа.

Такова была тогдашняя Академия наук СССР.

Возвращаюсь к хронике Пушкинского Дома.

В октябре 1925 года, вскоре после окончания юбилейных торжеств произошло событие, всколыхнувшее весь литературный, а прежде всего — пушкинистический мир: в особняке князей Юсуповых (на Мойке, 94, у Поцелуева моста — в том самом доме, где всего за 9 лет до того было совершено убийство Распутина¹⁵⁶ заговорщиками, возглавляемыми молодым князем Феликсом Феликсовичем Юсуповым,¹⁵⁷ теперь — недавно — умершим в Париже), при ремонте его, вызванном передачей особняка работникам просвещения, был обнаружен в стене коридора, ведущего к библиотеке, тайник, а в тайнике — небольшая связка бумаг из архива Елизаветы Михайловны Хитрово (или, по произношению того времени — Хитровой)¹⁵⁸ и ее старшей дочери графини Екатерины Федоровны Тизенгаузен,¹⁵⁹ любимой камер-фрейлины императрицы Александры Федоровны.¹⁶⁰ Как и почему эти бумаги оказались в доме Юсуповых — объяснено в моей статье о Е. М. Хитрово. Но среди них был синий конверт, а в нем — 27 неизвестных писем Пушкина — 26 к Е. М. Хитрово и 1 — к Е. Ф. Тизенгаузен! Тотчас дали знать в Пушкинский Дом. Ленинградское отделение Главнауки, которым заведовал М. П. Кристи,¹⁶¹ человек культурный и понимающий, пошло нам навстречу — и через несколько дней драгоценные письма были у нас.

Это была огромная, неожиданная сенсация. О том, что такие письма должны существовать, что Пушкин и Элиза Хитрово были в деятельной переписке, мы знали давно по нескольким (из многих) сохранившимся ее письмам и запискам к Пушкину, по ее переписке

---

* Впрочем, недавно я был там и убедился, что Малый конференц-зал совсем перепланирован. Прежде стол для президиума стоял на возвышении у внутренней продольной стены зала, а столы и кресла участников заседаний — полукругами, вытянутыми вдоль зала, спиной к окнам, лицом к столу президиума. Теперь этот старомодный вид, напоминавший, кажется, английскую палату лордов, заменен обычным размещением (*прим. автора*).

с Вяземским,¹⁶² по упоминаниям в переписке Вяземского с Пушкиным; но где они, мы не могли догадаться и считали их пропавшими. После того как был издан еще в 1907 г. Б. Л. Модзалевским автограф Пушкина, бывший (вероятно, от Жуковского¹⁶³) в собрании княгини З. Н. Юсуповой (давшей свою фамилию князю Ф. Ф. Юсупову графу Сумарокову-Эльстон-старшему)¹⁶⁴ — послание «К вельможе»¹⁶⁵ — и этот автограф в 1918 г. поступил из Музейного фонда в Пушкинский Дом, никто уже не думал, что в том же собрании Юсуповых могут храниться и письма Пушкина... и вдруг они появились! находка была тем более удивительной, что, судя по надписям на обложках писем, кто-то, очень неумелый и малознающий, пытался разбирать их и датировать в очень недавнее время — не далее конца XIX или начала XX века. Значит, они не были забыты, в семье Юсуповых о них знали — и все-таки скрывали эти замечательные документы от взоров «непросвещенной черни»!

Мы тотчас решили их издать, но издать в виде отдельного тома, достойного их значения. Были распределены между нами обязанности. Борис Львович взял на себя общее руководство и биографическую часть комментария; мне он великодушно уступил тему, которую сам давно уже разрабатывал в связи с «Дневником Пушкина»¹⁶⁶ — биографию Е. М. Хитрово и очерк ее отношений с Пушкиным. Значительную помощь в этом мне оказали найденные вместе с письмами Пушкина бумаги Хитрово и ее дочери, о которых я упоминал; они были позднее переданы в ЛО Центрархива. Мне же досталась и литературная часть комментариев. Решено было выделить в отдельные статьи три важнейшие темы, проходящие через письма: французская литература и политические события 1830—31 годов во Франции были предложены не состоявшему в штате Пушкинского Дома, но лучшему знатоку Франции пушкинского времени Б. В. Томашевскому; тему Польского восстания 1830—31 годов взял на себя М. Д. Беляев. Переводы — очень мудреные — французских текстов писем мы делали сообща: М. Д. Беляев, Б. В. Томашевский и я. Большую помощь в подготовке издания оказал И. А. Кубасов; некоторое участие в нем принял и Н. К. Козмин.

Работа была сложная и кропотливая. Статьи не сразу были написаны и отделаны. Между тем публика — и не только пушкинисты, но и широкие круги читателей — с нетерпением ожидали издания таинственных писем. О них ходили слухи, несколько отрывков попало в печать — но точно никто их не знал и от нас требовали обнаружения.

Зимой, в начале 1926 года, решено было устроить специальное заседание Пушкинского Дома в Малом конференц-зале Академии, широко о нем оповестив. Должны были выступить — Б. Л. Модзалевский с общим вступительным докладом и я — с чтением писем, их переводом и кратким комментарием (Б. В. Томашевского не было, он на несколько месяцев уехал для работы в Париж).

Народу собралось много — полный зал. Борис Львович сделал свой вступительный доклад. За ним должен был выступить я. И тут с ужасом увидел, что забыл дома готовые переводы писем, а

имел с собой только французские тексты и предварительные заготовки комментариев. Что было делать? Читать по-французски, а затем переводить à livre ouvert, прямо с листа, поправляясь и записываясь, мне не хотелось. И я стал читать только французские тексты, без переводов, и комментировать их. Все, однако, сошло хорошо: в те времена почти все сидевшие в зале достаточно понимали французский язык; произносил я неплохо, и слушатели были довольны. Только Михаил Дмитриевич Беляев был недоволен и даже обижен на меня за то, что я — для того, чтобы блеснуть, как он думал, своим французским «прононсом», — не стал читать наших совместных переводов. Я объяснил ему причину и на этом он «смирил гнев на милость».

Подготовка книги продолжалась и после этого вечера, но замедлялась тщательностью, с какою мы ее делали. Медленно шло затем и издание — и только в ноябре 1927 года книга наконец вышла — изданная, правда, со всей полиграфической роскошью, возможной в то время. «Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово» остаются до сих пор одним из лучших изданий Пушкинского Дома. (Отмечу, что поставленный на титуле по инициативе Б. И. Коплана № Трудов Пушкинского Дома — XLVIII — многих приводил в недоумение.)

Отмечу еще одно, своеобразное по своему источнику, получение писем Пушкина. Весной 1929 г. нам позвонили из ОГПУ и сообщили, что у них находятся изъятые при обыске два письма Пушкина, которые Пушкинский Дом может получить в музее ОГПУ, в доме бывшего градоначальства, на Адмиралтейском проспекте, угол Комиссаровской ул. (бывшей Гороховой, теперь ул. Дзержинского). Мы отправились туда вдвоем с Борисом Ивановичем Копланом, заручившись соответствующими полномочиями от Пушкинского Дома. В здании ОГПУ нас весьма любезно встретили два сотрудника музея — братья Сюннерберг (сыновья известного критика Константина Эрберга,¹⁶⁷ чей архив теперь у нас, переданный его дочерью, сестрою тех двух сотрудников). Передача писем Пушкина (к П. А. Осиповой¹⁶⁸ — ИРЛИ ПД, № 495 и 554; Акад., т. XIV, № 369 и 622¹⁶⁹) заняла несколько минут, но нам предложили осмотреть музей, и это оказалось небезынтересным. Нам показывали образцы снаряжения контрабандистов-спиртоносов, макеты, изображающие систему пограничной охраны (по ним учились курсанты-пограничники), всевозможные памятные вещи, портреты и проч., связанные с историей ВЧК—ОГПУ с 1917 года. Самым же интересным оказалась модель масонской часовни, с престолом, атрибутами и символическими знаками — фартуками, лопаточками, треугольниками с «всевидящим оком» и проч., рукописными и печатными масонскими книгами... Все это было изъято при закрытии в Ленинграде масонских лож за несколько лет до нашего посещения.

В ту же зиму 1926—27 года произошло еще одно событие, на первый взгляд мелкое, но имевшее значение в нашем мире: окончилась долголетняя ссора между Н. О. Лернером и Б. Л. Модзалевским (а с ним вместе и — Пушкинским Домом), происшедшая когда-то из-за вопроса о приоритете в какой-то (не помню) публи-

кации.¹⁷⁰ Убежденный общими друзьями, Лернер пришел на одно из заседаний в Пушкинский Дом; здесь, на широкой площадке лестницы, где, за неимением зала происходили наши заседания, его встретил Борис Львович; они торжественно подали друг другу руки — даже, кажется, обнялись и поцеловались — и давняя вражда была забыта. С тех пор Лернер частенько приходил к нам в библиотеку и в Рукописный отдел, беседовал и с Б. Л., и со мной, и с другими. Прежде я, как это ни странно, ни разу даже не видел его, а теперь мы часто беседовали, и его разговор, острый, иногда злой и насмешливый, но всегда интересный и содержательный, дал мне много нового в моих пушкиноведческих знаниях. Жалею теперь, что, вероятно по моей всегдашней застенчивости, я тогда ни разу не был у него на квартире, не посмотрел его замечательной библиотеки, в особенности по французской литературе; говорили, что книги этой библиотеки были так растрепаны, покрыты заметками или запылены, что ни одна библиотека не решилась бы их взять у него. Не видел я и материалов ко 2-му изданию «Трудов и дней Пушкина».¹⁷¹ Впрочем, наше знакомство продолжалось недолго, всего около двух лет с небольшим — умер же он в 1933 году, когда меня не было в Ленинграде.

В эти годы встречался я нередко и с другим интересным человеком, более крупного масштаба, чем Лернер — с Павлом Елисеевичем Щеголевым. Он бывал в Пушкинском Доме, выступал с докладами, бывал и я у него в квартире рядом с «домом Кшесинской» (теперь — Музей Октябрьской революции)¹⁷² в кабинете, наполненном книгами, завешанном портретами, видами, акварелями и гравюрами всякого рода, которых он был знаток и охотник. Трудно найти человека, более интересного, но и более противоречивого, чем Павел Елисеевич. Его знания, эрудированность и начитанность были огромны и разносторонни; его одаренность, можно даже точнее сказать, его талантливость, поражала с первой встречи. Я не знал и не знаю более блестящего, увлекательного и яркого собеседника и рассказчика, чем Щеголев (кроме, однако, Нестора Александровича). И эта его одаренность, талантливость искрились и «брызгали» из него в каждом его слове. И вместе с тем — удивительны были его скептическая беспринципность, его цинизм, его неразборчивость в средствах получения крупных гонаров.

В годы первой революции и после нее он был издателем-редактором историко-революционного журнала «Былое»,¹⁷³ поместившего немало важнейших материалов — документов и мемуаров — по истории русского освободительного движения. Как издатель-редактор он был привлечен к суду, осужден на год заключения в крепости и отбывал его не более и не менее, как в Петропавловке. Здесь он много работал над своей известной монографией об «утаненной любви» Пушкина. Борис Львович доставлял ему в камеру кисты книг и журналов, фотоснимки с пушкинских рукописей и документов — и за время заключения работа была закончена (напечатана в «Пушкине и его современниках», вып. XIV, 1911).¹⁷⁴

Его ввели в академическую Пушкинскую комиссию и ему был поручен XII том — биография Пушкина. Все думали тогда — и я

думаю так же и теперь, — что никто в то время не мог написать ее лучше Павла Елисеевича. Но годы шли, а биография не двигалась. П. Е. увлекся другой темой и написал другое замечательное исследование — «Дуэль и смерть Пушкина»,¹⁷⁵ классическое по размаху, документированности и точности, хотя и устаревшее вскоре по концепции. Борис Львович не раз говорил, что следовало бы еще раз посадить Щеголева на годик-другой в Петропавловскую крепость — и биография Пушкина была бы написана. Но после 1917 года и это сильное средство, по изменившимся условиям, стало невозможно, и биография осталась ненаписанной.

По своему направлению П. Е. Щеголев был демократом — он и происходил из крестьян Воронежской губернии — близким к революционным кругам, враждебным царизму, но не революционером в прямом смысле.

Широкий и свободный по своим воззрениям, готовый поддерживать всякое начинание на пользу пушкиноведения, откуда оно ни шло, он помогал князю Олегу Константиновичу в издании его альбома рукописей Пушкина, а после гибели князя Олега осенью 1914 года в бою с немцами (его смерть очень напоминает героическую и напрасную смерть Пети Ростова)¹⁷⁶ — П. Е. Щеголев посвятил этому единственному представителю царской семьи, погибшему в бою, теплый и искренне прочувствованный некролог в «Пушкине и его современниках»...¹⁷⁷ После Февральской революции он возобновил издание «Былого» и вошел в редакцию умеренно-демократической газеты «День».

С последним фактом связан характерный анекдот, который я слышал от Е. В. Тарле.¹⁷⁸ Едут они однажды — в бурные дни июля 1917 года — вместе на извозчике, Тарле и Щеголев, вызванные в редакцию «Дня» на экстренное совещание (нужно определить линию поведения газеты), — и оба молчат. Тарле думает о нарастающих событиях, о революции и войне... Вдруг Павел Елисеевич прерывает молчание вопросом: «А как вы думаете, Евгений Викторович, будут нам за такие экстренные вызовы в редакцию платить пожетонные?» Этот оборот мыслей кажется мне очень характерным для Щеголева.

В 20-х годах он много работал над Пушкиным, исследовал его социальный и материальный «быт», написал интереснейшую книгу «Пушкин и мужики» (1928)¹⁷⁹ и многое другое... А вместе с тем не гнушался принять участие (и это было широко известно) в составлении фальшивого «Дневника А. А. Вырубовой»,¹⁸⁰ издание которого вызвало сенсацию, — в сочинении вместе с Ал. Н. Толстым, еще более сенсационной пьесы «Заговор императрицы»,¹⁸¹ поставленной в 1926 г. в Большом Драматическом театре с великолепным актером Н. Ф. Монаховым¹⁸² в роли Распутина... За эту пьесу, долго шедшую «с аншлагом», каждый из авторов получил по 75 тыс. гонорара, что было тогда огромной суммой. Но эта сумма была прокучена Щеголевым за три месяца, и вслед за тем была описана его библиотека за неуплату подоходного налога. Конечно, библиотеку не продали, дело уладили, но и этот случай характерен для широкой русской природы Павла Елисеевича, в чем-то, вероятно, созвучной шалашинской.

Выразительный, хотя и мимолетный образ, в котором все узнавали Щеголева, дал В. Каверин в своей повести «Вечера на Васильевском острове»¹⁸³ — литератора, который, придя в ГИЗ (Дом книги), раздвигает своим огромным животом толпу писателей и, не обращая ни на кого внимания, идет прямо к кассе...

В конце 20-х годов Павел Елисеевич явился инициатором первого советского полного собрания сочинений Пушкина — и не просто полного собрания, а академического, в 15 томах, построенного на всех рукописных и печатных первоисточниках со включением всех черновых вариантов. Для обсуждения этого плана в марте 1928 года* было устроено в Москве совещание в помещении начинавшего тогда свою деятельность Института мировой литературы — в доме, стоявшем позади Василия Блаженного,¹⁸⁴ у Москворецкого моста, и ныне несуществующем. Здесь, под председательством П. Н. Сакулина, собрались В. В. Вересаев,¹⁸⁵ Л. П. Гроссман, Н. К. Пиксанов,¹⁸⁶ В. М. Жирмунский,¹⁸⁷ я, Ю. Г. Оксман,¹⁸⁸ Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский и П. Е. Щеголев (Б. Л. Модзалевский должен был быть, но, уже тяжело больной, не мог приехать). Это было первое в своем роде серьезное и деловое собрание пушкинистов-текстологов, биографов, исследователей творчества поэта. Академическое издание было признано преждевременным и пока невозможным, но решено было готовить шеститомное полное (предварительное) издание, проверенное по рукописям; для публикации же всех вариантов еще не было выработано тогда и методов. Отсюда родилось издание 1930—31 годов, приложенное к «Красной Ниве» (в этом журнале есть и снимок совещания 1928 г.). Волею обстоятельств мне уже не пришлось в нем участвовать, хотя подготовленные Б. В. Томашевским и мною по черновым рукописям тексты стихотворений вошли в него и мое имя значится в редакционном предисловии. После заседания мы вчетвером — П. Е. Щеголев, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский и я — «отобедали» (как говорилось при Пушкине) в «Национале»¹⁸⁹ — и надо было видеть, с каким вкусом и пониманием заказывал Павел Елисеевич меню обеда, закуски и вина (к которым все остальные были довольно равнодушны).

Это был веселый и интересный обед — и грустно думать, что из его участников нет более никого, кроме меня: П. Е. Щеголев скончался, едва закончив краснонивовское издание, и в «большом» академическом уже не участвовал.

А после обеда в «Национале» я еще отправился вечером к П. Н. Сакулину, куда был приглашен и не мог не пойти — хотя должен был делать всяческие усилия, чтобы не было заметно мое «послеобеденное» состояние. В этот вечер Павел Никитич рассказал мне драматическую историю о том, как он в 1919 году, получив от М. О. Гершензона только что вышедшую из печати «Мудрость Пушкина»,¹⁹⁰ стал читать ее ночью, лежа в постели, — увидел на первой же странице «Скрижаль Пушкина», ужаснулся, — взял издание сочинений Жуковского — проверил — и тут же позвонил Гершензону. И Гершензон, убедившись в своей ошибке, совершенно

* 23—24 марта 1928 г. См. «Красную Ниву» за 1928 г., № 15, 8 апреля. С. 5, с фотоснимком (прим. автора).

потрясенный, стал с утра звонить по книжным магазинам, чтобы остановить продажу, а затем вырезывал из всего тиража эти первые страницы со «Скрижалью Пушкина».¹⁹¹ Надо заметить, что рецензия, через некоторое время напечатанная Щеголевым на «Мудрость Пушкина» в «Книге и революции» — одно из самых умных и острых, но и самых злых его выступлений, и, быть может, ему не надо было включать ее в свой сборник 1931 года.¹⁹²

Я увлекся яркой личностью П. Е. Щеголева и отошел от Пушкинского Дома. Время теперь рассказать о том, как мы получили наконец из Парижа Онегинский музей.¹⁹³ Раньше я уже вспоминал его историю и наши тревоги, вызвавшие в 1922 году выпуск книги «Неизданный Пушкин»¹⁹⁴ — и посылку в Париж М. Л. Гофмана — и его поездку в Стамбул за «Дневником Пушкина» (хоть это требовало бы более подробного и документированного рассказа). В 1925 г. Александр Федорович Отто-Онегин умер, в своем завещании подтвердив право собственности на его музей советской Академии наук и, оставив ей, кроме того, все накопленное им состояние — свыше 600 тыс. франков, что по тогдашнему курсу было большой суммой. Предстояло получить то и другое и доставить музей в Ленинград. Но здесь явились трудности. Посланец АН М. Л. Гофман незадолго до смерти Онегина рассорился с ним, и Онегин отстранил его от всякого участия в делах музея. После этого Гофман решил остаться в Париже, сделался «невозвращенцем» — как называли тогда советских людей, отказавшихся вернуться в Советский Союз из командировок, — и был лишен полномочий от Академии.

Летом 1926 года побывал недолго в Париже академик С. Ф. Платонов — тогда директор Пушкинского Дома — и подготовил почву для передачи музея,¹⁹⁵ но закончить это сложное дело, а главное, практически наладить упаковку и перевозку музея не имел ни времени, ни возможности. После его возвращения было решено послать в Париж сотрудника Пушкинского Дома, чтобы довести до конца передачу и отправку музея. Выбор пал на меня как на пушкиниста, притом хорошо знающего французский язык. В канцелярии Конференции мне выписали командировочное удостоверение, подписанное С. Ф. Ольденбургом, русский текст которого я и представил с прочими бумагами в отдел заграничных паспортов милиции на площади Урицкого (теперь — по-старому — Дворцовой).* Мне назначили для ответа какой-то срок — и с тех пор, в продолжении нескольких месяцев, я ходил, как на службу, каждую неделю к тому же сотруднику (фамилии его не помню), в ту же комнату на площади Урицкого — и получал каждую неделю неизменный ответ: «Еще не готово, придите через неделю». Наконец стало ясно, что ответа и не будет, и С. Ф. Ольденбург предложил мне прекратить бесполезные хождения. (В июне следующего 1927 года я встретился опять с тем же сотрудником, ведавшим паспортами — и на этот раз совсем в другом его качестве...)

---

* Французский экземпляр командировочного удостоверения мне должны были выдать после получения заграничного паспорта (*прим. автора*).

Летом 1927 года съездил в Париж академик М. М. Богословский.¹⁹⁶ Он договорился с бывшим там в длительной командировке академиком А. Н. Крыловым.¹⁹⁷ Этот крупнейший судостроитель принимал от французского правительства военные корабли русского флота, уведенные белыми в Бизерту, ржавевшие там на якорях 8 лет и теперь возвращаемые Советскому Союзу. А. Н. Крылов, человек большого ума и кипучей энергии, удивительно своеобразный «старый морской волк», доведя до благополучного конца вопрос о денежном наследстве, из которого, впрочем, наследственные пошлины поглотили более половины, т. к. капитал оставлялся не частному лицу, а иностранному государству,* поручил организацию перевозки своей помощнице и секретарше, Анне Богдановне Фёрингер¹⁹⁸ — даме умной, деловой и энергичной, под стать самому Крылову; я никогда не видел ее, она в Ленинград не приезжала, но был с ней всю осень в оживленной переписке. Кто помогал ей в систематизации рукописей, книг, портретов, мемориальных вещей и проч. — не знаю. Кажется, все делала она сама, а технически — приглашенная ею транспортная контора. Но все было сделано превосходно, и ни одна вещь не попортилась. В конце 1927 года мы получили сообщение, что все отправлено.

Раньше всех пришли отосланные с дипломатической (дипкурьерской) почтой восемь больших фибровых чемоданов. Их привезли в Ленинградское агентство Наркоминдела (на Невском, 8), и я отправился за ними, снабженный соответствующим полномочием, в сопровождении обоих наших служителей — Ивана Федоровича Беляева (того самого, который Нестора Александровича называл всегда «Ваше превосходительство» и даже после его смерти, по старой памяти — «генерал»)¹⁹⁹ и Андрея Андреевича Тихонова, столяра-краснодеревца.²⁰⁰ Мы поехали на розвальнях в одну лошадь — другого транспорта Академия не имела**²⁰¹ — и, выполнив все формальности, привезли чемоданы в Пушкинский Дом, в его нынешнее, незадолго до того освоенное помещение. В первом чемодане были рукописи — автографы Пушкина, альбом А. О. Смирновой, бумаги Жуковского, письма И. С. Тургенева к Онегину и к Рольстону²⁰² и проч. Все очень заботливо, аккуратно уложенное и переписанное. В других чемоданах — портреты, гравюры, акварели, наконец — самые ценные книги в ве-

---

* Другая половина ушла на упаковку и перевозку музея, так что из капитала в 600 с лишним тысяч франков Пушкинский Дом фактически не получил *ничего* (прим. автора).

** Вспоминается мне кстати, как я (почему я — а не кто-либо другой из музейщиков? — неизвестно, но я считался специалистом по перевозкам крупных масштабов) на тех же розвальнях и с теми же И. Ф. Беляевым и А. А. Тихоновым привезли в Пушкинский Дом из мастерской известного скульптора Ильи Яковлевича Гинзбурга в здании Академии Художеств «колошальный» (как произносил его миниатюрный автор) бюст Пушкина, подаренный нам Гинзбургом. Снести эту огромную гипсовую голову с лестницы и уложить в сани было делом нелегким; с таким же трудом подняли бюст из сани и установили в сенях при входе в новое, нынешнее здание Пушкинского Дома. Теперь этот бюст стоит, обсаженный кустами сирени и цветочными клумбами, посреди двора Святогорского монастыря в Пушкинском заповеднике (прим. автора).

ликолепных марокеновых с золотым тиснением и обрезам «онегинских» переплетах, которыми восхищался знаток и любитель «марокенчиков»²⁰³ П. Е. Рейнбот. Все пришло в отменном порядке.

Через несколько дней прибыли с железной дороги остальные вещи — ящики с менее ценными книгами, большие портреты (начина с самого Онегина, на котором он поразительно похож на Александра III — по словам предания, его единокровного брата),²⁰⁴ книжные шкафы, секретеры, всякая иная мебель — все, тщательно упакованное в деревянные клетки, завернутое в рогожи и переложенное стружкой. Ничто не попортилось — спасибо Анне Богдановне! — и скоро было расставлено на места. Но вскоре после этого скончался Б. Л. Модзалевский, потом начались академические пертурбации²⁰⁵ — и выставка Онегинского музея смогла состояться лишь в 1930 году.

Уже к юбилею Академии наук, в 1925 году, стало ясно, что наше здание на Тифлисской улице, заселенное Пушкинским Домом менее чем за три года до этого, нам мало и неудобно — попросту говоря, непригодно. Мало помогли и музейные залы в фисташковом доме, всегда пустовавшие. Очередной задачей явилось подыскание нового помещения — и оно было найдено в 1927 году, когда освободилось здание таможни на Тучковой набережной. Здание, еще не все, но его основная часть, было отдано Пушкинскому Дому, несомненно, благодаря участию и помощи обоих Сергеев Федоровичей — Платонова, нашего директора, и Ольденбурга, нашего друга и покровителя. Сделалось это, разумеется, не сразу. Сначала мы получили весь (или почти весь) второй этаж с великолепными сводчатыми залами, где должен был разместиться музей, почти весь первый этаж вправо от входа вплоть до Тифлисской улицы — для библиотеки и некоторые помещения влево от входа — для Рукописного отдела. Много раз, пока шел ремонт всех этих помещений, ходили мы по ним, осматривая и обсуждая будущее размещение. Долго говорили о том, как отделать стены музейных зал — и остановились на гладких обоях разных цветов — синих, терракотовых, зеленых и проч. — в каждом зале. Перегородок тогда нигде не было, в обе стороны от Большого конференц-зала (имевшего тот же вид, что и теперь, с теми же нашими старинными люстрами, сменившими висевшую в центре зала, из купола, уродливую современную банально-фабричную люстру, оставшуюся от времен дореволюционной таможни) шли анфилады зал, из которых (т. е. анфилад) осталась теперь лишь одна — где Толстой, Тургенев и Лермонтов. В этих залах, окнами на набережную, разместилась экспозиция Пушкина и его эпохи. Оказалось при этом очень трудным распланировать маленькие акварельные и другие портреты на длинных стенах под сводами. Помню, как я потерпел неудачу, разместив очень быстро и легко — разумеется, на полу, — массу портретов, оказавшихся вытянутыми в две шеренги, как солдаты. Нынешняя рабочая комната музея и соседний с ней зал нам тогда, сколько помнится, еще не принадлежали. Слева от площадки лест-

ницы, в нынешнем Малом конференц-зале помещалась дирекция — столы С. Ф. Платонова и Б. Л. Модзалевского, а далее, без коридора и перегородок, шел один большой зал, посвященный после-пушкинской литературе, и другой, обнимавший и нынешнее помещение дирекции, посвященный литературе XX века.

Нижний этаж, вправо от входа, был в основном занят библиотекой. Но вестибюль и абонемент были заняты запасниками музея и «кабинетом», вернее, закоулком, его заведующего М. Д. Беляева. Середина книгохранилища — темная, в центре здания — была оставлена пустой и здесь, при всегда искусственном освещении, был устроен читальный зал для библиотеки и для Рукописного отдела. Последнее было очень неудобно — приходилось носить рукописи через главный вход. Но иного выхода в то время не было.

Сложнее всех и хуже всех был устроен в первое время Рукописный отдел. Большая часть его помещений — где нынче хранилище № 3 и мой кабинет, т. е. хранилище Дашковского собрания²⁰⁶ и Пушкинской библиотеки — была занята даже долго спустя после того, как мы въехали в этот дом, конторой нотариуса В. В. Струтинского,²⁰⁷ и сам он сидел приблизительно на том месте, где теперь сижу я. Большой зал, теперь (при Б. В. Томашевском, лет 15 назад) заставленный металлическими стеллажами, тогда занимала его контора, сотрудники, машинистки и пр. Входили к нотариусу через боковой (теперь запасной) вход. Контора Струтинского еще до нашего въезда в дом стала постепенно сворачиваться. Мы с самого начала получили темную кладовую (теперь хранилище № 2), расположенную внутри здания, лишённую окон и лишь с одной дверкой — к боковому выходу. Там, ко времени нашего переезда, были поставлены деревянные стеллажи, вместившие основную массу картонов с рукописными собраниями и сохранившиеся до замены их металлическими. Была освобождена и кладовая драгоценностей — комната с окном на улицу, забранной двойной решеткою, с железными ставнями и железной дверью — где теперь хранилище № 1 (Пушкинское). Но именно пушкинских рукописей мы там не держали — и на то были основательные причины. Помимо помещений, выделенных из конторы Струтинского, мы с самого начала получили первую комнату от входа (теперь — «комната А. Н. Веселовского»). В ней сидел секретарь Пушкинского Дома, ученый хранитель рукописей Борис Иванович Коплан (не носивший тогда звания «ученого секретаря»). Здесь же сидела и его помощница, сотрудница Рукописного отдела Н. А. Чебышева.²⁰⁸ В соседней комнате (теперь читальный зал Рукописного отдела) были поставлены все те же, что и на Тифлисской, шкафы, шкафики, полки, бюро, секретеры — вся сборная мебель Рукописного отдела — и между ними столы сотрудников: Е. П. Казанович, перешедшей к нам из библиотеки, Н. К. Козмина, В. Д. Комаровой (у второго окна, а около нее, у стены — шкаф со Стасовским архивом), Е. Б. Покровской-Гиппиус,²⁰⁹ М. Н. Мотовиловой,²¹⁰ В. Б. Враской, С. А. Переселенкова (Б. М. Энгельгардт к этому времени уже не работал у нас), Г. Д. Вержбицкого,²¹¹ П. И. Зиссермана.²¹² Среди них и мой стол — заведующего Рукописным отделом с 1924

года;* об отдельном кабинете для приема посетителей, совещаний, лекций экскурсантам и пр. не было тогда и речи, да и надобности не было. Жили мы очень тесно, но работали дружно, так, по крайней мере, было при жизни Б. Л. Модзалевского.

Главным и очень серьезным недостатком нашего нового помещения в первые месяцы было то, что рабочая комната отделялась нотариальной конторой от основного хранилища. Нужно было выйти на набережную, обогнуть здание и войти в боковой подъезд, чтобы взять из хранилища рукопись или отнести ее на место, что, разумеется, было не всегда возможно и всегда неудобно и даже опасно для материалов. Надо было во что бы то ни стало выселить Струтинского с его конторой, но это долго не удавалось. В продолжении нескольких месяцев я чуть ли не каждый день заходил к нему и спрашивал, скоро ли он выедет? Струтинский — весьма почтенный и воспитанный седоусый поляк (похожий на поздние портреты А. А. Краевского²¹³) — принимал меня вежливо, но с внутренним раздражением; ничего сначала не обещал, потом стал давать неопределенные обещания — и не двигался с места. Заходил к нему, кажется, и Н. В. Яковлев, по крайней мере, в своих воспоминаниях он приписывает себе главную роль в этой «операции». Но, разумеется, самым заинтересованным лицом был я, как заведующий отделом. Наконец, через несколько месяцев, весной или летом 1928 года наши переговоры пришли к благополучному концу — контора закрылась, и Струтинский выехал.** Перенес ли он свой нотариат в другое место, или контора была ликвидирована за ненужностью (в последние месяцы у нее, по-видимому, почти не было дела), не знаю. Во всяком случае, наша первая цель была достигнута.

Началось новое переселение. Рабочую комнату мы перенесли в бывшую контору — большой трехконный зал (теперь основное хранилище рукописей). Бывшая рабочая комната стала читальным залом (как и теперь), а кабинет Струтинского (теперешний мой кабинет) был занят под то и другое — шкафы с рукописями и столы некоторых сотрудников. Теперь вся анфилада комнат окнами на набережную принадлежала нам; но помещения, выходящие на двор, самые солнечные и теплые — нам еще не были отданы и в них жили посторонние люди. Внешнего коридора между ними не существовало.

Это не было еще окончательным решением — но, пусть временно, основные наши потребности были удовлетворены. Теперь мы

---

* Вопреки утверждению — правда, неуверенно — Н. В. Яковлева в его воспоминаниях, Н. К. Козмин заведующим Рукописным отделом *никогда* не был. Сам Н. В. Яковлев тоже числился сотрудником по Рукописному отделу (*прим. автора*).

** Несколько лет назад, проходя по площади у Преображенского собора, я был немало удивлен, увидев на одном из домов большую вывеску (по старой орфографии!): «Нотариус В. В. Струтинский». Затем я рассмотрел, что и кругом были вывески лавок и мастерских — тоже по старой орфографии. Оказалось, что здесь снимается фильм «Две жизни», действие которого происходит в 1917 году в Петрограде. Окружающие соборную площадь старинные здания казарм Лейб-гвардии Саперного батальона были выбраны как подходящий фон; а почему нотариусом оказался именно Струтинский — этого я не знаю (*прим. автора*).

могли успокоиться на ближайшие годы, хотя быстро растущие наши фонды, очевидно, должны были потребовать в будущем нового расширения. Но это произошло уже позднее, в новых условиях.²¹⁴

Вскоре же после нашего переселения в новое здание и после прибытия из Парижа Онегинского музея произошло событие большого и горестного для нас значения: 3-го апреля 1928 года скончался Борис Львович Модзалевский.

Ему не было еще и 54-х лет, и только недавно мы торжественно отпраздновали его 50-летие.²¹⁵ Он жаловался на сердце, временами должен был ложиться в постель, иногда задыхался. Говорили, что ему очень вредна темная, сырая и душная квартира во дворе академического дома на углу набережной и 7-й линии, где он жил много лет с семьею. Но никто не думал о том, что конец так близок. Правда, еще в конце марта он заболел и слег (я не умею применять медицинских определений, но это было обострение давней болезни сердца). Он не смог поехать в Москву на совещание пушкинистов (о котором я говорил). И все же для всех нас была неожиданным ударом весть о том, что он^{*216} скончался от нового сердечного припадка... Все мы были в растерянности и только успели сообразить — послать телеграмму в Москву Цявловскому и объявление в вечернюю «Красную газету», где оно появилось на другой день.²¹⁷ Все затем совершилось необыкновенно быстро. Отпевание и похороны были назначены на следующий же день** — и М. А. Цявловский, приехавший из Москвы, едва успел привезти в церковь венок (он даже упрекал нас за то, что мы, поддавшись желанию семьи, не отложили погребения до следующего дня). Разумеется, никакой «гражданской панихиды», никакого торжественного прощания в нашем или академическом конференц-зале не было — тогда их еще не ввели. Гроб стоял в тесной и темной столовой их квартиры, где могло поместиться лишь очень немного народу. Затем его отнесли в церковь на углу набережной и <15>²¹⁸ линии, где и происходило отпевание²¹⁹ — и оттуда на Смоленское кладбище. Все было совершенно скромно и тихо. На могиле произнесли краткие речи — М. А. Цявловский, кто-то еще; выступил и я — и, странное дело — когда начал говорить, почувствовал в себе какой-то холод, сковавший меня; чувствовал, что говорю холодно, сухо, без выражения — и не мог никак разбить этой скованности. Не знаю, почувствовали ли ее окружающие — но сам я долго потом не мог утешиться, что речь моя была так холодна...

И вот Бориса Львовича не стало. Надо было его заменить — и мы, старшие сотрудники Пушкинского Дома, обсудив этот вопрос, не могли назвать никого другого, кроме долголетнего помощника и друга Бориса Львовича — Ивана Андреевича Кубасова, который

* днем 3 апреля, в 13 ч. 15 м. — как сказано в траурном объявлении об его смерти, выпущенном Правлением Общества друзей Пушкинского заповедника (*прим. автора*).

** т. е. 5 апреля утром (*прим. автора*).

и был назначен Академией (собственно, С. Ф. Ольденбургом) старшим ученым хранителем.²⁰

¹ *Адрианов Сергей Александрович* (1871—1942) — историк литературы, критик, публицист, переводчик.

² *Венгеров Семен Афанасьевич* (1855—1920) — историк русской литературы, библиограф. В Пушкинском семинарии (организован в 1906 г. в Петербургском университете) участвовали С. М. Бонди, Ю. Г. Оксан, В. М. Жирмунский, Ю. Н. Тынянов, С. В. Рождественский и др. Измайлов — член семинария с 1913 г.

³ Институт основан при Петроградском университете в 1921 г. как научно-исследовательский институт сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока; в 1923 г. ему было присвоено имя А. Н. Веселовского; с 1930 г. стал именоваться Государственным институтом речевой культуры.

⁴ *Боткин Василий Петрович* (27.12.1811 (8.1.1812)—1869) — очеркист, критик, переводчик. Знарок искусства, эстет, путешественник. Оставил статьи о музыке, живописи, ряд очерков об Испании, перевел Гофмана и др.

⁵ Среди братьев Боткина наиболее известны: *Сергей Петрович* (1832—1889) — знаменитый русский терапевт, крупнейший клиницист; *Дмитрий Петрович* (1829—1889) — коллекционер; *Михаил Петрович* (1839—1914) — академик живописи, гравёр, коллекционер. Менее известны: *Павел Петрович* (1827—1885); *Николай Петрович* (1813—1869); *Петр Петрович* (1829—1889); *Владимир Петрович* (1837—1869).

⁶ О переписке Боткина с И. С. Тургеневым Измайлов совместно с Н. Л. Бродским подготовил издание: *Неизданная переписка В. П. Боткина и И. С. Тургенева. М.; Л., 1930.*

⁷ *Горбунов Кирилл Антонович* (1822—1893) — художник, друг В. П. Боткина и В. Г. Белинского.

⁸ Проект «Положения о Пушкинском Доме» был заслушан 22 сентября 1906 г. на заседании под председательством президента Академии наук великого князя Константина Константиновича, а 14 июля 1907 г. «Положение» было утверждено Николаем II (см.: 50 лет Пушкинского Дома. М.: Л., 1956. С. 9—10).

⁹ После слов «на следующий год» в воспоминаниях имеется пропуск в тексте; дата «5 апреля» в ломаных скобках дается нами на основании следующего. Проект нового «Положения о Пушкинском Доме» был заслушан Общим собранием Российской Академии наук 8 марта 1919 г., а в следующем заседании Конференции, состоявшемся 5 апреля 1919 г., «Положение» и штат Пушкинского Дома были утверждены (см.: *Баскаков В. Н.* Пушкинский Дом в 1918—1930 годах // *Русская литература*. ра. 1980. № 1. С. 90).

¹⁰ Правильное название монументальной мозаики М. В. Ломоносова (1711—1765), находящейся в Санкт-Петербургском доме РАН, — «Полтавская баталия» (1762—1764).

¹¹ *Модзалевский Борис Львович* (1874—1928) — историк русской литературы, библиограф, генеалог, член-корреспондент Академии наук (с 1918). Один из основателей Пушкинского Дома, его старожил и, как он себя сам называл, — «домовой». В одном из писем отметил: «...самым главным своим opus'ом я считаю Пушкинский Дом, кот<орый>, кажется, есть немаловажный факт в истории Русской литературы. Отдавшись всецело этому труду в течение 25 лет, я полагал, что делаю полезное дело, о себе же не думал» (РНБ, ф. 585, оп. 1, № 3585, л. 11 об. Письмо Модзалевского к С. Ф. Платонову от 4 октября 1925 г.). См. о Б. Л. Модзалевском подробнее в кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год: Научные материалы к биографии Б. Л. Модзалевского. СПб., 2001.

¹² *Ольденбург Сергей Федорович* (1863—1934) — востоковед-индолог, академик Петербургской Академии наук (с 1900), непреременный секретарь Академии наук (1904—1929).

¹³ См. прим. № 4—5. Результатом работы Измайлова над письмами Боткина была публикация: Письма В. Боткина / Сообщ. Н. Измайлов // *Литературная мысль*. Альманах. Пг., 1923. Вып. 2. С. 159—191.

¹⁴ *Котляревский Нестор Александрович* (1863—1925) — литературовед, критик, публицист, первый директор Пушкинского Дома (с 1910).

¹⁵ *Блюментрост* (у Измайлова — Блументрост) *Лаврентий Лаврентьевич* (1692—1755) — русский врач, лейб-медик Петра I, первый президент Петербургской Академии наук (1725—1733).

¹⁶ *Константиин Константинович*, *вел. кн.* (1858—1915) — поэт, переводчик, драматург, внук Николая I, двоюродный дядя Николая II. С мая 1889 по 1915 гг. — президент Петербургской Академии наук.

¹⁷ *Дашкова Екатерина Романовна* (1743 или 1744—1810) — литературный деятель, мемуаристка, первый президент Российской Академии наук (1783—1796), директор Петербургской Академии наук (с 1783).

¹⁸ *Шишков Александр Семенович* (1754—1841) — адмирал, государственный деятель, министр народного просвещения (1824—1828), член Российской Академии (1796; в 1813—1841 ее президент), почетный член Петербургской Академии наук (1800).

¹⁹ *Модзалевская (урожд. Гувениус) Варвара Николаевна* (1871—1937) — вторая жена Б. Л. Модзалевского. Окончила курс Коломенской женской гимназии в Петербурге, Фребелевские педагогические курсы и курсы обучения глухонемых. По воленому найму работала в Пушкинском Доме с 1915 г., а в штат была зачислена с 1 июля 1920 г. на должность научного сотрудника II разряда. С 1 октября 1926 г. уволена согласно личному прошению по причине «расстроенного здоровья» (ААН, ф. 4, оп. 4, № 773).

²⁰ *Населенко Елена Папфиловна* (у Измайлова — Памфиловна; 1896—?) — архивный и музейный сотрудник Пушкинского Дома. Окончила в 1919 г. I-й Государственный педагогический институт. Работала преподавателем Единой трудовой школы (1918—1919), в Пушкинский Дом была зачислена на должность научного сотрудника II разряда в сентябре 1919 г. Короткий период времени служила ученым архивистом в Киевском филиале Главархива (август 1922—ноябрь 1922 г.), затем вернулась в Пушкинский Дом сначала на сверхштатную должность научного сотрудника, а с 1923 г. на должность помощника хранителя музея. В 1924 г. Населенко — научный сотрудник I разряда, в 1925 г. — ученый хранитель музея. После проверки аппарата Академии в 1929 г. снята с должности и переведена на должность научного сотрудника II разряда. Служила в Пушкинском Доме по 1937 год младшим научным сотрудником (ААН, ф. 150, оп. 2, № 274).

²¹ *Яковлев Николай Васильевич* (1891—1981) — историк литературы, библиограф, архивист. Родился в семье горного инженера. После окончания I-го Санкт-Петербургского реального училища в 1909 г. поступил на словесное отделение историко-филологического факультета Петербургского университета, который окончил в 1915 г. Работал секретарем в Доме-музее коммунистических борцов за свободу (1917—1918), был заведующим литературным отделом в Исполнительном комитете Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов (1917), библиографом в Книжной палате (Ленинград, Самара, Омск, Харьков; 1917—1920), инспектором и помощником управляющего Главархива (Москва; 1920—1921), научным сотрудником Музея революции (Петроград; 1920), заведующим библиотекой в Коммунистическом университете им. Свердлова (Москва, Украина), а также в Губполитпросвете (1921). С 1921 г. зачислен штатным научным сотрудником I разряда Пушкинского Дома (сверх штата работал с 1916), в эти же годы сотрудник ИЛЯЗВ. С 1924 по 1925 г. уполномоченный Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), с 1924 по 1926 г. доцент в Ленинградском государственном университете (ААН, ф. 150, оп. 2, № 197). В 1930-е—1940-е гг. преподавал в различных университетах и институтах в Ленинграде, Кирове, Малмыже, Пскове, Свердловске. С 1952 г. вновь сотрудник Пушкинского Дома. Н. В. Яковлев — участник многих сборников Пушкинского Дома, посвященных исследованию творчества А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, В. Г. Короленко, А. Н. Островского, М. Е. Салтыкова-Щедрина; автор статей по истории революционного движения в России, научно-популярных работ о музеях Академии наук СССР и др.

²² Диплодок — вымершее пресмыкающееся отряда ящеротазовых динозавров.

²³ *Коплан Борис Иванович* (1898—1942; по др. сведениям 09.12.1941) — историк литературы. Родился в Петербурге 24 июля (6 августа) 1898 г. Дата рождения Б. И. Коплана дается на основании автобиографии (ААН, ф. 77, оп. 5, № 360, л. 4) и личного дела (ААН, ф. 4, оп. 4, № 986). Начальное образование получил в городском училище, среднее — в гимназии им. Петра I, которую окончил с золотой медалью. В 1917 г. поступил на историко-филологический факультет Петроградского университета, в 1921 г. окончил его и был оставлен при кафедре русского языка и

литературы. Служил библиотекарем в Книжной палате (1918—1919), преподавал историю русской литературы в трудовой школе им. Белинского (1920—1924). В 1923 г. женился на С. А. Шахматовой. С 1919 по 1929 гг. работал в Пушкинском Доме в качестве ученого хранителя и ученого секретаря. Во время академической «чистки» был уволен (22 ноября 1929 г.), затем арестован и с 1931 г. по 1933 г. был в административной высылке в Ульяновске и Мелекесе. В Ульяновске работал в 1932 г. статистиком на заводе, в Мелекесе служил техническим секретарем Президиума райисполкома, затем библиотекарем и секретарем учебной части педагогического Рабфака. В ноябре 1933 г. вернулся в Ленинград. Долгое время работал по издательским договорам в «Библиотеке поэта», Детиздате, редакции академического издания сочинений А. С. Пушкина и др. В 1938 г. начал работать выборщиком по древнерусскому словарю в Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра, в 1939 г. — штатный редактор, в 1940 — главный редактор древнерусского словаря. В июле-августе 1941 г. был на оборонных работах, из штаба института отчислен 9 января 1942 г. (причина отчисления не указана). См. также о нем прим. 71—73. Список основных работ Б. И. Коплана см. в кн.: Голоса из блокады. Ленинградские писатели в осажденном городе (1941—1944) / Сост. З. Дичаров. СПб., 1996. С. 518—519.

²⁴ Далее следует зачеркнутый авторский текст: «о нем я буду еще говорить в дальнейшем».

²⁵ Дом литераторов (1918—1922) — крупнейшее литературное объединение, возникшее с целью поддержки голодающих писателей и устройства столовой для них. Председателем Дома был Н. А. Котляревский. Подробнее о Доме литераторов см.: *Мартынов И. Ф., Клейн Т. П.* К истории литературных объединений первых лет Советской власти (Петроградский Дом литераторов. 1918—1922) // Русская литература. 1971. № 1. С. 125—134, а также статью Т. А. Кукушкиной в наст. изд.

²⁶ *Веселовский Александр Николаевич* (1838—1906) — филолог, историк и теоретик литературы, профессор Петербургского университета (с 1872), академик Петербургской Академии наук (с 1881). Статуя А. Н. Веселовского работы скульптора В. А. Беклемишева (?) стоит в настоящее время в вестибюле Пушкинского Дома. См.: Переписка Веселовского с С. А. Венгеровым / Публ. М. Д. Эльзона // Наследие Александра Веселовского. Исследования и материалы. СПб., 1992. С. 266.

²⁷ Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР, Москва); с 1992 г. — Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ, Москва).

²⁸ Об этом периоде жизни Измайлов пишет в автобиографии: «После перерыва, вызванного войной 1914—17 гг., когда я сначала работал в санитарном отряде, а потом был призван на военную службу и демобилизовался в конце 1917 г., я в декабре 1918 г. окончил университет...» (РО ИРЛИ, ф. 150, оп. 2, № 191, л. 4).

²⁹ *Ильинский Леонид Константинович* (1878—1934) — историк литературы, библиограф.

³⁰ *Поляков Александр Сергеевич* (1882—1923) — библиограф, историк русской литературы и театра.

³¹ *Семенников Владимир Петрович* (1885—1936) — библиограф, историк литературы XVIII века, археограф, автор работ «Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II» (Пг., 1915) и «Радищев. Очерки и исследования» (М.; Пг., 1923).

³² *Шилов Алексей Алексеевич* (1881—1942) — историк революционного движения в России.

³³ Далее следует зачеркнутый текст, помещенный автором в виде постраничного примечания:

«Н. В. Яковлев, бывший к началу 1917 г. уже сотрудником Пушкинского Дома (вероятно, внештатным), в своих воспоминаниях, застенографированных 24 и 26 апреля 1967 г., передает эти события несколько иначе. Вот что он рассказывает (Стенограмма 2-я, 26 апреля, стр. 23—24): «Когда в начале Февральской революции горела охранка, то ее жгли сами „шпики“, а мы, студенты, таскали горевшие дела из костров прямо к Срезневскому. Студенты не понимали, кто жжет „дела“ охранки, хотя по мордам было видно, что это шпики. <...> Жандармы сожгли жандармское управление дотла, но внизу, в полуподвале, перемешанные с глиной, валялись дела. <...> (Чей-то вопрос об охране: где она была и что с ней было? Я указал рукою из окна на другой берег М. Невы.) Тут большой дом, так называемая „Мыгня“, рядом построен новый дом, а до этого здесь был сад-сквер. <...> Раньше было тут двухэтажное здание, оно выходило парадным входом на набережную, там входили

жандармы, а с просп. Добролюбова были ворота, куда завозили арестованных... Архив Департамента полиции перевозили сотрудники ПД. Сначала была организована Следственная комиссия под председательством А. Я. Буриева, Буриев передал дело <? — Н. И.> в Академию наук, Академия поручила руководство Котляревскому, Котляревский организовал особую группу под руководством А. С. Полякова. В нее входили Л. К. Ильинский, А. Г. Фомин, А. А. Шилов, Л. Ф. Макаръев. <...>

Но у Академии не было средств на перевозку, не было людей на погрузку <?> дел Департамента полиции. — Н. И.>. Тогда Нестор Александрович написал бумагу в Петросовет <NB! когда же это было? В домашних скобках — мои добавления. — Н. И.>. Здесь у нас был тов. Иван Садовский — начальник автомобильного отдела. <...> Он давал нам пятитонные машины <?!> и народ — гвардейцев Литовского полка <?>. Эти ребята шутя поднимали ящики и укладывали в пятитонку. Всю эту перевозку мы выгуляли на главную лестницу академического главного здания. Все это произошло благодаря помощи Садовского и благодаря помощи Петросовета».

<Как видно, здесь много путаницы! — Н. И.>».

О Л. К. Ильинском см. примеч. 29. Об А. А. Шилове см. примеч. 32. Об А. С. Полякове см. примеч. 30. *Фомин Александр Григорьевич* (1887—1939) — библиограф, книговед, историк русской литературы. См. о нем подробнее: *Эльзон М. Д. Фомин Александр Григорьевич // Сотрудники Российской Национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь. СПб., 1999. Т. 2. С. 609—613. Сведениями о Л. Ф. Макаръеве, А. Я. Буриеве, И. Садовском не располагаем.*

³⁴ Далее следует зачеркнутый текст: «бывший там госпиталь к этому времени закрылся».

³⁵ Имеется в виду: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин в донесениях тайного надзора: (1826—1930) // *Былое*. 1918. № 1(29). С. 5—59; То же. — Отд. отт. Пг., 1918.

³⁶ *Поляков А. С.* О смерти Пушкина. Пг., 1922.

³⁷ Далее следует зачеркнутый текст: «Мой рассказ, конечно, очень не полон и, вероятно, не во всем точен. Но исправить его теперь очень трудно, если не невозможно, так как не осталось в живых, насколько я знаю, ни одного участника или свидетеля (кроме Н. В. Яковлева — см. выше). Следовало бы, однако, поискать в архиве Академии наук за 1917 г. — нет ли относящихся сюда документов».

³⁸ *Казанович Евлалия Павловна* (1885—1942) — историк литературы. Окончила в 1913 г. Высшие женские курсы (Бестужевские). С 1911 по 1919 г. работала в Пушкинском Доме внештатным сотрудником по каталогизации книжных и рукописных собраний. С 1919 г. — штатный библиотекар Пушкинского Дома, затем помощник хранителя книжных собраний (1921) и научный сотрудник II разряда. Одновременно с работой в Пушкинском Доме была сотрудником по описанию архива в Министерстве Народного Просвещения (1916—1917), работала в отделе статистики Министерства труда (1917) и Комиссариате труда (1918—1919), а также в Комиссариате по просвещению (1919). Во время академической «чистки» была арестована 4 октября 1929 г., но затем освобождена от ареста и 26 октября вышла на работу. В декабре 1929 г. Е. П. Казанович подала заявление об увольнении и с 16 декабря 1929 г. была уволена. В дальнейшем работала библиографом в Главном геолого-разведывательном управлении (1930—1931), Государственном гидрологическом институте (1932), Научно-исследовательском институте гидротехники (1932). С 1933 г. работала по договорам с издательствами и в Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра внештатным сотрудником по словарному отделению (1939—1941) (ААН, ф. 4, оп. 4, № 970; № 5201). Список основных работ Е. П. Казанович см. в кн.: *Голоса из блокады. Ленинградские писатели в осажденном городе (1941—1944) / Сост. З. Дичаров. СПб., 1996. С. 515—516.*

³⁹ *Чернышев Василий Ильич* (29.12.1866 (10.01.1867)—1949) — фольклорист, языковед, этнограф, член-корреспондент Академии наук СССР (1931). Окончил в 1886 г. Киржачскую семинарию, работал учителем уездных и городских училищ (1886—1912). Преподавал также в Институте Живого слова (1918—1923). В Пушкинский Дом поступил научным сотрудником в апреле 1920 г., в январе 1921 г. переведен на должность хранителя рукописей. В апреле 1921 г. был привлечен для работы в Постоянной словарной комиссии, а в Пушкинском Доме оставлен как сверхштатный сотрудник. В 1929 г. уволен от службы в Академии наук на пенсию, но продолжал работать по договорам в Комиссии по составлению словаря русского языка и в Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра (ААН, ф. 77, оп. 5, № 278; ф. 302, оп. 2, № 284; ф. 790, оп. 3, № 47). В. И. Чернышев — один из зачинателей «Сло-

варя современного русского литературного языка», ответственный редактор т. 1—2 (1948, 1950).

⁴⁰ *Комарова (урожд. Стасова; псевд. Влад. Каренин) Варвара Дмитриевна* (1862—24.02.1942; по др. сведениям — 10.02.1943) — прозаик, историк музыки и литературы. Племянница известного музыкального и художественного критика Стасова Владимира Васильевича (1824—1906), дочь общественного деятеля, адвоката, одного из учредителей Русского музыкального общества Дмитрия Васильевича Стасова (1828—1918). Жена генерала-от-инфантерии Николая Николаевича Комарова (1855—1940). Ученица М. Балакирева. Работала в Пушкинском Доме с 1918 г. по вольному найму, с 1919 г. в штате научным сотрудником, а с 1924 г. по 1932 г. ученым хранителем (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1982). Погибла в блокаду.

⁴¹ Перевод на французский язык «George Sand, sa vie et ses œuvres» (Paris, 1899—1926. Т. 1—4) был удостоен премии Французской Академии в 1927 г.

⁴² *Томашевский Борис Викторович* (1890—1957) — известный пушкинист, профессор Ленинградского университета (с 1942). Участвовал в изданиях и многих предприятиях Пушкинского Дома, был членом Комиссии по изданию сочинений Пушкина Академии наук. В 1920-е гг. штатным сотрудником Пушкинского Дома не состоял: официально был зачислен в штат 25 декабря 1929 г. (РО ИРЛИ, ф. 150, оп. 2, д. 52. Трудовой список Б. В. Томашевского) и работал по 1931 г. Затем преподавал математику в Институте инженеров железнодорожного транспорта в Ленинграде, работал в институтах и университете в Москве. В 1945 г. вернулся в Ленинград и с 1 сентября был зачислен в Пушкинский Дом. С 1946 по январь 1957 г. заведовал Рукописным отделом, затем взял на себя организацию только что образованного Сектора (позднее — отдел) пушкиноведения. Измайлов написал статью памяти Томашевского. См.: *Измайлов Н. В.* Борис Викторович Томашевский // *Известия Академии наук. Отд.-ние лит. и яз.* 1959. Т. 17, № 1. С. 105—108.

⁴³ Архив Стасовых (ф. 294) поступил в Пушкинский Дом в 1918 г. на хранение, а в 1919 г. принесен в дар В. Д. Стасовой-Комаровой. В декабре 1940 г. ею же было передано в дар дополнение к фонду.

⁴⁴ *Беляев Михаил Дмитриевич* (1884—1955) — литературовед и искусствовед. В 1918—1921 гг. находился в Симбирске и был одним из первых устроителей Симбирского художественного музея и Симбирского губернского книгохранилища. В 1918 г. при посредничестве Горького Беляев добился разрешения на передачу Пушкинскому Дому библиотеки П. В. Анненкова. Пушкинский Дом в лице Беляева неоднократно обращался к Горькому с просьбами о пополнении своих коллекций (см.: *Степанов А. Н.* У книг своя судьба... Л., 1974. С. 152—164). В 1919 г. по просьбе Горького осматривал помещицы усадьбы Симбирской губернии в поисках историко-литературных ценностей. В 1921—1929 гг. заведовал музеем Пушкинского Дома. 12 ноября 1929 г. был уволен, затем арестован по «академическому делу». По приговору Коллегии ОГПУ в 1931 г. получил 10 лет лагерей, но освободился в 1933 г. После освобождения жил в Ростове-Ярославском, а затем в Москве, где служил в Литературном музее.

⁴⁵ *Кубасов Иван Андреевич* (1875—1937) — историк литературы, библиограф. Родился в Астрахани. Окончил в 1899 г. курс Петербургского историко-филологического института со званием учителя гимназии. С 1902 по 1911 гг. был внештатным преподавателем русского языка в Санкт-Петербургском реальном училище К. Мая. С 1901 г. поступил на службу в Академию наук, где служил на разных должностях (старшим библиотекарем, заведующим Книжным складом) по 1921 г. В 1921 г. был командирован по делам Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС) в Астрахань, где по личным обстоятельствам вынужден был остаться и работать секретарем в Областном управлении рыбными и тюленьими промыслами. В мае 1922 г. Кубасов вернулся в Академию наук. В Пушкинском Доме состоял ученым хранителем с мая 1923 г. по январь 1928 г. (с января по май 1928 г. заведовал I-м Отделением Библиотеки АН), и с мая 1928 г. по ноябрь 1930 г. являлся старшим хранителем Пушкинского Дома. С ноября 1930 г. работал в должности ученого хранителя. С 1 января 1931 г. уволен на пенсию (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1564).

⁴⁶ *Гофман Модест Львович* (1887—1959) — пушкинист, поэт, литературовед, критик. См. о нем в статьях: *Огивич Е. В.* М. Л. Гофман: Жизнь и труды // *Страницы истории пушкиноведения.* СПб., 1994. С. 63—71; *Файнштейн М. Ш.* Из истории собрания А. Ф. Онегина в Пушкинском Доме // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год.* СПб., 1993. С. 307—316.

⁴⁷ *Рейнбот Павел Евгеньевич* (1855—1934) — юрист, пушкинист, секретарь Пушкинского лицейского общества, коллекционер. Окончил в 1877 г. Александровский лицей, после чего прослушал курс лекций на юридическом факультете Петербургского университета. Служил в Министерстве финансов и Министерстве юстиции, а по выходе в отставку (1893) был присяжным поверенным округа Санкт-Петербургской судебной палаты и юрисконсультom Министерства народного просвещения. В 1903 г. избран в члены Комиссии по изданию сочинений Пушкина, а в 1907 г. в Комиссию по постройке памятника Пушкину. В Пушкинском Доме служил (по документам личного дела с 1 января 1921 г., по трудовому списку с 1920 г.) помощником хранителя и хранителем музея. В 1925 г. был арестован по «лицейскому делу» и выслан сначала в Свердловск, а затем в Тюмень. По возвращении из ссылки П. Е. Рейнбот был вновь принят в Пушкинский Дом на должность научного сотрудника II разряда, а с января по ноябрь 1930 г. работал ученым хранителем библиотеки (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1730; № 5604). О роли Рейнбота в деле составления договора Академии наук с А. Ф. Онегиным по поводу музейного собрания последнего, а также о деятельности Павла Евгеньевича как секретаря Пушкинского лицейского общества см.: Переписка П. Е. Рейнбота с Б. Л. Модзалевским / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год: Научные материалы к биографии Б. Л. Модзалевского. СПб., 2001. С. 220—258.

⁴⁸ *Достоевский Андрей Андреевич* (1863—1933) — статистик-географ, секретарь Русского географического общества, сын Андрея Михайловича Достоевского (1825—1897), племянник Федора Михайловича Достоевского (1821—1881). Родился в Ярославле. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Служил в Статистическом отделе Центральной управы Петроградского продовольственного Совета (1918), Комиссариате земледелия Союза коммун Северной области (1918—1919), Губернском отделе статистики (1919—1920), Главном горном управлении (1920—1921) и на Мурманской железной дороге (1921—1923). На службу в РАН (Пушкинский Дом) поступил с 1 июля 1925 г. (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1424). В ночь с 14 на 15 ноября 1930 г. был арестован и приговорен к пяти годам лагерей, но был освобожден раньше, в апреле 1931 г. по случаю 50-летия со дня кончины Федора Михайловича Достоевского.

⁴⁹ *Островский Сергей Александрович* (1869—1929) — канцелярский служащий, библиотечар. Сын драматурга Островского Александра Николаевича (1823—1886). Родился в Москве, окончил Московский университет. Служил в Канцелярии комитета министров (1892—1896), Государственной канцелярии (1909). В 1904—1905 гг. был призван в действующую армию в качестве прапорщика запаса. В 1918 г. прикомандирован к Главному штабу, в 1919 г. — казначей 54 (?) Кавполка 12 кавалерийской дивизии. С 1925 г. сверхштатный сотрудник Пушкинского Дома, а с 1928 — штатный научный сотрудник II разряда (ААН, ф. 4, оп. 4, № 5511; № 1072).

⁵⁰ *Пытин Николай Александрович* (1875—?) — историк литературы. Окончил курс гимназии при Историко-филологическом институте (1887—1894), а затем юридический факультет Петербургского университета (1894—1899). Служил письмоводителем в Канцелярии Сибирской железной дороги (1899—1904), делопроизводителем в хозяйственно-строительной Комиссии в Иркутске (1904—1905), Министерстве торговли и промышленности (1906—1911), Главном управлении земледелия (1911—1914). С 1914 по 1917 г. находился на военной службе по мобилизации. В 1918—1919 гг. — научный сотрудник Главархива. В 1919—1921 гг. вновь призван на военную службу в Красную армию. Затем преподавал русский язык и словесность на организационно-методических курсах, Военно-окружной школе, работал в Русском музее научным сотрудником (1921—1922) и делопроизводителем в Ленинградском отделении «Хлебобпродукта» (1922—1924). В Пушкинском Доме служил с 1925 г. научным сотрудником II разряда. Во время «академического дела» был арестован (в ночь с 14 по 15 ноября 1930) и спустя два месяца после ареста уволен из института 16 января 1931 г. В дальнейшем служил в Промышленно-экономическом техникуме (1932—1934) и в Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра (1939—1941) (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1719; ф. 77, оп. 5, № 410). Автор работ о Н. Г. Чернышевском, А. Н. Островском, Н. А. Некрасове и др.

⁵¹ *Пытин Александр Николаевич* (1833—1904) — историк литературы, этнограф, славист, фольклорист, академик Петербургской Академии наук (с 1898).

⁵² *Шахматова-Копляк Софья Алексеевна* (1901—1942) окончила в 1924 г. общественный факультет этнологического отделения Ленинградского университета. В Пушкинском Доме служила с 1920 по 1931 г., сначала научным сотрудником,

затем ученым хранителем (с 1924) (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1535). В 1931 г. уволилась и уехала в Ульяновск, где находился в то время ее репрессированный муж Б. И. Коплан (см. об этом примеч. 74). С ноября 1933 по февраль 1934 г. работала библиотекарем Ленинградского отделения Центрального научно-исследовательского института педагогики, а затем (в основном по договору) в Архиве Академии наук (по описанию и систематизации архивных фондов), Институте востоковедения, Комиссии по истории Академии наук. В 1941 г. была ученым архивистом Архива Академии наук (ААН, ф. 7, оп. 3, № 54). Во время блокады голодала, была тяжело больна и не могла посещать столовую. Сохранилось письмо, написанное Софьей Алексеевной не позднее 2 января 1942 г. к сотрудникам Архива: «Дорогие товарищи. Умоляю вас, спасите нас. Мы совсем погибаем. Я совсем слегла и не могу подняться. Бабушка окончательно с нами измучилась, и сама еле волочит ноги. Пожалуйста, будьте добры, организуйте бабушке обед из столовой. <...> И впредь на несколько дней, если можно было бы нам помочь с обедом — это самая конкретная помощь. Потому что бабушка не выдержит всю работу по дому и за нами двумя больными. Умоляю, товарищи. <...>» (См.: ААН, ф. 7, оп. 3, № 54, л. 81—81 об.). Попытки сотрудников архива помочь ей уже не имели результата. Софья Алексеевна умерла в один день с сыном Алешей Копланом (16-ти лет) 5 января 1942 г.

⁵³ *Шахматов Алексей Алексеевич* (1864—1920) — филолог, языковед, академик Петербургской Академии наук (1894), председатель ОРЯС (1906—1920).

⁵⁴ *Слонимская (урожд. Куш) Лидия Леонидовна* (1900—1965) — правнучка Ольги Сергеевны Павлищевой, сестры Пушкина. Была женой известного литературоведа и писателя А. Л. Слонимского. Занималась переводами классиков мировой литературы. В 1972 г. в Пушкинский Дом поступила ее работа «Михайловское в письмах родителей Пушкина» (1960) с отзывом Н. В. Измайлова. (См. об этом: *Теребенина Р. Е.* Новые поступления в Пушкинский фонд Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) за 1969—1974 гг. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 119). В работе по подготовке к изданию писем Н. О. и С. Л. Пушкиных к дочери Слонимская осуществила перевод трудночитаемого французского текста, атрибутировала ряд лиц пушкинского окружения в Михайловском. В 1993 г. после внесения ряда уточнений в рукопись Слонимской, сделанных с учетом последних пушкиноведческих достижений, ее работа была опубликована: Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлищевой. 1828—1835 / Пер., подгот. текста, предисловие и коммент. Лидии Слонимской. СПб., 1993 (Мир Пушкина; Т. 1).

⁵⁵ *Беляев Юрий Дмитриевич* (1876—1917) — драматург, театральный критик, прозаик, журналист, сотрудник газеты «Новое время». После его смерти М. Д. Беляев передал архив брата в Пушкинский Дом, где он и сейчас хранится (ф. 24).

⁵⁶ Библиографию трудов М. Д. Беляева см. в статье: *Яценко О. А.* М. Д. Беляев. Теория построения историко-литературного музея // Страницы истории пушкиноведения. СПб., 1994. С. 107—108.

⁵⁷ Имеется в виду: Б. Л. Модзалевский. Биографические даты. Список трудов. Л., 1924.

⁵⁸ *Гофман М. Л.* Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. Пг., 1922.

⁵⁹ Общество изучения поэтического языка — русская школа в литературоведении 1910—1920-х гг.; одно из разветвлений так называемой «формальной школы» в литературоведении.

⁶⁰ *Розенмайер (Розен-Мейер; у Измайлова — Розенмейер; урожд. Пушкина) Елена Александровна* (1889—1943) — дочь Александра Александровича Пушкина от его второго брака с Марией Александровной Павловой, родная внучка А. С. Пушкина. История с «Дневником Пушкина № 1» следующая. В парижском сборнике «На чужой стороне» (1925) в статье «Еще о смерти Пушкина» Гофман писал: «В 1937 году будет опубликован полностью неизданный еще большой дневник Пушкина (в 1100 страниц). Несомненно, он прольет свет на историю дуэли и драму жизни Пушкина...» (Цит. по изданию: *Фридкин В. М.* Пропавший дневник Пушкина. Рассказы о поисках в зарубежных архивах. М., 1987. С. 179). Основанием для такого заявления Гофмана явились реальные события. В 1922 г. советский торгпред в Париже М. И. Скобелев получил от Е. А. Розенмайер из Константинополя письмо, в котором она предлагала приобрести у нее пушкинские реликвии, ссылаясь на тяжелое материальное положение. Об этом письме узнал Гофман, и между Розенмайер и ним завязалась переписка, и вскоре Модест Львович отправился в Константинополь. Однако супруги Розенмайер отказались показать ему дневник, сообщив, что соби-

раются уезжать в Южную Америку, и, уверив, что «дневник» находится в надежном месте. Обо всем этом и написал Гофман в своей статье.

⁶¹ Гофман умер в 1959 г. См. прим. 46.

⁶² О П. Е. Рейнботе см. прим. 47, 65—67.

⁶³ Далее следует зачеркнутый текст: «лицеист (текст отсутствует. — Н. П.) курса». П. Е. Рейнбот был лицеистом 35 курса.

⁶⁴ *Онегин (Отто) Александр Федорович (1845—1925)* — коллекционер, собиратель рукописей А. С. Пушкина, автографов русских и иностранных писателей.

⁶⁵ Подарок Рейнбота, сделанный им Измайлову в ноябре 1929 г. не случаен, т. к. именно в это время Николай Васильевич был привлечен к суду по «академическому делу» и уволен из института. Об отношении П. Е. Рейнбота к музею А. Ф. Онегина и его собственной коллекции см.: Переписка П. Е. Рейнбота с Б. Л. Модзалевским / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела на 1996 год: Научные материалы к биографии Б. Л. Модзалевского. СПб., 2001. С. 220—258.

⁶⁶ Содержание «диплома», намекавшего на связь Натальи Николаевны с Николаем I, было одним из первых разгадано П. Е. Рейнботом. Об этом свидетельствуют М. А. Цявловский (см.: *Цявловский М. А. Николай I и дуэль Пушкина // Красная нива. 1928. № 7. С. 2*) и П. Е. Щеголев (см.: *Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. СПб., 1999. С. 436*). Павел Евгеньевич всегда охотно делился своими находками и догадками с коллегами, хотя и не стремился к опубликованию своих работ. Так, 28 июля 1927 г. в собрании Пушкинского Дома он прочитал свой доклад «Дуэль Пушкина (Идалия Григорьевна Полетика, Варфоломей Филиппович Боголюбов, Сергей Семенович Уваров)», но не опубликовал его. Н. Ашукин по этому поводу пишет следующее: «Щеголев выпросил у него (Рейнбота. — Н. П.) рукопись доклада, приостановил печатание 3-го издания своей книги о дуэльной истории и срочно написал новую главу, основываясь на данных, открытых Рейнботом» (см.: *Ашукин Н. Заметки о виденном и слышанном. 1914—1933 / Публ. и коммент. Е. А. Муравьевой; вступ. статья Н. Богомолова // Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 161*).

⁶⁷ Большая исследовательская работа П. Е. Рейнбота «Записки А. О. Смирновой» хранится в рукописи в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ; Москва), ф. 485, оп. 1, № 875, 876. В письме к М. А. Цявловскому от 8 декабря 1930 г. Павел Евгеньевич писал: «Исследование мое о „Записках Смирновой“ закончено, последнее время занят сокращением его, так как благодаря количеству (и качеству) новых материалов, вышло оно слишком обширно; выбрасываю все, что касается Гоголя и Аксакова, в результате получится в чистом виде „Пушкин по запискам Смирновой. История одной мистификации“. Курьезов, документально доказанных, хоть отбавляй, начиная с происхождения А. О., документы об отце которой (итальянце) мне удалось найти в архивных материалах конца 18 и начала 19 века. Жертвами мистификации оказались не только русские ученые, но и иностранцы» (РО ИРЛИ, ф. 387, № 281, л. 10—10 об.).

⁶⁸ О Е. П. Казанович см. прим. 38, 69.

⁶⁹ См. об этом: *Казанович Е.* Как было написано А. Блоком стихотворение «Пушкинскому Дому» / Публ. В. Сажина // *Звезда. 1977. № 10. С. 199—201*; Свидетельство очевидца. Дневниковые записи Е. П. Казанович / Вступ. статья, публ. и коммент. А. Конечного и В. Сажина // *Литературное обозрение. 1980. № 10. С. 108—112*.

⁷⁰ См.: РО ИРЛИ, р. 1, оп. 12, № 282.

⁷¹ О Б. И. Коплане см. прим. 23, 72—74.

⁷² Описание литературных материалов XVIII века, сделанное Б. И. Копланом, хранится в научно-справочном аппарате Рукописного отдела.

⁷³ Имеется в виду сборник: *Коплан Б.* Стансы. Пг., 1923. Наиболее известные его стихотворения: «Пушкинскому Дому» (В старинных комнатах мы шутим иногда...) и «Кладбище над морем», посвященное памяти А. А. Блока. В этом же месте в воспоминаниях Измаилова следует зачеркнутый текст: «О литературно-юмористической переписке его с Иваном Андреевичем я упомянул выше».

⁷⁴ О преданности и смелости этой «маленькой ростом и серьезной» женщины, Софьи Алексеевны, следует сказать несколько слов. В 1931 г. она собирала основания для ходатайства об освобождении своего репрессированного мужа Б. И. Коплана, для чего выехала в Москву, была принята А. С. Енукидзе и добилась в этих хлопотах полного успеха. Управление делами Академии наук в это время подготовило приказ об увольнении ее из Пушкинского Дома на основании того, что отпуск

без содержания, который был разрешен ей ученым секретарем Пушкинского Дома В. В. Бушем, являлся нарушением закона в связи с постановлением НК РКК СССР о запрещении подобных отпусков. В разгар хлопот Софья Алексеевна получила телеграмму с требованием немедленно вернуться к месту службы, но все же осталась в Москве. В заявлении Непременному секретарю АН она писала: «Как раз в разгар последних (хлопот. — Н. П.) я получила от АН требование немедленно вернуться на службу. Но так как от исхода дела, которое я начала и которое, в своем производстве, требовало моего присутствия в Москве, зависела участь всей моей семьи, я сочла преступным для себя, как для жены и матери, оставить это дело на полдороге» (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1535, л. 40—40 об.). В дальнейшем дело об увольнении Коплан по ст. 47, п. «е» (т. е. за прогул) было пересмотрено: причиной увольнения указали переезд на новое место жительства (из Ленинграда в Ульяновск к мужу).

⁷⁵ *Энгельгардт Борис Михайлович* (1887—1942) — литературовед, архивист. После окончания Петроградского университета был оставлен на кафедре истории русской литературы, затем преподавал в Институте Живого слова (1918), Государственном институте истории искусств (1920). С ноября 1920 г. назначен на штатную должность научного сотрудника Пушкинского Дома, а с июля 1924 г. перешел на службу в библиотеку Академии наук, сначала библиотекарем, а затем научным сотрудником I разряда. 16 ноября 1930 г. был арестован по «академическому делу» и через два месяца, как находящийся под арестом, с 16 ноября 1931 г. был уволен (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1183; № 5952). Список основных работ Б. М. Энгельгардта см. в кн.: Голоса из блокады. Ленинградские писатели в осажденном городе (1941—1944) / Сост. З. Дичаров. СПб., 1996. С. 523—524.

⁷⁶ *Переселенков Степан Александрович* (1865—1940; по др. сведениям 1941) — историк русской литературы. Родился в Новочеркасске в семье донского казака. В 1875—1883 гг. учился в Новочеркасской гимназии. В 1888 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. С 1889 по 1920 г. преподавал в Приюте принца Ольденбургского (реальном училище и женской гимназии), давал уроки в Санкт-Петербургской военно-фельдшерской школе (1890—1896), Николаевском кадетском корпусе (1895—1906), Санкт-Петербургском окружном юнкерском училище (1898—1900), читал лекции в Военно-топографическом училище (1907—1917), во Владимирском военном училище (1900—1914), был помощником начальника архива Министерства Народного Просвещения (1917). Кроме того, преподавал в 5-й Санкт-Петербургской гимназии (1918), трудовой школе (1917—1920), на курсах для красноармейцев и военной школе (1918—1923). В 1917—1923 гг. служил старшим архивариусом в Централхиве. В Пушкинский Дом поступил 1 июля 1923 г. сотрудником II разряда; с 1932 г. научный сотрудник I разряда (ААН, ф. 150, оп. 2, № 281; № 135). Автор работ об А. Н. Островском, Н. П. Огареве, Н. А. Некрасове, А. И. Герцене, П. Л. Лаврове, декабристах, а также статей по истории педагогики и рецензий по педагогическим вопросам, печатавшихся в периодических изданиях: «Педагогический листок», «Донская речь», «Образование», «Голос минувшего» и др.

⁷⁷ Герой повести Н. В. Гоголя «Шинель» (1843).

⁷⁸ *Врасская (Враская) Варвара Борисовна* (1901—?) — историк литературы. Окончила в 1924 г. общественный факультет этнолого-лингвистического отделения Ленинградского университета. Одновременно с учебной работала в Отделе охраны памятников искусства и старины (1920) и корреспондентом Пушкинского Дома (1921). После окончания курса в 1924 г. была принята в Пушкинский Дом на должность научного сотрудника II разряда. В 1931 г. перешла на преподавательскую работу в Ленинградский государственный университет (ассистент кафедры иностранных языков, затем старший преподаватель филологического факультета). Во время войны в феврале 1942 г. уволилась из Университета (вследствие его эвакуации) и некоторое время являлась библиотекарем БАН (с марта по июнь 1942 г.) (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1366; ф. 158, оп. 7, № 732).

⁷⁹ *Шахматова (урожд. Градовская) Наталья Александровна* (1870—?) — жена А. А. Шахматова, брак заключен в 1896 г. Дочери: Ольга (р. 1897), Екатерина (1903—1942). О Софье см. прим. 52 и 74.

⁸⁰ Об *Абамелек-Лазареве Семене Семеновиче* (1857—1916) и его жене *Марии Павловне Абамелек-Лазаревой*, княгине Сан-Дonato (?—1955) см. в статье: *Адамшица О. Вилла Абамелек // Наше наследие*. 1994. № 31. С. 14—29.

⁸¹ В этом месте следует зачеркнутый текст, помещенный автором в виде страничного примечания: «Демидов Павел Николаевич (ум. 1840); его жена — ур.

бар. Шернваль Аврора Карловна, во 2-м браке (с 1846 г.) замужем за Карамзиным Андреем Николаевичем (1814—1854). А. К. Демидова-Карамзина (1808—1902). Их сын — Демидов Павел Павлович. Его жена — (текст отсутствует. — *Н. П.*). Дочь Павла Павловича — Мария Павловна, в замужестве кн. Абаменек-Лазарева).

⁸² *Фомин Иван Александрович* (1872—1936) — русский архитектор, создатель стиля неоклассицизма в русской архитектуре.

⁸³ *Елизавета Петровна* (1709—25.12.1761 (05.01.1762)) — российская императрица с 25 ноября 1741 г., дочь Петра I и Екатерины I. Особняк по ул. Миллионной, 22, приобретенный С. С. Абаменек-Лазаревым в 1903 г., был построен в 30-х годах восемнадцатого столетия, и первым владельцем его был генерал Бирон, брат Э. И. Бирона, фаворита императрицы Анны Иоанновны (1693—1740). Последний владелец особняка пристроил к нему обширный дом по наб. Мойки, 21 (1907—1909; арх. Е. С. Воротилов), а затем, уже к новому дому, по плану архитектора И. А. Фомина было выстроено здание домашнего театра (1913—1914) по наб. Мойки, 23. Описание дома см.: Столица и усадьба. 1915. № 45. С. 4—7.

⁸⁴ Основатель художественного стиля раннего классицизма XVIII в. («Людовика XVI») — французский мебельщик Жорж Жакоб (1739—1814), для него характерна резная с позолотой, позже полированная из красного дерева мебель с золочеными бронзовыми накладками.

⁸⁵ *Чиппендейл Томас* (1718—1779) — английский мастер мебельного искусства, краснодеревщик, сочетавший функциональную целесообразность с изяществом линий. Характерной особенностью его стиля было выполнение ножек стульев и диванов с опорой в виде птичьей лапы, держащей шар, а спинки делались прорезными в форме вазы.

⁸⁶ *Щеголев Павел Елисеевич* (1877—1931) — историк литературы и революционного движения, пушкинист, один из редакторов журнала «Былое».

⁸⁷ *Розанов Матвей Никанорович* (1858—1936) — историк русской и западноевропейской литературы, переводчик, академик Российской Академии наук (1921).

⁸⁸ Далее следует зачеркнутый авторский текст: «более подробные сведения можно найти в изд. „Пушкинский Дом при Р. Ак. Наук. Исторический очерк и путеводитель“. Лгр., 1924».

⁸⁹ Далее следует зачеркнутый авторский текст: «в то время это было довольно легко».

⁹⁰ Далее следует зачеркнутый авторский текст: «от ул. Халтурина».

⁹¹ *Срезневский Всеволод Измайлович* (1869—1936) — филолог, специалист в области рукописной книги, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1906), сын крупного ученого филолога И. И. Срезневского (1812—1880). См. о Толстовском музее в кн.: Толстовский музей в С.-Петербурге. Описание музея / Составили В. И. Срезневский и В. Н. Тукалевский. СПб., 1912. А также: *Мастеница Е. Н.* Забытые страницы истории петербургских музеев. Толстовский музей в Петербурге — Петрограде — Ленинграде // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Исследования и материалы. СПб., 1997. Вып. 2. С. 187—198.

⁹² Музей был открыт 11 ноября 1911 г. на 1-й линии Васильевского острова д. 24, затем получил помещение по адресу: Васильевский остров, 2-я линия (угол Большого проспекта), д. 13/6.

⁹³ Н. В. Измайлов имеет в виду братьев Пейсоха Яковлевича и Генеха Яковлевича Канторов. В архиве Толстовского музея сохранилось письмо к В. И. Срезневскому Г. Я. Кантора, в котором последний сообщает о случайной и трагической смерти брата Пейсоха (попал под паровоз) 25 апреля 1915 г. и, в частности, пишет: «Что сказать о покойном? Я думаю, Вы хорошо знали его и поймете, какая тяжелая утрата это для нас» (РО ИРЛИ, ф. 302, оп. 4, № 261, л. 9).

⁹⁴ Командующим Балтийским флотом в 1922—1924 гг. был *Викторов Михаил Владимирович* (1893—1938) — советский военачальник, флагман флота 1-го ранга.

⁹⁵ «Затея втиснуть Пушкинский Дом в эти далеко не живописные развалины, — вспоминал М. Д. Беляев, — безусловно, была одной из самых неудачных идей Бориса Львовича» (РО ИРЛИ, р. 1, оп. 2, № 394, л. 38).

⁹⁶ *Филиппов Иван Трофимович* (1878—?) — младший служащий Пушкинского Дома (с 1921), вахтер (с 1923), а затем, после переезда Пушкинского Дома в здание бывшей таможни на Тучковой набережной, остался в д. 1 на Тифлисской ул. и служил швейцаром (с 1930 по 1933). Окончил в 1919 г. курсы счетоводов Отдела социального обеспечения и подотдела помощи военно-увечным Кирсановского уездного совета рабочих и крестьянских депутатов Тамбовской губернии (ААН, ф. 4, оп. 4,

№ 2583). См. о Филиппове и о его доносе на Модзалевского в преамбуле к данной публикации.

⁹⁷ *Карптийский Александр Петрович* (26.12.1846 (07.01.1847)—1936) — геолог. В 1886 г. избран адъюнктом Петербургской Академии наук, в 1889 экстраординарным и в 1896 — ординарным академиком. С 1916 г. исполнял обязанности вице-президента, а с 15 мая 1917 г. — первый выборный президент.

⁹⁸ В постраничном примечании Н. В. Измайлов не точен в датах. В 1841 г. Российская Академия была преобразована во 2-е Отделение Академии наук, затем в Отделение русского языка и словесности. А. С. Шишков умер в 1841 г. (см. о нем прим. 18). А. С. Пушкин был представлен к избранию в действительные члены Российской Академии на заседании 3 декабря 1832 г. и единогласно избран всеми присутствовавшими. Окончательное утверждение Пушкина состоялось 7 января 1833 г., когда были получены голоса (письменные заявления) тех, кто отсутствовал на заседании 3 декабря 1832 г.

⁹⁹ «Бессрочная и безденежная командировка», как ее называл Котляревский (так как денежных субсидий он на нее не просил), была разрешена Главнаукой в апреле 1922 г. и затянута до мая 1924 г. Командируя Котляревского за границу, Академия наук руководствовалась заботами об Онегинском музее и вопросами возобновления научных связей с Болгарией и Чехо-Словенской (Чехословацкой) республикой. Своеобразный отчет о командировке Котляревский прислал в письме в Академию наук от 28 ноября 1923 г. «В ноябре 1922 года, — писал Котляревский, — я был командирован за границу для переговоров с А. Ф. Онегиным по поводу хранящихся у него бумаг Пушкина. Месяца за два до меня с тою же целью был командирован Академией М. Л. Гофман. Из Берлина я проехал по своим личным делам в Софию и здесь, при свидании с Гофманом, который проезжал из Парижа в Константинополь, я узнал, что все задание, которое Гофман имел выполнить в Париже, им выполнено, и что Онегин считает, что все переговоры с ним по поводу рукописей Пушкина закончены и все работы, которые Гофман должен был произвести в Музее Онегина, им исполнены. Ехать в Париж мне не было никакой надобности, тем более, что и денег на такую поездку у меня не имелось. Я решил остаться в Софии, где условия жизни для меня сложились весьма благоприятно, и где я мог начать работу над одним трудом по истории русской литературы, над которым работал еще в Петрограде. Я рассчитывал кончить ее к лету и возвратиться к сентябрю 1923 года в Россию. Здоровье мое потребовало лечения на водах и я четыре месяца с мая по октябрь пробыл в курорте... <...> Теперь я прошу дать мне отсрочку еще на несколько месяцев до мая или июня 1924 года, когда я рассчитываю все дела мои здесь закончить...» (ААН, ф. 2, оп. 17, № 117, л. 45).

¹⁰⁰ Брак Пушкиревой-Котляревской (во втором браке Пехливановой; у Измайлова — Пехлевановой) Верой Васильевной (1879— ум. до 1957) и Н. А. Котляревского был расторгнут 21 марта (3 апреля) 1924 г. (См.: Свидетельство Епархиального Совета при Управлении Русскими Православными общинами в Болгарии. РО ИРЛИ, ф. 135, № 102).

¹⁰¹ См. о нем прим. 96, а также в преамбуле данной публикации.

¹⁰² *Орлеанский Николай Михайлович* (1871—?) — сын священника, окончил Санкт-Петербургскую духовную академию в 1896 г. со степенью кандидата богословия; служил в канцелярии Министерства земледелия и государственных имуществ, затем секретарем в редакциях журнала «Военный сборник» и газеты «Русский инвалид», делопроизводителем в канцелярии Военного министерства, Городской управы и др. В 1919 г. был назначен помощником библиотекаря в Библиотеку Академии наук, а с 1920 г. переведен в Пушкинский Дом сначала корреспондентом, а затем научным сотрудником II разряда. В эти же годы служил в Государственной капелле. После «чистки» академического аппарата в августе 1929 г. переведен на должность технического сотрудника. Уволен 7 сентября 1932 г. в соответствии с его заявлением вследствие «полного упадка сил и здоровья» (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1676).

¹⁰³ В письме к М. О. Гершензону 18 января 1924 г. Модзалевский писал: «О моем аресте не распространяйте: мне это больно и тяжело; а если Вам будет о нем говорить, скажите, что все дело в доносе, явно в злостном, и что дело, Бог даст, не получит дальнейшего движения, как явно вздорное». См.: Переписка Б. Л. Модзалевского с М. О. Гершензоном / Публ. Е. Ю. Литвин // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год: Научные материалы к биографии Б. Л. Модзалевского. СПб., 2001. С. 352—353. Об аресте Модзалевского см. также в преамбуле настоящей публикации.

¹⁰⁴ *Истрин Василий Михайлович* (1865—1937) — историк литературы, академик Петербургской Академии наук (1907).

¹⁰⁵ *Князев Георгий Алексеевич* (1887—1969) — директор Архива Академии наук СССР (1929—1963).

¹⁰⁶ *Никольский Николай Константинович* (1863—1936) — историк литературы, академик (с 1916), собиратель документов по истории Кирилло-Белозерского монастыря.

¹⁰⁷ *Карский Емфимий Федорович* (1860 (01.01.1861)—1931) — филолог-славист, академик Петербургской Академии наук (1916), профессор Варшавского (с 1894) и Петербургского (с 1917) университетов.

¹⁰⁸ *Сперанский Михаил Нестерович* (1863—1938) — историк литературы, академик (1921).

¹⁰⁹ *Перетц Владимир Николаевич* (1870—1935) — историк русской литературы, внук декабриста Г. А. Перетца, профессор Киевского университета Св. Владимира (с 1903), Санкт-Петербургского университета (с 1914), академик Петербургской Академии наук (с 1914) и Украинской Академии наук (с 1919).

¹¹⁰ *Перетц Лев Николаевич* (1871—?) — исследователь истории украинской литературы, автор статей по экономическим и торговым вопросам. Родной брат В. Н. Перетца, вместе с которым подготовил книгу о деду: *Перетц В. Н., Перетц Л. Н. Декабрист Г. А. Перетц*. Л., 1926. Окончил юридический факультет Петербургского университета в 1895 г. Служил в Министерстве торговли и промышленности в качестве столоначальника (1895—1918), был заведующим Бюро печати и общих дел Главного управления водного транспорта, юрисконсультотом отдела портостроения Главного комитета государственных сооружений. Был постоянным сотрудником энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона и Русского биографического словаря. Печатался в журналах и газетах: «Библиограф», «Вестник финансов, промышленности и торговли», «Вестник Красного Креста», «Финансовое обозрение», «Слово», «Северный курьер», «Наша жизнь», «Русский инвалид» и др. В Пушкинском Доме работал в 1921—1924 гг. С 1924 по 1929 г. работал в Библиотеке Академии наук библиотекарем и помощником Ученого секретаря. После «чистки» в августе 1929 г. был уволен с запрещением работать в учреждениях Академии наук (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1080).

¹¹¹ *Стеклов Владимир Андреевич* (28.12.1863 (09.01.1864)—1926) — выдающийся математик, академик Петербургской Академии наук (1912), вице-президент Российской Академии наук — Академии наук СССР (1919—1926). Свое отношение к гуманитарным наукам и, в частности, ко II отделению Академии наук Стеклов выражал в резко полемической форме. Он писал:

«Давно уже имею мысль об уничтожении ненужного и отнюдь не научного II отделения (отдел русского языка и словесности). Здесь почти нет науки, а одна беллетристика и часто белибердистика! <...> Время ли теперь собирать старые башмаки, обрывки эпюлет, перстни, поломанные ручки, лоскуточки бумаги и т. д., в которых когда-то ходили, которые носили, которые писали, хотя бы и великие поэты и художники вроде самого Пушкина и Гоголя! Время ли портить бумагу и тратить деньги и труд на изыскания того, в каких штанах ходил Дантес, у какого портного заказывал себе сюртуки, где покупал подштаники и за какую цену, хотя бы и сам Толстой?!

Может быть, все это и интересно с известной точки зрения и полезно, но это роскошь, во всяком случае, возможная, когда от избытка средств, за выполнением всего первосущественного захочется отдохнуть головой и телом и поразвлечься.

А подобными вещами преимущественно занимается II отделение». Цит. по: *Стеклов В. А.* Переписка с отечественными математиками. Воспоминания. Л., 1991. С. 298 (Научное наследство; Т. 17).

¹¹² *Платонов Сергей Федорович* (1860—1933) — историк, академик Российской Академии наук (1920), председатель Археографической комиссии (1918—1929), директор Библиотеки Академии наук (1925—1929; с перерывом) и Пушкинского Дома (1925—1929). (О временном исполнении обязанностей директора Пушкинского Дома в 1924 г. см. прим. 113, 114.) С. Ф. Платонов — специалист в области русской истории 2-й половины XVI—начала XVII вв.

¹¹³ С. Ф. Платонов согласился взять на себя исполнение обязанностей директора Пушкинского Дома с 29 января 1924 г. (см.: Выписка из протокола заседания отделения русского языка и словесности от 29 января 1924 г.: ААН, ф. 4, оп. 4, № 1711, л. 22—22 об.).

¹¹⁴ 1 мая 1924 г. Котляревский выехал из Софии в Россию через Берлин. См. об этом в письме В.Пушкаревой к С. Ф. Ольденбургу от 1 мая 1924 г. (ААН, ф. 2, оп. 17, № 117, л. 49—50). В Петербург Котляревский прибыл 10 июня 1924 г. и приступил к исполнению обязанностей директора. См. его докладную записку от 17 августа 1924 г. (ААН, ф. 4, оп. 4, № 302, л. 114).

¹¹⁵ *Толмачева-Карпинская Евгения Александровна* (1874—1962) — геолог, дочь и помощник академика А. П. Карпинского.

¹¹⁶ *Молас Борис Николаевич* (1877—?) — юрист, искусствовед. Происходил из семьи с художественными наклонностями: мать — певица Молас (урожд. Пургольд) Анна Николаевна (1845—1929), отец Николай Павлович Молас (1843—1917) — художник-любитель, заведующий типографией Императорских театров. До революции Б. Н. Молас — чиновник особых поручений при Госконтроле, после — ученый секретарь Отдела по делам музеев Главнауки Народного комитета по просвещению и помощник заведующего музеями. С 1923 г. работал управляющим делами Конференции; после переименования Управления делами Конференции в Секретариат с 1 июля 1924 г. в должности заведующего Секретариатом. Во время «чистки» снят с работы по I категории на основании заседания Комиссии по проверке аппарата АН СССР от 3 декабря 1929 г. Арестован не позднее 2 января 1930 г. (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1046).

¹¹⁷ *Цявловский Мстислав Александрович* (1883—1947) — известный пушкинист и литературовед.

¹¹⁸ *Новиков Иван Алексеевич* (1877—1959) — поэт, прозаик, драматург. Автор романов «Пушкин в Михайловском» (М., 1936), «Пушкин на юге» (М., 1944), «Пушкин в изгнании» (М.; Л., 1947) и др.

¹¹⁹ *Гроссман Леонид Петрович* (1888—1965) — литературовед, автор книг о Достоевском, Сухово-Кобылине, Пушкине, Лескове, Бальзаке.

¹²⁰ *Шшиков Вячеслав Яковлевич* (1873—1945) — прозаик.

¹²¹ *Никифоровский Василий Митрофанович* (1891—1942) — педагог, краевед, первый директор Пушкинского заповедника. По образованию филолог, окончил Санкт-Петербургский университет. Работал директором школы II ступени в Святых горах и стоял у истоков зарождения будущего музея-заповедника: был председателем местной комиссии по охране «Пушкинского уголка», созданной по Постановлению Исполкома РКД 1 октября 1921 г. (*Бурченкова Р. В.* Из истории Пушкинского заповедника 1920-х годов // Михайловская пушкиниана. М., 1999. Вып. 2. С. 29). С марта 1922 г. пушкинские места приобрели статус Государственного заповедника, и Никифоровский стал его первым директором.

¹²² Имеется в виду Наталья Сергеевна (урожд. Платонова; 1894—1942) — первая жена Измайлова.

¹²³ *Измайлов Н. В.* Пушкин. Очерк жизни и творчества. Л., 1924.

¹²⁴ *Томашевский Б. В.* Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925.

¹²⁵ Имеется в виду *Измайлова Наталья Васильевна* (1890—1942); работала в Эрмитаже, библиотекарем Ленинградской государственной консерватории, Государственной публичной библиотеки. Другая родная сестра Н. В. Измайлова — *Анна Васильевна Измайлова* (1892—1981) — была агрономом, жила и работала в пос. Шокино Смоленской области.

¹²⁶ *Нерадовский Петр Иванович* (1875—1962; по др. сведениям 1963) — искусствовед, художник, сотрудник и заведующий художественным отделом Русского музея (1912—1929), один из членов-учредителей «Нового общества художников» в Петербурге (1903—1917).

¹²⁷ В данном месте пропуск в тексте; количество пронумерованных экземпляров установить не удалось.

¹²⁸ Общество «Старый Петербург — Новый Ленинград» (1921—1938) было основано как общество изучения, популяризации и охраны Старого Петербурга и его окрестностей, восстановления памятников искусства и истории. О структуре, составе и деятельности общества см. в статье: *Конечный А. М.* «Общество Старый Петербург — Новый Ленинград». 1921—1938. По материалам Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина // Музей: Художественные собрания СССР. М., 1987. Вып. 7. С. 249—252.

¹²⁹ *Платонов Александр Анисимович*, художник-архитектор, в соавторстве с М. Д. Беляевым написал книгу: *Беляев М. Д., Платонов А. А.* Последняя квартира Пушкина в ее прошлом и настоящем. 1837—1927. Л., 1927.

¹³⁰ *Яцевич Андрей Григорьевич* (1887—1942) — краевед, пушкинист, историк Петербурга, активный член и секретарь общества «Старый Петербург—Новый Ленинград».

¹³¹ Здесь и ниже Измайлов цитирует речь Н. А. Котляревского: Речь Н. А. Котляревского на собрании на квартире Пушкина 10 февраля 1925 г. // Памяти Нестора Александровича Котляревского. 1863—1925. Л., 1926. С. 31—34.

¹³² Цитируется неточно. Ср.: «В сороковых годах, в звании камергера (так как нельзя же всю жизнь оставаться камер-юнкером), со звездой Анны 1-й степени, — а он, как наследник Карамзина и Жуковского, поэт при дворе, по их примеру был бы этой звездой украшен, — он, прославленный на всю Россию художник, эмблема, так сказать, всей Русской словесности, должен был бы лечь между молотом все более и более недоверчивой и суровой власти и наковальной созревающего общественного мнения, дающего все больший и больший отпор ложившимся на него ударам» (Речь Н. А. Котляревского на собрании в квартире Пушкина 10 февраля 1925 г. С. 32—33).

¹³³ Имеется в виду Крымская война 1853—1856 гг., первоначально русско-турецкая за господство на Ближнем Востоке; закончилась поражением России (Парижский мир 1856 г.).

¹³⁴ Реформа 1861 г. — крестьянская реформа, отменившая крепостное право в России.

¹³⁵ Воспоминаниями о первом, «дискуссионном» заседании на Пушкинской квартире Измайлов поделился на Пушкинской конференции, посвященной 50-летию Музея-квартиры А. С. Пушкина (см.: *Никитин В.* Пушкин, его биография и личность: новые проблемы // Вопросы литературы. 1976. № 3. С. 302—303).

¹³⁶ В письме к С. Ф. Ольденбургу от 1 мая 1924 г. В. Пушкирева сообщала о здоровье Н. А. Котляревского, сетуя на то, что Академия настаивает на его возвращении в Ленинград: «Надеюсь, что Вы найдете его отдохнувшим и поздоровевшим, но не скрою от Вас, что доктора *сильно* настаивали, чтобы и следующая зима была проведена им на юге. В интересах его здоровья я старалась настоять на исполнении докторских требований, но решение Конференции принудило его ими пренебречь.

Все же душевно благодарю Вас за все, что Вы сделали для продления его отпуска и тем, конечно, продлили и его жизнь» (см.: ААН, ф. 2, оп. 17, № 117, л. 49—49 об.).

¹³⁷ В. А. Стеклов — племянник Н. А. Добролюбова по материнской линии: мать Стеклова Екатерина Александровна — родная сестра Н. А. Добролюбова. В. А., Н. А., И. А. Добролюбовы и В. А. Стеклов похоронены на Литераторских мостках Волковского кладбища в Петербурге. См.: Исторические кладбища Петербурга. Справочник-путеводитель. СПб., 1993. С. 336, 346.

¹³⁸ В августе 1925 г. Платонов становится директором Пушкинского Дома. См.: ААН, ф. 4, оп. 4, № 1711, л. 30 (выписка из журнала заседаний Правления АН СССР от 11 августа 1925 г. № 58).

¹³⁹ *Сакулин Павел Никитич* (1868—1930) — историк и теоретик литературы, профессор Московского университета (с 1918), академик Академии наук СССР (1929). С 27 декабря 1929 г. до смерти — директор Пушкинского Дома (см. об этом в преамбуле).

¹⁴⁰ Памяти декабристов. Сб. материалов. Л., 1926. Т. 1—3.

¹⁴¹ Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832. Л., 1927 (Труды Пушкинского Дома; Вып. 48).

¹⁴² *Платонова С. Ф.* Далекое прошлое Пушкинского уголка. Исторический очерк. Л., 1927 (Труды Пушкинского Дома АН СССР).

¹⁴³ Имеется в виду: Пушкинский Дом при Российской Академии наук. Исторический очерк и путеводитель. Л., 1924.

¹⁴⁴ *Калинин Михаил Иванович* (1875—1946) — революционный и государственный деятель.

¹⁴⁵ *Зишовьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич* (1883—1936) — революционный и государственный деятель.

¹⁴⁶ *Луначарский Анатолий Васильевич* (1875—1933) — революционный и государственный деятель, искусствовед, литературный критик, публицист, академик Академии наук СССР (1930); первый нарком просвещения РСФСР (1917—1929). В 1931—1933 гг. был директором Пушкинского Дома. См. об этом: *Ровда К. И.* Луначарский — директор Пушкинского Дома // Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография / Отв. ред. В. Н. Баскаков. Л., 1982. С. 53—70.

¹⁴⁷ В июле 1925 г. Российская Академия наук переименована в Академию наук СССР, выведена из ведения Наркомпроса РСФСР и подчинена непосредственно

Совнаркому СССР. Постановлением ЦИК и СНК СССР АН была признана в 1925 г. «...высшим Всесоюзным ученым учреждением».

¹⁴⁸ *Козмин Николай Кирович* (1873—1942) — историк литературы. Родился в Казани, окончил в 1896 г. историко-филологический факультет Петербургского университета. Преподавал историю литературы в Коломенской женской гимназии (с 1898 г.), был членом Комиссии по изданию сочинений А. С. Пушкина (избран в 1909 г.). В Пушкинский Дом поступил в 1919 г. научным сотрудником I разряда, с октября 1929 г. ученый хранитель. 2 февраля 1925 г. избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. В ноябре 1929 г. временно исполнял обязанности заведующего музейным отделением, а в сентябре 1930 принял временное директорство. С 16 ноября 1930 г. — старший ученый хранитель Пушкинского Дома.

¹⁴⁹ *Халтурин Дмитрий Николаевич* (1873—?) — управляющий делами Академии наук. Окончил в 1899 г. юридический факультет Петербургского университета. До революции служил в Лесном департаменте. В Академии наук служил с 1921 г. в должности секретаря правления, а с 1923 г. управляющим делами правления АН. Во время «чистки» в августе 1929 г. подал заявление об уходе и после передачи дел в ноябре 1929 г. был уволен (ААН, ф. 4, оп. 4, № 5846).

¹⁵⁰ *Байковский Владимир Александрович* (1878 или 1879—?) — заведующий хозяйственным отделом Академии наук. Окончил I-й Московский кадетский корпус и Николаевское инженерное училище. До революции служил в Главном инженерном управлении делопроизводителем и начальником административно-хозяйственного отдела. В Академии наук работал с 1922 г. Во время первой волны «чистки» подал прошение об увольнении и с 22 августа 1929 г. был уволен, а 13 сентября того же года арестован по «академическому делу» (ААН, ф. 4, оп. 4, № 849).

¹⁵¹ *Молас Михаил Павлович* (1852—1904) — контр-адмирал, начальник штаба командующего флотом Тихого океана.

¹⁵² *Макаров Степан Осипович* (1848—1904) — выдающийся деятель русского флота, океанограф, вице-адмирал; руководил двумя кругосветными плаваниями. В начале русско-японской войны командовал Тихоокеанской эскадрой в Порт-Артуре, погиб на броненосце «Петропавловск».

¹⁵³ *Андреев Николай Борисович* (1899—?) — ученый секретарь издательства Академии наук. В Академии наук служил с 1922 по 1929 г. Во время второй волны «чистки» снят с должности 12 ноября 1929 г. (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1242).

¹⁵⁴ *Сабатина Елена Владимировна* (1883—?) — машинистка-стенографистка со знанием иностранной машинописи и заведующая делопроизводством секретариата Академии наук. Работала в Академии наук с 1927 по 1931 г. (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1747).

¹⁵⁵ *Хоргогейм (в замужестве — Молас) Ольга Владимировна* (1899—?) — сотрудница канцелярии Конференции Академии наук; с 1918 г. делопроизводитель и помощник Управляющего делами, а с 1927 г. заведующая делопроизводством в Комиссии экспедиционных исследований. Во время академической «чистки» уволена 15 ноября 1929 г. (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1047).

¹⁵⁶ *Распутин (Распутин-Новый) Григорий Ефимович* (1869 (по переписи 1897 г. его возраст определен в 28 лет)—1916) — сибирский крестьянин, уроженец села Покровское Тюменского уезда Тобольской губернии, фаворит императрицы Александры Федоровны. Обладал незаурядными психотерапевтическими способностями, оказывал неоднократную помощь больному гемофилией цесаревичу Алексею Николаевичу, чем вызвал особое доверие и почитание императрицы. См. о Распутине и царской семье в кн.: *Боханов А. Н.* Император Николай II. М., 1998.

¹⁵⁷ *Юсупов Феликс Феликсович (младший) князь, граф Сумароков-Эльстон* (1887—1967) — российский аристократ, монархист. Один из организаторов и участников убийства Г. Распутина, осуществленного им вместе с вел. кн. Дмитрием Павловичем и В. М. Пуришкевичем в «родовом гнезде» Юсуповых на Мойке.

¹⁵⁸ *Хитрово (в первом браке Тизенгаузен) Елизавета Михайловна* (1783—1839) — дочь М. И. Кутузова, страстная поклонница А. С. Пушкина.

¹⁵⁹ *Тизенгаузен Екатерина Федоровна*, графиня (ок. 1803—1888) — камер-фрейлина императрицы Александры Федоровны, дочь Е. М. Хитрово.

¹⁶⁰ *Александра Федоровна*, императрица (1798—1860) — жена императора Николая I.

¹⁶¹ *Кристи Михаил Петрович* (1875—1956) — уполномоченный Наркомпроса (1918—1926) и заведующий высшими учебными заведениями Петрограда (с 1921); позднее директор Третьяковской галереи. Личный друг А. В. Луначарского.

¹⁶² *Вяземский Петр Андреевич* (1792—1878) — поэт, критик, мемуарист, друг А. С. Пушкина.

¹⁶³ *Жуковский Василий Андреевич* (1783—1852) — поэт, переводчик, критик.

¹⁶⁴ *Юсупова Зинаида Николаевна* (1861—1939) — княгиня, последняя представительница старого и богатейшего аристократического рода. В 1882 г. она вышла замуж за графа Феликса Феликсовича Сумарокова-Эльстона (1856—1928). В 1891 г., когда со смертью Николая Борисовича Юсупова прекратился по мужской линии род Юсуповых, Александр III разрешил мужу, жене и их потомству именоваться князьями Юсуповыми и графами Сумароковыми-Эльстон.

¹⁶⁵ См.: *Модзалевский Б. Л.* «Послание к вельможе» А. С. Пушкина // *Художественные сокровища России*. 1907. Вып. 6. С. XXII—XXVI.

¹⁶⁶ *Модзалевский Б. Л.* Пушкин. Дневник 1833—35. М.; Пг., 1923.

¹⁶⁷ *Сюштерберг (псевд. Константин Эрберг) Константин Александрович* (1871—1942) — теоретик искусства, критик, поэт. Его сын — Платон Константинович (1904—?) был студентом факультета общественных наук этнолого-лингвистического отделения Петроградского университета (не окончил), в 1920-е гг. — сотрудник музея ВЧК—ГПУ в Ленинграде.

¹⁶⁸ *Осиповы (урожд. Вындомская, в первом браке Вульф) Прасковья Александровна* (1781—1859) — помещица с. Тригорского, соседка Пушкина по Михайловскому.

¹⁶⁹ В первой части своего пояснения Н. В. Измайлов указывает шифры, под которыми письма А. С. Пушкина к П. А. Осиповой хранятся в Пушкинском Доме (РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 495, 554), а затем — номера, под которыми эти письма опубликованы. См.: *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в 17-ти томах. М.; Л., 1935—1959. Т. 14. С. 7 (№ 369). Письмо А. С. Пушкина к П. А. Осиповой. Около (не позднее) 10 марта (?) 1828 г.; Там же. С. 184 (№ 622. Письмо А. С. Пушкина к П. А. Осиповой от 29 июня 1831 г.).

¹⁷⁰ О сорре Модзалевского с Лернером писал в своих воспоминаниях М. Д. Беляев:

«При публикации „Неизданного Пушкина“ разыгрался между прочим следующий характерный инцидент.

В примечаниях к одной из отредактированных им для этой книги рукописей Пушкина Борис Львович упомянул о том, что она уже была ранее опубликована Николаем Осиповичем Лернером, причем весьма недвусмысленно намекнул на не вполне легальное получение прежним публикатором фотографического снимка с Пушкинского текста. Я отговаривал его от этой приписки, но он настаивал на своем.

Вскоре после выхода нашей книги я зашел как-то к Владиславу Фелициановичу Ходасевичу, который сказал мне: „Ну-с, скоро будем судить Вашего Модзалевского“. Оказалось, что обидевшийся Н. О. Лернер выбрал его и еще кого-то третьескими судьями для рассмотрения этого дела.

Модзалевский, не имея никаких доказательств для подтверждения своей правоты, хотя и будучи убежден в ней, от суда уклонился и принужден был опубликовать какое-то полудовинительное, полуобъяснительное письмо». См.: *Беляев М. Д.* Пушкинский Дом и его первые обитатели (РО ИРЛИ, р. 1, оп. 2, № 394, л. 35—36).

¹⁷¹ *Лернер Н. О.* Труды и дни Пушкина. СПб., 1910.

¹⁷² *Кшесинская Матильда (Мария) Феликсовна* (1872—1971) — русская балерина, артистка Мариинского театра (1890—1917), педагог. В 1920 г. эмигрировала за границу, с 1921 г. морганатическая жена вел. кн. Андрея Владимировича. С 1957 г. в особняке Кшесинской располагался Музей Октябрьской революции, с 1991 г. — Музей политической истории России.

¹⁷³ Журнал «Былое» выходил с 1900 по 1926 г. с перерывами в Лондоне, Петербурге, Париже, Петрограде и Ленинграде. Подробнее о его редакторах В. Л. Бурцево, В. Я. Яковлеве (Богучарском), П. Е. Щеголеве (редактировал журнал в 1906—1907 гг. и с 1917 по 1926 г.) см. в кн.: *Лурье Ф. М.* Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л., 1990.

¹⁷⁴ Имеется в виду работа: *Щеголев П. Е.* Из разысканий в области биографии и текста Пушкина // Пушкин и его современники. СПб., 1911. Вып. 14. С. 53—193. В этом же месте имеется зачеркнутый авторский текст: «О значении этой и других его работ мне пришлось говорить в коллективной книге „Пушкин. Итоги и проблемы изучения“, 1966».

¹⁷⁵ *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. 3-е изд. М.; Л., 1928.

¹⁷⁶ Князь императорской крови *Олег Константинович* (1892—1914) — сын вел. кн. Константина Константиновича. Во время 1-й мировой войны, находясь на фрон-

те в составе 3-го армейского корпуса, князь был смертельно ранен 27 сентября и скончался в госпитале в Вильне 29 сентября 1914 г. По воспоминаниям очевидцев вел кн. Гавриил Константинович записал обстоятельства, при которых был ранен князь Олег: «27 сентября после полудня 2-ая Гвардейская кавалерийская дивизия, имея в авангарде два эскадрона Гусарского полка, наступала в направлении Владиславова. Проходя недалеко от деревни Пильвишки, боковая застава заметила неприятельский разезд и начала его обстреливать. Немцы шархнулись в сторону и наскочили на четвертый эскадрон Гусарского полка, шедший в голове колонны главных сил. Тотчас же был открыт огонь. Разезд повернул опять, но встретил заставу его величества эскадрона под командой корнета Безобразова. Как раз в этот момент князь Олег, давно стремившийся в дело, стал протиснуться у эскадронного командира, графа Игнатьева, чтобы ему позволили с его взводом захватить зарвавшихся немцев. Эскадронный командир долго не соглашался его отпустить, но, наконец, уступил. Все остальное произошло очень быстро. Преследуя отступающий неприятельский разезд, князь Олег вынесся далеко вперед на своей кровной кобыле Диане. Вот они настигают отстреливающего противника... Пятеро немцев валится, прочие сдуются; но в это время в князя Олега целится с земли раненый всадник... Выстрел, и князь Олег валится с лошади...». См.: *Гавриил Константинович, вел. кн.* В Мраморном дворце: Из хроники нашей семьи. СПб.: Изд-во «Logos»; Дюссельдорф: «Голубой всадник», 1993. С. 184.

¹⁷⁷ Щеголев П. Князь Олег Константинович [Некролог] // Пушкин и его современники. СПб., 1914. Вып. 19—20. С. I—VI.

¹⁷⁸ *Тарле Евгений Викторович* (1875—1955) — историк Западной Европы и России XVI—XX вв., академик Академии наук СССР (1927).

¹⁷⁹ Щеголев П. Е. Пушкин и мужики: По неизданным материалам. М., 1928.

¹⁸⁰ *Вырубова (урожд. Танеева) Анна Александровна* (1884—1964) — личный друг императрицы Александры Федоровны; дочь Александра Сергеевича Танеева, музыканта, статс-секретаря и главноуправляющего Собственной Его Величества канцелярией. Весной 1917 г. была арестована Верховной чрезвычайной следственной комиссией по обвинению в содействии политическому влиянию Распутина на ход государственных дел и была помещена в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. После многочисленных допросов была освобождена. В течение 1917—1919 гг. трижды была арестована и находилась в тюрьмах в Свеаборге и Петрограде. В конце 1920 г. вынуждена была эмигрировать в Финляндию. Окончила свои дни в монастыре. (См. ее мемуары: Неопубликованные воспоминания А. А. Вырубовой // Новый журнал. Нью-Йорк, 1978. Кн. 130. С. 101—149; Кн. 131. С. 145—194.) «Дневник» А. А. Вырубовой, о котором пишет Измайлов, был профессионально выполненной фальсификацией, в которой участвовали, по одной версии — А. Н. Толстой (литературная часть) и П. Е. Щеголев («историческая»), а по другой — журналист З. С. Давыдов (1892—1957) и О. Брошниковская, непосредственные публикаторы подделки в журнале «Минувшие дни» (Дневник А. А. Вырубовой / Под редакцией, с предисловием и примечаниями О. Брошниковской и Зин. Давыдова // Минувшие дни. 1927. № 1; 1928. № 2—4). Ср.: *Берков П. Н.* О людях и книгах. М., 1965. С. 142; *Рейсер С. А.* Основы текстологии. Л., 1978. С. 107. По мнению Ф. М. Лурье, достоверных доказательств, подтверждающих участие Щеголева в сенсационной фальшивке, не обнаружено. См.: *Лурье Ф. М.* Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л., 1990. С. 157—158.

¹⁸¹ Историческую часть пьесы «Заговор императрицы» готовил Щеголев, а художественную — Ал. Толстой. Характерно, что даже литературоведение советского периода с его тенденциозной направленностью не могло не признать, что «наибольшее сомнения вызывает сам факт существования заговора императрицы». См. об этом: *Бороздина П. А.* «Заговор императрицы» А. Толстого и П. Щеголева (К вопросу о документальной основе произведения) // Художественно-документальные жанры (Вопросы теории и истории). Тезисы докладов на межвузовской конференции. Иваново, 1970. С. 63—65.

¹⁸² *Монахов Николай Федорович* (1875—1936) — русский актер, начал артистическую деятельность с 1895 г.; после 1919 — ведущий актер Большого драматического театра.

¹⁸³ *Каверин Веталин Александрович* (1902—1989) — прозаик; видимо, имеется в виду эпизод 6-й главы романа «Скандалист, или вечера на Васильевском острове», в которой журналист В. Некрылов сталкивается с литератором Н. Путятинным у подъезда издательства: «Путятин был толст, небрежен. Легкость, с которой он жил

и работал, была предметом зависти осторожных литераторов нового поколения. Это была легкость толстяка и писателя, не испугавшегося своих ошибок. Русскую литературу он считал завещанной себе, и старинная фамилия, которую он носил, поддерживала в нем это убеждение». Цит. по: *Каверин В. А.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1963. Т. 1. С. 350—351.

¹⁸⁴ Храм Василия Блаженного — распространенное в московском обиходе наименование Покровского собора; расположен на южной стороне Красной площади перед Кремлем.

¹⁸⁵ *Вересаев (наст. фам. Смидович) Викентий Викентьевич* (1867—1945) — прозаик, литературовед, поэт-переводчик.

¹⁸⁶ *Рисапов Николай Кирилович* (Кириякович; 1878—1969) — литературовед, библиограф, профессор Саратовского (с 1917), Московского (с 1921), Ленинградского (с 1933) университетов, член-корреспондент Академии наук СССР (1931). Библиографию ученого см.: Николай Кириякович Рисапов. М., 1968.

¹⁸⁷ *Жирмунский Виктор Максимович* (1891—1971) — литературовед, языковед, историк русской и западноевропейской литературы, профессор Ленинградского университета (с 1919), академик Академии наук СССР (1966), член-корреспондент Германской Академии наук в Берлине (1956), Британской Академии наук (1962), Датской Академии наук (1967), Баварской Академии наук (1970). В Пушкинском Доме работал с 1 октября 1935 г. на должности старшего ученого специалиста с исполнением обязанностей заведующего Отделом западноевропейских литератур (Западный отдел). Во время эвакуации (1941—осень 1944) жил и работал в Ташкенте. С 1 декабря 1950 г. переведен в Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра.

¹⁸⁸ *Оксман Юлиан Григорьевич* (1895—1970) — историк русской литературы, пушкинист, археограф, коллекционер. В Пушкинский Дом был принят 1 ноября 1931 г., а 5 января 1932 г. был уволен (по собственному желанию); в 1933 г. вновь поступил в Пушкинский Дом и работал до ареста в 1936 г. Об аресте Оксмана, его творческом и жизненном пути см. подробнее в кн.: *Азадовский М. К., Оксман Ю. Г.* Переписка. 1944—1954 / Сост., вступ. статья, коммент. К. М. Азадовского. М., 1998.

¹⁸⁹ «Националь» — гостиница в Москве (Тверская ул., 1), памятник архитектуры; построена в 1903 г. архитектором А. И. Ивановым.

¹⁹⁰ *Гершензон Михаил Осипович* (1869—1925) — историк русской литературы, пушкинист, публицист, переводчик; автор книги: *Мудрость Пушкина*. М., 1919.

¹⁹¹ После анонса книги М. Гершензона в обзоре «Новинки „Пушкинианы“» Д. Лутохин заметил: «Страницы 5—6, содержащие, судя по оглавлению, статью „Скрижаль Пушкина“, вырезаны. Она, однако, полностью перепечатана в специальной рецензии П. Е. Щеголева во 2-е „Книги и революции“. Вряд ли удобно, тем не менее, разбирать статью, волею автора изъятую из обращения. Отметим только, что в ней Пушкину приписано произведение В. А. Жуковского, вошедшее даже в собрание его сочинений. Досадная ошибка, но на всякую старуху бывает проруха» (см.: *Лутохин Д.* Новинки «Пушкинианы» // *Вестник литературы*. 1920. № 10 (22). С. 5). М. Гершензон ошибся, приписав Пушкину текст рассуждения о прекрасном В. А. Жуковского с цитатой из восьмой строфы стихотворения «Лалла Рук». Ср.: *Жуковский В. А.* Собр. соч. / Под ред. П. А. Ефремова. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 2. С. 327; *Модзалевский Б. Л.* Из альбомной старины // *Русский библиофил*. 1916. № 6. С. 66—83. По мнению П. Е. Щеголева, имея под рукой пушкинский список, Гершензон должен был догадаться, что по стилю и по содержанию он напоминает Жуковского, сверить его с текстом собрания сочинений Жуковского и текстом альбома Е. Н. Мещерской и прийти к выводу, «что пушкинский текст почти полностью тождествен с текстом альбома, а от текста сочинений он отличается вариантами».

¹⁹² Статью Щеголева «Мудрость Пушкина» см. в кн.: *Щеголев П. Е.* Из жизни и творчества Пушкина. М.; Л., 1931. С. 369—374. (Впервые напечатана: Книга и революция. 1920. № 2. С. 57—60.) Трудно не согласиться с мнением Н. В. Измайлова о том, что Щеголев не должен был включать статью «Мудрость Пушкина» в сборник 1931 г. Особенно грубо звучит последняя фраза статьи: «На его (Гершензона. — Н. П.) опытах о мудрости Пушкина скрижаль ставит крест» и сноски: «Гершензон умер 20 февраля 1925 г.». Там же. С. 374.

¹⁹³ Об Онегинском музее см. в издании: «Тень Пушкина меня усыновила...». Рукописи, книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А. Ф. Онегина. Каталог выставки. Санкт-Петербург; Болонья; Кембридж, 1997.

¹⁹⁴ Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина. Пб., 1922.

¹⁹⁵ См. об этом в преамбуле.

- ¹⁹⁶ *Богословский Михаил Михайлович* (1867—1929) — историк, академик Российской Академии (1921). Летом 1927 г. находился в Париже на конгрессе исторических наук.
- ¹⁹⁷ *Крылов Алексей Николаевич* (1863—1945) — выдающийся кораблестроитель, механик, математик, педагог, академик Петербургской Академии наук (1916). В 1921—1927 гг. находился за границей в составе комиссии для возобновления научных контактов и для решения задач по укреплению морского транспорта.
- ¹⁹⁸ *Фёрингер Анна Богдановна* (ум. 1934?) — физик. Окончила Высшие женские курсы. Работала в палате мер и весов, Главной геофизической обсерватории. В 1921 г. была командирована вместе с А. Н. Крыловым за границу. Помогала организовать закупку литературы, инструментов, установила научную связь с Международным бюро мер и весов в Париже. Умерла в Париже.
- ¹⁹⁹ *Беляев Иван Федорович* (1856—1926) — младший служащий, вахтер, служил при Академии наук с 1882 г. (ААН, ф. 4, оп. 4, № 712).
- ²⁰⁰ *Тихонов Андрей Андреевич* (1863—1929) — технический сотрудник, столяр-краснодеревщик. Работал в Пушкинском Доме с 1920 по 1929 г., занимался реставрацией музейной мебели (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1162).
- ²⁰¹ Упомянутый в авторском примечании *Гинзбург Илья Яковлевич* (1859—1939) — скульптор.
- ²⁰² *Рольстон (Ролстон, Ральстон) Вильям* (1828—1889) — английский переводчик русской литературы, автор статей о И. С. Тургеневе, Л. Н. Толстом.
- ²⁰³ Марокен — тисненый сафьян, применявшийся ранее для переплетов.
- ²⁰⁴ О происхождении А. Ф. Онегина см.: *Краснобородько Т. И.* Хранитель // «Тень Пушкина меня усыновила...» Рукописи, книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А. Ф. Онегина. Каталог выставки. Санкт-Петербург; Болонья; Кембридж, 1997. С. 9—19.
- ²⁰⁵ Имеется в виду начало «академического дела».
- ²⁰⁶ Имеется в виду один из наиболее ценных фондов Рукописного отдела — собрание (ф. 93) Дашкова Павла Яковлевича (1849—1910), собирателя материалов по истории России.
- ²⁰⁷ *Струтинский Владимир Владимирович* — петербургский нотариус.
- ²⁰⁸ *Чебышева Наталья Александровна* (1905—1982) — дочь известного историка литературы А. А. Чебышева, вторая жена Н. В. Измайлова. По специальности библиотечкарь-переводчик, хорошо знала английский и французский языки. В Пушкинском Доме работала с октября 1925 г. по апрель 1931 г. научным сотрудником II разряда. Окончила в 1934 г. курсы технических переводчиков при Доме инженерно-технических работников. Работала библиотечкарем-переводчиком в сельскохозяйственном институте (г. Махачкала), заведовала Центральной библиотекой строительства Куйбышевского гидроузла НКВД СССР (Москва—Дмитров), исполняла обязанности ученого секретаря фундаментальной библиотеки при Ленинградском государственном университете. С 1939 г. по 1948 г. (с перерывами) заведовала научной библиотекой Института изучения мозга им. В. М. Бехтерева. Во время войны — лаборант института переливания крови, награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд во время Отечественной войны». С 1948 по 1951 г. служила в Библиотеке Академии наук заведующей кабинетом, а затем была переведена в Институт экспериментальной медицины Академии медицинских наук СССР им. И. П. Павлова, где и работала до пенсии. Автор статей о И. П. Павлове, библиографий работ о нем (ААН, ф. 158, оп. 7, № 1167). Печаталась в изданиях: «Ежегодник Института экспериментальной медицины», «Санитария и гигиена», «Физиологический журнал им. И. М. Сеченова».
- ²⁰⁹ *Покровская (по мужу Гитиус) Елена Борисовна* (1899—?) — историк литературы, библиограф. Родилась в Пскове в семье подпоручика. Окончила социаль-исторический факультет 1-го высшего Петроградского государственного педагогического института в 1921 г. Работала библиографом в Книжной палате (1919—1920), научным сотрудником II разряда Пушкинского Дома (1920—1931), ученым секретарем Русского музея (1930—1932), Редакционно-издательского совета (РИСО) Академии наук (1931—1934), Комитета учета и изучения научных сил СССР (КУИНС) Академии наук (1932). В 1927—1929 гг. была аспиранткой ИЛЯЭВ. В период «академического дела» была арестована 6 марта 1931 г., освобождена 19 марта того же года, с 22 марта приступила к работе. Область научных интересов Е. Б. Покровской — Ф. М. Достоевский и декабристы (ААН, ф. 18, оп. 14, № 29).

²¹⁰ *Мотовилова (у Измайлова ошибочно — Моровилова) Мария Николаевна* (1894—?) — архивист, научный сотрудник Пушкинского Дома. Родилась в Казани. В 1911 г. окончила с золотой медалью Женскую частную гимназию и поступила в Женский педагогический институт на историко-филологическое отделение. В 1916 г. окончила его с дипломом 2-й степени. В 1916—1917 гг. была на Бестужевских курсах. С августа 1918 г. по сентябрь 1920 г. работала учительницей в Плехинской школе II ступени Жиздринского уезда Брянской губернии. В 1920—1921 гг. — студентка Петроградского университета, в это же время — регистратор в Российской академии материальной культуры (1920), ученый архивист в Комиссии по исследованию истории евреев в России (1921). В 1924 г. зачислена в научные сотрудники II разряда. Состояла аспиранткой ИЛЯЗВ (1925—1927). С 1 декабря 1931 г. уволилась из Пушкинского Дома и перешла на работу секретаря Комвуза (Дом коммунистического воспитания молодежи) Московского района (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1647).

²¹¹ *Вержицкий Глеб Дмитриевич* (1904—1942) — историк литературы, писатель. Родился в Кронштадте. Окончил в октябре 1924 г. факультет общественных наук этнолого-лингвистического отделения Ленинградского государственного университета. С 1925 г. состоял в штате Пушкинского Дома на должности технического сотрудника, совмещал эту работу с преподавательской в Кронштадтской школе повышенного типа РККФ и в Нормальной школе военных сообщений им. Фрунзе. Такое совмещение трех должностей вскоре стало «физически невозможным», и с ноября 1928 г. Вержицкий вынужден был уволиться из Пушкинского Дома (ААН, ф. 4, оп. 4, № 4935; № 879). Умер от истощения на почве голода в Ленинграде 11 февраля 1942 г. (сведения о смерти даны на основании библиографической карточки Л. Б. Модзалевского).

²¹² *Зиссерман (у Измайлова ошибочно — Зимерман) Петр Иванович* (1888—1931) — статистик, пушкинист. Учился на экономическом отделении Петербургского политехнического института (не окончил). Служил статистиком в Енисейском Губземотделе (1920), участвовал во Всероссийской переписи Красной армии и Флота по Восточно-Сибирскому военному округу (1920), работал в статотделе штаба 5-й армии и Восточно-Сибирского округа (1920), а также в Череповецком Губстатбюро (1921—1922), являлся районным руководителем Всероссийской городской переписи в Череповце (1923). В 1923—1924 гг. — статистик Северо-Западного Областземотдела, Петроградского Губземотдела, Северо-Западной областной конторы Промбанка. В эти же годы бывал на лечении в Петрограде и эпизодически работал в Пушкинском Доме. В штате Пушкинского Дома служил с октября 1926 г. по июль 1930 г. научным сотрудником II разряда. 18 июля 1930 г. после обыска в своей квартире был арестован. 19 сентября уволен из Пушкинского Дома (ААН, ф. 4, оп. 4, № 5155). Расстрелян в 1931 г.

²¹³ *Краевский Андрей Александрович* (1810—1889) — издатель, журналист.

²¹⁴ Описание Измайловым расположения рабочих комнат и кабинетов Рукописного отдела стало историческим. Летом 2000 г. Рукописный отдел Пушкинского Дома перевез свои фонды в новое помещение, пристроенное к главному зданию (наб. Макарова, 4).

²¹⁵ Далее следует зачеркнутый текст: «об этом я говорил выше».

²¹⁶ Среди членов-учредителей упоминаемого в авторском примечании Общества друзей Пушкинского заповедника «Пушкинский уголок», организованного в 1926 г., были Измайлов, Беляев, Коплан, Платонов, П. М. Устимович и др., председателем являлся А. Карпинский, а Модзалевский был одним из его заместителей. Общество устраивало пушкинские вечера, вело просветительскую, выставочную и издательскую работу, оказывало заповеднику материальную помощь.

²¹⁷ Траурные объявления от имени родственников покойного, от Академии наук и Пушкинского Дома, а также от Правления Общества друзей Пушкинского заповедника были помещены в вечернем выпуске «Красной газеты» (1928. 4 апр., № 93. С. 1), а на следующий день появилось сообщение о похоронах Б. Л. Модзалевского (Красная газета. 1928. 5 апр., № 94. С. 3).

²¹⁸ В этом месте пропуск в тексте, номер линии Васильевского острова в ломаных скобках указан нами.

²¹⁹ Отпевание происходило в церкви Киевского подворья (угол набережной Лейтенанта Шмидта и 15 линии Васильевского острова).

²²⁰ В одном из вариантов воспоминаний (сохранившимся в ф. 714 Измайлова) после опубликованного нами текста есть указание на время и место написания их:

«Ленинград, 1968—1970». А ниже есть приписка (допечатка), сделанная в июле 1980 г.:

«На этом печальном событии — неожиданной кончине 3 апреля 1928 г. Бориса Львовича Модзалевского — я позволю себе закончить свои воспоминания о Пушкинском Доме. Но мне хочется сказать еще несколько слов, относящихся к позднейшей эпохе, точнее — к нашей современности.

За эти годы нам пришлось пережить Великую Отечественную войну, закончившуюся нашей победой 9 мая 1945 года. После ее окончания Пушкинский Дом вновь развернулся и стал крупнейшим и своеобразнейшим учреждением среди литературоведческих институтов Советского Союза. В нем я вновь занял место заведующего Рукописным отделом, вернувшись из Чкалова (Оренбурга), где в годы войны и несколько позже я преподавал русскую литературу в Пединституте.

Шесть лет назад я ушел на отдых, но и сейчас по мере сил стараюсь быть полезным и консультирую молодых сотрудников Института и всех тех, кто обращается ко мне за советом.

На этих днях Пушкинский Дом в связи с предстоящим юбилеем и большими научными заслугами награжден Орденом Трудового Красного знамени.

Мне, описавшему в этой статье все трудности, которые пришлось преодолевать в первые годы создания Института, хочется пожелать Пушкинскому Дому дальнейших научных успехов во имя процветания нашей Советской филологической науки.

Ленинград, 1980, июль».

II

Последнее письмо из блокадного Ленинграда Н. С. Измайловой к Н. В. Измайлову

21/III 42.

Дорогой мой, любимый Коля! Это письмо я собиралась писать тебе очень долгое время, — и все не хватало сил. Мы пережили за эти месяцы очень многое, и понесли много потерь. Ты просишь написать тебе обо всем, ты готов ко всему. Мы с Таней¹ живы, но Наты² нет; она умерла при неясных для меня обстоятельствах, о которых я подробно тебе напишу далее. Нет в живых и Маруси,³ и Нины Сергеевны⁴ — всех их мы утратили в январе, который оказался для нас страшным месяцем.

Обстоятельства сложились так: в середине декабря (10/XII) Таня захворала очень сильно гриппом, с t до 40; коммун<альный> врач опасался плеввропневмонии, и через несколько дней после того, как она заболела, высказался за помещение ее в больницу, т<ак> к<ак> дома было холодно, и она лежала в обществе Маруси, которая фактически не могла за ней ухаживать, а я целыми днями была на работе. Удалось выхлопотать для нее место в больнице им. Эрисмана; несколько дней не могли достать сан<итарного> транспорта для доставки ее в больницу; героически помогла Ната, которая пошла на ул. Пролеткульта и через Горздрав получила соответствующий наряд. 15/XII Таня была принята в больницу, в отделение Марии Самойловны,⁵ и я успокоилась, хотя в палате было холодно. Заботы о ней, большая работа, заботы о Марусе, хождение пешком, т<ак> к<ак> трамваи не ходили, и маловатое питание (надо было питать и Марусю, у которой была карточка иждивенца) — все это, вероятно, утомило меня. 18/XII на работе⁶ (к счас-

тью, не на улице) мне стало дурно — приступ сердечной слабости — и я слегла на 2 1/2 месяца в той же палате, что и Таня, с диагнозом «алиментарная дистрофия»; это спасло меня, т<ак> к<ак> хотя больничное питание и не велико, но оно было регулярно, сил я не затрачивала; первые недели лежала с t 34 с десятыми, не читала, а лежала без движения, много спала. Во мне приняли большое участие и врачи моего отделения, в кот<ором> я работала последнее время, и Екат<ерина> Серг<еевна>,⁷ работавшая в соседнем отделении, и Мария Самойловна. Ната навещала нас раза 3, но т<ак> к<ак> у нее стали отекать ноги и лицо, и приходы к нам (пешком с Вас<ильевского> острова, где она устроилась с Марусей, т<ак> к<ак> у нее в комнате было - 6°) ее, как я видела, утомляли, я просила ее не приходите к нам часто: надо было беречь силы. Последний раз она была у нас в палате 12/1, после этого я ее не видела. О дальнейшем мы узнавали только из посещений Екат<ерины> Серг<еевны>, дружбу которой только в это время могла вполне оценить. Кроме нее, никто нас более не навещал — я подразумеваю родных. 12/1 утром она пришла сообщить мне, что накануне скончалась Нина: она умерла в квартире на Кировском пр.; за несколько дней до этого она начала работать в госпитале (она окончила курсы мед<ицинских> сестер) получила прод<овольственную> карточку I категории, и есть предположение, что после скудного питания неосторожно много поела; получилась непроходимость кишечника, и Екат<ерина> Серг<еевна>, позванная на помощь 11/1 днем, несмотря на все принятые меры, не могла уже ее спасти. Эта смерть первой из нас шестерых⁸ и происшедшая от случайной причины взволновала меня очень; но я лежала, и даже не могла проститься с умершей. Далее, 25/1 узнали мы от Екат<ерины> С<ергеевны> следующее: 19/1 Маруся была доставлена на санках на Кировский пр., т<ак> к<ак> Ната чувствовала себя плоховато и решила лечь на время в стационар при ГПБ.⁹ Маруся была встречена детьми, т<ак> к<ак> Миша¹⁰ и Мар<ия> Мих<айловна>¹¹ ночевали в тот день в Техн<ологическом> ин<ституте>те и пришли домой только на след<ующий> день; они застали Марусю слабой, но в ясном сознании, и Миша, как он мне написал потом, хорошо с ней поговорил, но потом она впала в бессознат<ельное> состояние, и в ночь на 22/1 скончалась, по-видимому, от общей слабости. Как она и Ната жили без нас, не знаю как следует; но до моей болезни Маруся не только не жаловалась на здоровье, но у нее замечалось даже некоторое улучшение, так напр<имер>, она сама мыла и убирала чайную посуду по утрам, обслуживала себя, когда оставалась одна надолго, была бодр.¹² Ее смерть, как ты можешь себе представить, меня поразила. Но дальнейшее было самое тяжелое: в первых числах февраля от Екат<ерины> С<ергеевны> я узнала, что из ГПБ запросили о Нате, т<ак> к<ак> она там не показывалась, а все считали, что она лежит там в стационаре для ослабевших сотрудников. Последнее время жизни с Марусей она слабела, у нее замечалась неполная ясность сознания временами; когда выяснилось, что ее в ГПБ нет, Ал<ександр>Ник<олаевич> Скарл<ато>¹³ пошел в нашу квартиру на В<асильевский> О<стров> — дверь оказалась незапертой, но

припертой плотно; войдя, он увидел в передней на полу Нату одетой в шубку, шапочку и пр., лежащей мертвой. Сколько времени она там пролежала (там мороз), когда скончалась, — не ясно. Ал<ександр> Ник<олаевич> сам заходил ко мне в больницу потом рассказать все; он сказал, что выражение ее лица очень спокойное, одета она тщательно. Хоронили ее без меня, обо всем остальном расскажу при свидании. Никаких признаков насильственной смерти не обнаружено. Акт о смерти был составлен и подписан квартальным, домоуправом и Ал<ександром> Ник<олаевичем>. Этот акт дал право хоронить ее. Что с ее имуществом — не знаю, т<ак> к<ак> до конца февраля мы с Таней лежали в больнице, и я так слаба (особенно ноги), что ходить могу только на небольшие расстояния. Слышала, что Миша с семьей собирались эвакуироваться, но это отложено, т<ак> к<ак> он сейчас отдыхает там, где была Маруся и др.<угие> в 1930 г.¹⁴ У меня пока нет сил побывать в комнате Наты. Из больницы мы с Таней выписались 27/II, т<ак> к<ак> там не работал водопровод, канализация, не было света и пр. Танюся была много бодрее меня, и на саночках с помощью Гали¹⁵ перевезла меня домой. Но в начале марта она простудилась и перенесла дома, почти без мед<ицинской> помощи плеввропневмонию, кот<орая> очень ее ослабила. Теперь мы с ней остались вдвоем, очень это чувствуем. Дома застали буквально с десятком твоих писем. Спасибо за них. Твое настроение совпадает с нашим: мы так настрадались, что у нас обеих одно желание — уехать отсюда и жить с тобой, как бы ни сложились обстоятельства бытовые. Эвакуация Универ<ситета> устроилась,¹⁶ когда мы были в больнице — да мы и не могли бы ехать теперь, т<ак> к<ак> очень слабы, а путь труден. Обещает помочь нам с отправкой Дм<итрий> Ник<олаевич>,¹⁷ кот<орый> на днях отправляет свою семью.

Дорогой мой, я знаю, что потеря Наты для тебя огромное горе. Пишу кратко, но от этого чувствую не меньше. Думаю о тебе, поверь. Я сама не могла поверить и понять слова Екат<ерины> С<ергеевны> о Нате. Очень, очень тяжело. Нет слов сказать, что мы пережили. Таню не узнать, она разучилась улыбаться.

Мое решение — соединиться с тобой во что бы то ни стало, и остаток моей жизни провести с тобой. Таня тоже ни о чем в Л<енингра>де жалеть не будет. Но я теперь — старая женщина, ты без преувеличения не узнаешь меня. Целую тебя. Прости за долгое молчание — не было сил писать. Танюся напишет тебе на днях.

Дорогой мой, так тяжело сообщать тебе о Нате; я до сих пор все не могу привыкнуть к мысли о ней и о сестрах. Теперь мы совсем одни, т<ак> к<ак> и Вера с Татой¹⁸ уезжают в Куйбышев. Вере нужно оперироваться, как мне в прошл<ом> году.¹⁹ Целую тебя и обнимаю.

Н. И.

---

¹ Измайлова Татьяна Николаевна (р. 1924 г.) — дочь Н. С. и Н. В. Измайловых. По профессии врач-дерматолог; окончила в 1952 г. лечебный факультет Чка-

ловского государственного медицинского института и некоторое время работала в Свердловской области. Затем вернулась на ленинградскую землю и около 27 лет работала в Лодейнопольской районной поликлинике. В настоящее время пенсионерка, живет в г. Лодейное Поле. См. о ней в статьях: *Викторова Т.* По велению сердца // Ленинская правда. 1982. 9 дек., № 147. С. 4; *Голубцова С.* «Я не давала клятву. Я просто честно работала» // Лодейное Поле. 1999. 5—11 мая, № 18. С. 5.

² *Измайлова Наталья Васильевна* (1890—1942) — родная сестра Н. В. Измайлова; в анкете выездного дела, хранящегося в ф. 714 (фонд не обработан), Николай Васильевич Измайлов указывает дату смерти сестры — декабрь 1941 г., но, судя по публикуемому письму, Наталья Васильевна 12 января 1942 г. была еще жива.

³ *Платонова Мария Сергеевна* (1897—1942) — младшая сестра Н. С. Измайловой, филолог, архивист. Окончила Высшие женские курсы по этнолого-лингвистическому отделению (1922). С 1923 по 1930 г. служила в Публичной библиотеке. Подробнее о ней см.: *Эльзон М. Д.* Платонова Мария Сергеевна // Сотрудники Российской Национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь. СПб., 1999. Т. 2. С. 499—500.

⁴ *Платонова Нина Сергеевна* (1886—1942) — старшая сестра Н. С. Измайловой.

⁵ *Мария Самойловна* — врач больницы им. Эрисмана.

⁶ С 28 сентября 1941 г. Наталья Сергеевна работала медицинской сестрой в больнице им. Эрисмана, сначала палатной сестрой, а затем в перевязочной хирургическо-урологического отделения.

⁷ *Екатерина Сергеевна Скарлато* — врач, близкий друг семьи Измайловых.

⁸ У Натальи Сергеевны было четыре сестры Нина, Вера, Надежда, Мария, и брат Михаил.

⁹ Наталья Васильевна работала в Государственной публичной библиотеке.

¹⁰ *Платонов Михаил Сергеевич* (1899—1942 или 1943) — родной брат Натальи Сергеевны, химик-органик, преподаватель Технологического и Военно-механического институтов.

¹¹ *Платонова Мария Михайловна* — жена М. С. Платонова.

¹² Долгие годы Мария Сергеевна страдала ревматизмом суставов.

¹³ *Скарлато Александр Николаевич* — муж Е. С. Скарлато, моряк, близкий друг семьи Измайловых.

¹⁴ В завуалированной форме Наталья Сергеевна сообщает мужу о том, что Михаил Сергеевич арестован (впоследствии расстрелян), упоминая при этом Марию Сергеевну, которая была арестована по «академическому делу» в феврале 1930 г. и затем вместе с сестрой Ниной и отцом отбывала ссылку в Самаре.

¹⁵ *Гая Волошинова* — школьная подруга Т. Н. Измайловой.

¹⁶ Наталья Сергеевна, вероятно, отвечает на вопрос Николая Васильевича об эвакуации Ленинградского государственного университета, в котором Т. Н. Измайлова начинала учиться в 1941 г. на филологическом факультете.

¹⁷ *Федоров Дмитрий Николаевич* — хирург, директор Института скорой помощи, хороший знакомый семьи Измайловых.

¹⁸ Имеется в виду Вера Сергеевна Шамонина (урожд. Платонова; 1888—1944) и ее дочь Наталья (Тата). С дочерью Натальей и внучкой Татьяной Вера Сергеевна эвакуировалась в Куйбышев, где вскоре умерла. (Сообщено Т. Н. Измайловой.)

¹⁹ В 1941 г. Наталья Сергеевна перенесла операцию по удалению опухоли молочной железы.